

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ДОРОГА
ВО МГЛЕ

Шаги
Мир

Сага о великом воитеle
Конане. Книга 1
Дорога во мгле

- [Шон Мур](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
-

Шон Мур
Проклятье шамана

ГЛАВА 1

КРАСНЫЙ ТУМАН

Стая стервятников жадно кружила над каменистым побережьем, крича от нетерпения. Запах крови наполнял сырой воздух зариийской степи, привлекая все новых и новых хищников. Тысячи человеческих тел устилали берег, словно чудовищный ковер, вышитый красной и черной нитью. Многие из павших все еще сжимали свои мечи застывшими пальцами, другие, со спутанными волосами, лежали в обнимку под трупами своих врагов. Повсюду валялись помятые доспехи, затупившиеся клинки и надломанные копья. Жуткая картина безмолвно писала еще одну страницу истории племенной вражды.

Но не всем суждено было пасть в этой беспощадной бойне: вот почему хищные птицы до сих пор не решались закатить свой кровавый пир. Четырнадцать измученных мужчин в желтых, перепачканных кровью робах – четырнадцать лучших воинов какланийского племени – сумели выжить. Позади них, опираясь на короткую деревянную трость, тяжело хромая, плелся белобородый старик.

Тяжело дыша, спотыкаясь о трупы своих товарищей, группа медленно продвигалась вперед, к небольшой возвышенности, где стоял один-единственный человек. Этот человек стоял во весь свой могучий рост, широко расставив ноги, и со спокойствием льва наблюдал приближение людей, жаждущих его смерти. Длинные черные волосы падали на плечи из-под помятого и сидевшего немного набекрень шлема. Могучую грудь прикрывала тяжелая кольчуга на кожаной подкладке. На руках вздувались узловатые стальные мышцы. Пальцы правой руки крепко сжимали рукоять тяжелого длинного меча. На гранях клинка играли отблески клонящегося к закату солнца. Глаза его сверкали подобно голубым льдам горных вершин. Злобный оскал выставлял напоказ ровный ряд белых зубов.

Звали воина Конан. Его родиной была Киммерия – страна снегов и неприступных скал, расположенная так далеко на севере, что здесь, на юном побережье Хайбории, мало кто даже слышал о ней. Жители Киммерии, закаленные постоянными лишениями и испытаниями, были столь же суровы, что и их родина. В сражениях киммерийцы никогда не продавали себя дешево, и здесь Конан не был исключением. У его ног сейчас возвышалась гора мертвых дикарей, которым не посчастливилось познакомиться с его беспощадным мечом. Но еще глубже, под телами своих врагов, покоились зарийцы – друзья Конана, что недавно еще сражались с ним плечом к плечу.

Именно зарийцы-то и втянули Конана и его людей в эту заваруху. Кровавая сеча развернулась сначала у подножья Золотых Гор, но к вечеру она переместилась аж до самого побережья. И здесь, на берегу, последний заририец пал вместе с последним бойцом из наемной армии.

Еще с восходом солнца Конан обнажил меч, и с тех пор у него не было ни минуты передышки. А сейчас диск светила медленно погружался в океан на далеком западном горизонте. Но киммериец не выказывал ни малейшего признака усталости. Он вытянул свой меч вперед, зная, что будет драться до последнего.

Тем временем четырнадцать дикарей окружили его со всех сторон. Чувствуя, что победа уже не за горами, с лицами, искаженными злорадной гримасой, они с каждым шагом подбирались все ближе. Четырнадцать кривых сабель, как стальные клыки, тянулись к

жертве, готовые сомкнуться в любую минуту.

– Зариийский шакал! – Один из дикарей был уже совсем близко, он остановился и нагло плонул Конану под ноги. – Считай себя мертвым! Сейчас я вырежу твою печень.

С этими словами какланиец сделал стремительный выпад, метя острым клинком в широкую грудь своего противника. Но Конан был быстрее, он молниеносно парировал атаку, с плеча ударив по руке наглеца. Обрубок кисти упал на землю, так и не успев выпустить своего оружия. В то же мгновение Конан с криком всадил свой меч орущему дикарю меж ребер. Тот пал ниц и стих.

Не теряя ни минуты, киммериец обрушился на первого попавшегося противника и одним ударом расколол его череп от макушки до челюсти. Дикарь превратился в фонтан из крови, приводя в жуткое оцепенение своих соплеменников. Конан воспользовался коротким замешательством, чтобы прорвать кольцо. Теперь путь был открыт, но Конан отогнал от себя мысль о бегстве. Он помнил, что поклялся отомстить за товарищей. С кличем, сотрясающим воздух, киммериец бросился навстречу двенадцати обнаженным клинкам.

С каждым взмахом меча визжащие от боли дикари падали на землю. Конечно, и Конану приходилось не сладко: десятки ударов сыпались на его плечи и грудь, но стальная кольчуга надежно защищала от острых клинков и кривых сабель. Звон железа и запах крови возбудили варвара до предела, наполняя голову огнем и пуская сердце в бешеный скач. Он дрался с беспощадной яростью до тех пор, пока последний какланиец не упал на колени, держась за распоротый живот и с ужасом глядя на собственные внутренности. С отвращением Конан наблюдал за последними судорогами своего врага.

И вдруг наступила тишина. Солнце почти скрылось за горизонтом, и в сумерках картина отшумевшей битвы казалась еще более зловещей. Конан огляделся вокруг. Только один-единственный какланиец оставался в живых – тщедушный седобородый старец. Задыхаясь от кашля, старик силился встать, тяжело опираясь на деревянный посох, украшенный затейливой резьбой. Наконец это ему удалось, и он, покачиваясь, медленно двинулся на Конана. Кровь сочилась из его рваного бока, а изрубленная нога бесчувственно волочилась под неестественным углом. Тощее тело представляло собой одну сплошную мозаику из разноцветных татуировок. Таким же фантастическим узором, видимо для придания облику художественной завершенности, был покрыт сморщеный лысый череп старца. Застывшая кровь образовала корку и закрывала одну половину морщинистого лица. Конан, которому доводилось слышать об иранистанских племенах, сразу смекнул, что имеет дело с какланийским шаманом.

Вообще-то киммериец побаивался таких людей. Лучше уж встретиться с десятком врагов в открытом бою, чем сражаться с чарами колдуна. Но он так устал махать мечом, да и не в его правилах было убивать безоружного старика, который, кстати, и так вот-вот должен был отдать концы. Как бы то ни было, варвар опустил меч и беззлобно сказал:

– Ступай с миром, старец. Я не причиню тебе вреда.

Шаман перенес вес на здоровую ногу и поднял свой посох, будто хотел швырнуть его в ненавистного врага. Киммериец чуть отступил назад, и старик, потеряв равновесие, рухнул на одно колено. С ненавистью глядя на Конана, колдун двумя руками ухватился за концы своей палки и начал ее гнуть, стараясь сломать посередине. Непонятные хриплые заклинания, вырвавшиеся из уст колдуна, словно придали сил старцу, и... к изумлению Конана, посох действительно раскололся на две половины, выпуская облако красного дыма. Это облако окутало киммерийца, будто густой туман, мешая дышать и видеть. Хриплое

бормотание шамана перешло на пронзительный визг; стариk торопился, будто предчувствовал близкий конец. Потом он неожиданно смолк и тут же упал замертво.

Конан размахивал руками с таким усердием, как если бы отгонял тучу диких пчел, но красное облако вокруг него сгущалось все плотнее, нестерпимо жгло глаза и наполняло голову такой болью, что Конану казалось, будто тысяча стальных игл пронзила его череп. Он жадно ловил ртом воздух, но вдыхал лишь один сладковатый туман. Задыхаясь, он судорожно схватился за горло, проклиная тяжелую кольчугу, сдавившую грудь. И тут вдруг перед глазами все поплыло, непослушные мысли кувыркались и путались, уносимые неведомым течением. Это было последним, что он успел запомнить, прежде чем погрузиться в кромешную мглу.

ГЛАВА 2

УТРО ПОСЛЕ БОЯ

Конан продирался сквозь чащу знайных джунглей, задыхаясь от долгой погони. Он не помнил, за кем гнался, однако жертва его была быстра и неуловима. Киммериец был гол и безоружен, но этот факт почему-то его нисколько не смущал. Выскочив на поляну, он задрал голову кверху и увидел луну, заполнившую ночное небо. Бледное светило смотрело на землю, словно жуткий горящий глаз, от взгляда которого рассудок варвара окончательно помутился, и он снова ринулся в джунгли, ощущая прилив странной энергии.

Запах жертвы наполнил его ноздри. Брызгая слюной, Конан жадно бросился к четвероногой твари, чувствуя ее страх. Красный туман плыл перед глазами, заставляя кровь в венах вскипеть. Прорвавшись сквозь стену густой растительности, Конан снова выбрался на просвет и оглядел себя с ног до головы. Увиденное заставило его содрогнуться: грубая белая шерсть на глазах прорастала из его рук, а из уродливых пальцев прорезались острые черные когти.

Прыгнув вперед, он вцепился этими когтями в горло скулящему животному и начал рвать его плоть.

Конан проснулся от собственного крика. Он вскочил на нога, стряхивая с лица обильные капли пота и жмурясь на яркий иранистанский восход. Киммериец инстинктивно выхватил меч, прежде чем успел понять, что видел кошмарный сон. Выдернув левую ступню из-под окоченевшего трупа, он с отвращением отпрянул назад, чуть не запнувшись об оторванную ногу. Куда ни ступи, повсюду вокруг него валялись мертвые изуродованные тела. Наконец ему удалось найти клочок голой земли, где он мог спокойно постоять, позволяя глазам привыкнуть к дневному свету, а сердцу обрести обычный ритм. На море начался прилив, и прибой печально омывал тела, разбросанные вдоль берега.

Наутро после сражения большинство мужчин едва передвигало ноги – чего нельзя было сказать о Конане.

Его выносливость была выносливостью волка, а сила – силой льва. Киммерийцу доводилось участвовать в таких походах, где сражения велись от зари до заката, неделями без передышки при скучных запасах воды и пищи. Эта же битва длилась только один кровавый день.

Конан осторожно потрогал здоровенную шишку на голове и попытался стряхнуть остатки странного сна. Никакой ночной кошмар не мог сравниться с адской картиной, что раскинулась сейчас перед ним. Тошнотворное зрелище вывернуло бы наизнанку желудки многих бывалых вояк. Однако киммериец давно научился переносить вид и запах смерти. Ему было около тридцати лет от роду, но уже к своему восемнадцатилетию он успел пройти через столько войн, сколько другие мужчины не видели за всю свою жизнь.

И сейчас глаза и нос варвара отмечали характерные детали племенной розни. Конан считал недостойным мужчины совершать надругательства над телом мертвца. Дикари же, казалось, наоборот, испытывали огромное удовлетворение, разбрасывая по ветру останки изрубленного на куски врага. Эти останки, пригретые первыми лучами солнца, начинали теперь омерзительно смердеть.

Восходящее солнце приятно ласкало тело, но не в состоянии было растопить ледяную

тоску, что поселилась в сердце. Жестоко проклиная обстоятельства, вовлекшие его в эту бессмысленную бойню, Конан снова и снова предавался горьким воспоминаниям. Еще неделю назад он был исполнен решимости добраться до туранских степей и вместе со своими вольнонаемниками присоединиться к армии Аршака, нового короля Иранистана.

Его люди были гирканийцами, прирожденными воинами, жадными до золота и славы. Путь их лежал через зариийские земли, правил которыми шейх Джерал. Джерал был слишком хорошо наслышан о подвигах киммерийца, чтобы упустить возможность познакомиться с ним лично. В один из вечеров он пригласил Конана в свой шатер, где за чашей крепкого вина поведал варвару о вопиющей дерзости близлежащих какланийских племен. Примеры возмутительного поведения соседей были столь красочны, что даже далеко не сентиментальный киммериец мог только охать да разводить руками. Джерал же, искусно играя на рыцарских чувствах негодующего киммерийца, умолял его выступить вместе с ним и положить конец беспределу кочевников.

Сначала Конан упорно отмахивался от предложений шейха, верный своему намерению поступить на службу к иранистанскому королю. Но в течение долгого ужина Джерал вновь и вновь наполнял кубок гостя вином, а уши лестью, не скучаясь на обещания высоких наград. Скромно одетые, но достаточно темпераментные девушки весь вечер носили изысканные блюда и напитки. Наконец Джерал позволил Конану выбрать одну из его лучших танцовщиц. И когда могучие руки киммерийца сомкнулись на стройной девичьей талии, шейх сделал свое заключительное предложение: половина трофеев в случае победы переходила к Конану и его армии. Кроме того, он пообещал еще лично вознаградить варвара.

И Конан принял роковое решение, в чем теперь глубоко раскаивался. Численностью какланийцы в два раза превосходили своего атакующего противника и сразу же заставили его отступать. Конан вынужден был драться или умереть. В какой-то момент он даже помышлял о бегстве, но верные ему люди гибли теперь по его вине, и он не мог их оставить. Они дрались как львы и, отправляясь в преисподнюю, не забывали прихватить с собой нескольких дикарей. До последнего человека они стояли рядом с Конаном. До последнего человека они сложили здесь свои головы.

Выругавшись, Конан прогнал навязчивые воспоминания. Прямо напротив него нахальная птица методично перебиралась от трупа к трупу, выклевывая только самые деликатные места. Тихий шелест прибоя неестественно гармонировал с хлопаньем крыльев и щелканьем клювов.

Ничего не скажешь, обстановка вряд ли могла поднять и без того мерзкое настроение.

Конан бросил унылый взгляд на море, взвешивая свои немногочисленные возможности. Редкие клочья облаков неподвижно повисли в безветренном небе. Вдали виднелось темное пятнышко, имевшее форму расплывчатого креста, что на самом деле могло оказаться кораблем. Киммериец напряг свое острое зрение. Да, несомненно, это был корабль. Попав в утренний штиль, он со спущенными парусами беспомощно покачивался на сверкающей водной глади. Конану почудилось, что он слышит манящий зов океана, чувствует его могучее дыхание. Ему вдруг нестерпимо захотелось вновь оказаться средь бескрайних морских просторов. Но холодный рассудок безжалостно рушил фантазии. Что ни говори, а на твердой земле у него было больше шансов выжить.

Кроме того, его ждала еще нелегкая работенка. Конан лениво зевнул, скользя взглядом по побережью. Он не чувствовал себя отдохнувшим, хотя и проспал всю ночь. Он почесал зудящий затылок, тщетно пытаясь вспомнить того наглеца, что посадил ему шишку. Обычно

схватка настолько увлекала азартного киммерийца, что он не замечал даже крупных ран, не говоря уж о синяках и царапинах, пока наутро они не заявляли о себе все разом. Наверняка ночной кошмар был следствием полученного сотрясения.

Конан глубоко вздохнул: задача, которую он перед собой поставил, не вызывала энтузиазма.

Он начал кропотливо отыскивать трупы своих людей, складывая их вместе с оружием поверх кучи сухих веток, которая вскоре должна была превратиться в гигантский погребальный костер: именно так хоронили гирканийцев на их далекой родине. Своей преданностью и храбростью они заслужили могилу более достойную, чем животы стервятников.

Вот уже несколько часов Конан продолжал откапывать своих мертвцевов. Он наконец перестал терзаться чувством вины: его люди пошли в бой по своей воле и пали с честью, он за них отомстил. Но легче от таких мыслей не становилось. Киммериец как раз вытаскивал из воды последнего воина, когда заметил, что губы того шевелятся. Это был Ари, его первый помощник.

Глаза Ари были закрыты. Конан склонился над ним и принял тормошить, пытаясь привести в чувство, и вдруг... с отвращением отпрянул. Движение губ покойника исходило от небольшого краба, уютно обосновавшегося во рту. Тварь, по всей видимости, забралась туда в поисках самого нежного мяса. Конан брезгливо смахнул маленького падальщика острием меча, заметив сырой розовый лоскутик, зажатый в клешне.

...Это все, что осталось от Ариного языка.

Тело гирканийца он закинул на самый верх кучи, насчитывавшей теперь более двухсот человек. Плечи варвара немилосердно стонали, а сам он едва переводил дыхание. Дневная жара окончательно сразила разбитое тело. Зевнув, он немного помедлил, оценивая проделанную работу. Затем побрел в сторону лагеря, что лежал в миle отсюда. Там он надеялся утолить жажду доброй чашей вина, выбрать быстрого коня и набирать хвороста для растопки.

А главное – отыскать то, что Джерал так тщательно прятал в ночь перед походом. Варвар видел, как пройдоха шейх оседлал среди ночи коня и поскакал к близлежащим холмам. Любопытства ради Конан устремился следом и стал свидетелем занимательной сцены: шейх, по-воловски озираясь, проворно стащил со спины жеребца громоздкий сундук и закопал под засохшим деревом. Запомнив ориентир, варвар незамеченным возвратился в лагерь.

Через час Конан уже был в седле, Несясь галопом к знакомым холмам. Он без труда отыскал приметное дерево и выкопал деревянный сундук внушительного размера. Предчувствие не обмануло: сундук был доверху набит золотом. Предусмотрительный шейх решил припрятать заначку на случай, если кочевники одержат верх. Еще бы, удирать с груженым сундуком на плече было бы не очень-то удобно.

Закрепив сокровище на спине жеребца, Конан задержался еще ненадолго, чтобы собрать хворосту, затем отправился обратно на побережье.

Сейчас, размышлял варвар, он запалит костер и вскоре будет далеко-далеко от этого мрачного места. Он уже решил, куда поедет. Ближайшим портовым городом был Денижкенар. С золотом Джерала он мог прожить много месяцев, ни в чем не нуждаясь. А сладкое вино и жаркие красавицы помогли бы забыть о потерянной армии. Удовольствия городской жизни! Он так долго их лишился. Ну неужели он не заслужил короткого отдыха?

Вернувшись к погребальному костру, Конан запалил растопку и подождал, пока толстые

сучья займутся огнем. Едкий дым клубясь взвился к небу. «Ну вот и все», – подумал варвар, запрыгивая на коня. Он направил скакуна вдоль берега и... чуть не вывалился из седла от изумления: сотня всадников неслась во весь опор прямо на него.

– Кром! – выругался киммериец, разворачивая жеребца и глубоко зарывая шпоры в бока животного.

На головах преследователей разевались пестрые отличительные повязки, что свидетельствовало об их принадлежности к племени башкар, восточного союзника какланийцев. Подмога пришла поздно, но Конан знал, что дикари будут искать мести. Через минуту они уже поравнялись с костром, который к этому времени превратился в гигантский пожар; языки пламени жадно рвались к небу, не уступая по яркости самому солнцу.

Конан оглянулся через плечо. Похоже, кочевники были решительно настроены. Они выхватили свои ятаганы и зловеще размахивали ими, словно в ритуальном танце. Расстояние, отделявшее их от жертвы, неумолимо сокращалось.

Конан скакал в сторону Золотых Гор, надеясь спрятаться в одной из многочисленных расщелин. Кроме того, узкие горные тропинки стали бы серьезной помехой для такого скопления всадников. Желтая косынка варвара разевалась на ветру, выдавая в нем союзника зариийцев. Однако Конан не спешил расстаться с предательским головным убором, сомневаясь, что это заметно облегчит его участь.

Как назло, лошадь замедлила ход, перегруженная двойным весом всадника и сундука. Стук копыт позади раздавался все громче.

– Кром! – Проезжая меж скал, Конан неожиданно заметил группу лучников, притаившихся в засаде. Их дрожащие от напряжения стрелы готовы были сорваться в любую минуту.

Варвар резко натянул поводья и развернул коня на юг, за мгновение до того, как лучники выпустили свой смертоносный штурм. Туча стрел, гудящая, как стая саранчи, на какой-то миг затмила небесный свет. Две-три из них отскочили от стальной кольчуги, еще несколько впились в бок жеребца. Обезумев от боли, конь взвился на дыбы, едва не сбросив седока наземь.

Итак, путь в ущелье был отрезан. Не дожидаясь нового залпа, Конан устремился вниз по склону горы, который плавно переходил в берег. То есть в тупик!

Сотня всадников распределилась полукругом, не оставляя никаких шансов на спасение.

Конан попытался оценить свое незавидное положение. Поистине судьба предлагала ему небогатый выбор: остановить лошадь и ждать, пока дикари набросятся на него всем скопом, повернуть назад и попытаться прорвать кольцо или... плыть к спасению! Из своего пиратского прошлого он знал, что вендийские купцы совершают частые рейсы вдоль южного побережья, ведя бойкую торговлю с местными племенами и населением Жемчужных островов.

Окидывая взглядом горизонт, он заметил нечто, напоминавшее по форме галеру. Она была достаточно далеко, но тихое море предоставляло шанс выжить, которого не было бы вовсе, останься он на берегу.

Конан на скаку спрыгнул с коня, срывая с себя кольчугу. Желтую зарийскую косынку он ловко превратил в котомку и, доверху набив ее золотом, привязал к поясу. После короткого размышления он вонзил меч в ножны и также закрепил на боку. Затем, набрав в легкие побольше воздуха, киммериец нырнул в теплую голубую воду.

Крики башкар пронзили его слух, когда он вынырнул на поверхность, лихорадочно

сражаясь с прибоем. Усилием воли Конан поборол соблазн отделаться от тяжелой ноши: мешочек с золотом мог весьма пригодиться при посадке на корабль... если, конечно, ему суждено было доплыть до далекого судна!

Между тем дикии вовсе не собирались так просто отпускать свою добычу. Безбожно ругаясь, обманутые преследователи сбрасывали с себя одежду и прыгали в воду с кинжалами в зубах. Через минуту к ним подоспели лучники, выпуская град стрел. Киммериец искренне благодарил судьбу за то, что башкары были худшими лучниками во всем Иранистане, не то плавать бы ему сейчас кверху брюхом, как загарпуненному карасю.

– Свинья зариийская! – кричали они с берега. – Чтоб твои кости обглодали рыбы!

Конан с удовольствием посмеялся бы над беспомощными недотепами, но должен был беречь дыхание. Он заплыл достаточно далеко, чтобы не бояться стрел, однако дюжина дикарей по-прежнему его преследовала. Отягощенный своей ношей, он чувствовал, что теряет скорость, башкары же плыли в пределах броска кинжала и с каждым взмахом волосатых рук становились все ближе.

ГЛАВА 3

НА БОРТУ «МИСТРИСС»

Конан прибавил темп, задействовав последний резерв иссякающих сил. Груз, что болтался у него на поясе, давно бы отправил на дно человека менее выносливого. Однако, загребая могучими руками, северянин умудрялся передвигаться со скоростью, которой могли позавидовать многие морские твари.

Ритмично дыша, варвар проворно чередовал движения рук и ног, используя даже самую крохотную мышцу своего тела для достижения максимальной скорости. Когда то, к чему он стремился, обрело очертания корабля, Конан смахнул с лица мокрые волосы и оглянулся назад.

Большинство преследователей, более привычных к седлам, чем к морю, отказались от погони. Некоторые из них едва шлепали руками, слишком обессиленные, чтобы плыть обратно. Их соплеменники, оставшиеся на берегу, оказались теперь мелкими жуками.

— Собаки! — крикнул им киммериец.

В это обращение варвар вложил столько чувств, что даже сбился с дыхания. Конан позволил себе минутную передышку, прежде чем вновь отправиться в путь.

Вскоре он оказался настолько близок к судну, что мог изучить его в деталях. Это была широкая галера с высокой кормой и оформленная в стиле, обычном для вендинских кораблей.

Судно размещало двадцать гребцов, по десять на каждом борту, но его хозяин, по-видимому, не очень-то любил тратиться на батраков, и поэтому за работой Конан видел только десятерых. Никаких знаков отличия заметно не было. Но от опытного глаза киммерийца не ускользнули детали, говорящие о принадлежности судна к грузовому флоту Вендинии. Галера также была снабжена парусом, от которого, впрочем, сейчас было мало толку.

Конан потянул воздух. Нет, судно не было невольничим. Такие суда всегда имели характерный запах, который варвар узнавал безошибочно. Свободный корабль, страдающий к тому же явной нехваткой гребцов, мог подобрать Конана. Уж кто-то, а киммериец-то умел обращаться с веслом. Да и, пожалуй, лучше оплатить проезд потом, чем золотом.

Кроме того, сильный мужчина, хорошо управляющийся с мечом, мог оказаться весьма полезен. Капитаны маленьких торговых судов жили в постоянном страхе, рискуя в любую минуту стать жертвой разбойного нападения. Конан вспомнил, как не так уж давно сам охотился на такие вот суденышки. Его тогдашнюю напарницу звали Бэлит. Это была удивительная женщина — прекрасная и беспощадная в равной степени. Ее остроносая «Тигрица» с восьмьюдесятью гребцами на борту в два счета справилась бы с этаким корытом.

Романтичные воспоминания о годах, проведенных с Бэлит, нахлынули на варвара, словно ливень. В течение нескольких лет лихая парочка не давала житья стигийским купцам. А частые набеги пиратов приводили в ужас население прибрежных городов.

И надо сказать, киммериец никогда не встречал второй такой женщины. У них было так много общего! Так же, как Конан, она обожала странствия, так же, как Конан, была беспощадна к врагам... и так же горячо умела любить. Среди множества женщин, когда-либо

деливших с ним ложе, было немало красавиц, но вряд ли хоть одна из них могла сравниться с Бэлит. Любовный аппетит шемитской разбойницы поистине не знал границ, а кровавые баталии только разжигали пламенную страсть. Всякую ночь после очередного набега она превращалась в фонтан необузданых чувств, вызывая у варвара столь же сильное ответное влечение. В объятиях киммерийца она была словно дикая лесная кошка – такая же хищная и нежная одновременно. Иногда влюбленные оказывались настолько увлечены друг другом, что не замечали, как закат сменялся рассветом. Неуемную жажду любви шемитки могла превзойти разве что ее страсть к наживе. Именно из-за ее безумной алчности они в конце концов и расстались. Конан тосковал по своей пиратской принцессе и замечал, что невольно избегает моря с того самого дня, как потерял возлюбленную. Разбойная жизнь с тех пор утратила для него всякий интерес...

Лицо киммерийца напряглось и застыло, словно каменная маска. Сейчас не время было предаваться воспоминаниям. Несколько башкар с ослиным терпением продолжали его преследовать, а Конан пока вовсе не собирался встретиться с Бэлит в аду.

Оглянувшись назад, он увидел только троих дикарей, претендовавших на первенство в заплыте. По мере того как они стремительно сокращали разрыв на дистанции, варвар все отчетливее замечал зловещий блеск кинжалов, зажатых в зубах.

Пожалуй, теперь он бы мог с ними сразиться. Своим упорством дикии давно заслуживали высокой чести умереть от меча киммерийца. Эх, будь он на суще, не задумываясь снес бы турицам головы. Однако махать тяжелым мечом, находясь в свободном плавании, представлялось нелегкой задачей. Не говоря уж о том, что тяжелый мешок безжалостно тянул на дно. Конечно, он знал, что при необходимости избавится от золота, однако сейчас, когда он был так близок к цели, это казалось особенно досадной потерей.

Неожиданное движение справа привлекло внимание киммерийца. Этого еще не хватало! Сверкая чешуей под прозрачной водной гладью, в каких-то нескольких футах от него скользило длинное серебристое тело. Барракуда!

Работая одними ногами, Конан выхватил меч и выставил его навстречу хищнику. Еще мгновение – и тварь заживо проглотила бы варвара.

Удар пришелся точно в цель. Проломив хребет, клинок проник глубоко в кость и застрял по самую рукоятку. Бьющаяся в агонии рыба тряхнула Конана с такой силой, что чуть не вырвала его руки из суставов. Конан всем телом налег на эфес, тщетно пытаясь высвободить клинок. Обезумев от боли, барракуда рванулась вперед, больно хлестнув Конана плавником. Казалось, смертельная рана не только не ослабила чудовище, но даже, наоборот, придала ему дьявольских сил. Движимая природным инстинктом, барракуда устремилась на дно, увлекая варвара вслед за собой. Конан едва успел сделать глубокий вдох, прежде чем волны сомкнулись над его головой. Он обеими ногами уперся в скользкую спину зверюги и принял что было сил тянуть за рукоять меча. Стоило ему теперь выпустить клинок, как барракуда тут же развернулась бы в новой атаке.

Человек и рыба сцепились в смертельном поединке. Причем время работало против варвара. Конан мучительно боролся с желанием выдохнуть спертый воздух. Лишенная кислорода кровь бешено пульсировала в висках, вызывая острое головокружение. Конан лихорадочно дергал клинок из стороны в сторону, в то время как строптивая тварь вихрем несла своего седока сквозь толщу океана. По мере стремительного погружения вода становилась все холоднее.

Сдавленный воздух грозил разорвать грудь. Конан тужился из последних сил, сознавая,

что морское дно навсегда станет его могилой, если он позволит себе сделать выдох. Его единственным шансом было высвободить меч и новым ударом прикончить чудовище.

Ни один луч света не проникал в то сумрачное царство, где Конану предстояло сцепиться в последней схватке с рыбой. Словно необъезженная лошадь, барракуда стремилась сбросить своего отважного наездника, извиваясь в предсмертных судорогах.

Понимая, что развязка близка, варвар налег на эфес с удвоенной энергией, и... не выдержав столь яростного напора, хребет твари раскололся пополам, окрашивая воду в густой красный цвет. Испытывая невыносимое желание широко раскрыть рот и вдохнуть во что бы то ни стало, Конан неистово заколотил ногами и устремился наверх. С яростью, на которую только способно отчаяние, он рвался туда, где его ждали... солнце, воздух!

Путь на поверхность оказался невероятно долгим, и Конан вот-вот готов был потерять сознание, когда вода неожиданно расступилась и свежий ветер весело дунул ему в лицо. Не веря до конца своему счастью, он жадно глотал живительный воздух, щурясь, точно крот на ярком свету.

Потребовалось несколько минут, чтобы восстановить зрение в полной мере. Когда же Конан огляделся вокруг, то чуть не рассмеялся от приятного удивления: чертова рыба, взявшая его на буксир, доставила его прямо к цели, оставив кровожадных преследователей далеко позади. Дики, явно решившие, что их жертва предпочла уют и покой рыбьего брюха, довольные, повернули к берегу. И киммериец вовсе не собирался их разочаровывать. Он только постарался не думать о том, что ждало этих тупиц на обратном пути. Кровь и возня могли привлечь тварей куда более страшных, чем барракуда: поговаривали, что эти воды кишили гигантскими полосатыми акулами. Хвала Крому, что ему самому плыть осталось недолго.

Высокий аргосец, склонившийся над бортом, с выражением бесконечной скуки на лице разглядывал водную гладь, сверкавшую в солнечных бликах. От его скучающего взгляда не осталось и следа, когда он увидел подплывающего киммерийца. Аргосец резко выпрямился и что-то крикнул двум матросам, возвившимся у мачты. Те послушно оставили свое занятие и с проворством опытных моряков спустили за борт тяжелый узловатый канат.

Неуклюже вскарабкавшись на палубу, Конан прежде всего отряхнулся, энергично мотнув гривой черных волос. Холодные брызги полетели во все стороны, вызывая бурю негодования у разомлевших на солнце гребцов, которые тут же побросали свои двадцатифутовые весла и принялись крыть незваного гостя на чем свет стоит.

Высокий аргосец не спеша направился к Конану, пробираясь между скамеек гребцов. Одной рукой он задумчиво теребил ухоженную бородку, другая на всякий случай лежала на эфесе короткого меча, заткнутого за широченный пояс. Остальная команда: загорелые вендицы, коренастые аргосийцы и несколько зингарцев – последних отличал вечно бегающий взгляд – также нашупала рукоятки своих клинов.

Бородач остановился на почтительном расстоянии и, подозрительно оглядев варвара с ног до головы, прокричал:

– Кто бы ты ни был, голубоглазый великан, – судя по твоему виду, северянин, – добро пожаловать на «Мистрисс»! Меня зовут Тоско. Я первый помощник капитана, и все эти люди, которых ты видишь, мне подчиняются. Как твое имя и какого дьявола ты болтаешься посреди океана? – Приветствие, произнесенное на родном языке аргосийца, больше напоминало лай. Высокомерие так и сквозило в его словах, заставляя Конана помрачнеть.

Конан медлил с ответом. Усталость все же не до конца лишила его осмотрительности.

Он изучающе посмотрел на каждого из окружения первого помощника, и в особенности на кормчего, что стоял чуть дальше остальных У руля.

Малый, по всей видимости стигиец, был смугл, его кожаный пояс и тонкий кинжал несли символы Сэта, беспощадного змеиного бога.

Варвар мысленно простонал. Кормчий мог припомнить его имя – имя грозного пирата, которым в Стигии пугали детей. Кром! Надо же было так прославиться!

– Меня зовут Враал, я вырос на границе, поэтому неплохо плаваю, – соврал Конан на ломаном аргоском.

– Ты, верно, раб или дезертир! Или ты уговорил тех ребят поиграть в догонялки? – Первый помощник мотнул головой в сторону удирающих башкар.

– Нет, друг Тоско. Кочевники подстерегли меня в горах, когда я был на пути в Аншан, или Аграпур, или в любое другое место, где за мои меч и силу предложат наивысшую плату. За свою посадку я готов заплатить трудом; кажется, на этой посудине не хватает гребцов. А если нам суждено будет столкнуться с пиратами, то знай: мой меч к твоим услугам.

Серые глаза Тоско превратились в узенькие щелки, а загорелое лицо налилось неожиданной злобой.

– Не тебе пугать нас разбойниками! И знай, с кем имеешь дело: мы частное торговое судно, нанятое богатейшим стигийским жрецом, и никто не посмеет тронуть нас в этих водах. Твой меч меня нисколько не интересует, как, впрочем, и ты сам, вот разве что как приданок весла. Кроме того, у нас вряд ли наберется столько обедков, чтобы прокормить такого здоровенного борова.

Конан вот-вот готов был взорваться: неслыханная дерзость аргосийца не ведала границ. Варвар напрягся и в любую минуту готов был броситься в атаку. Но могучим усилием воли он все же заставил себя сдержаться. Та манера, в которой первый помощник осмеял его в присутствии всей команды, была обычным для аргосийцев способом проверки характера незнакомца.

– Помимо силы и меча, – с достоинством отвечал варвар, – у меня есть еще нечто, что наверняка тебя заинтересует. – С этими словами он извлек из своего импровизированного кошелька увесистую монету и швырнул ее Тоско.

Бородач по-кошачьи ловко сцепил золото и оценивающе подбросил диск на ладони. Чеканка была явно немедийская: на одной стороне красовался затейливый герб, а на другой – собственный профиль правителя. Оскалившись в ухмылке, Тоско спрятал монету в карман своей замызганной жилетки и презрительно бросил киммерийцу:

– Займи свободную скамью. Я спрошу у капитана, возьмет ли он еще одного дармоеда. Боюсь, правда, что ум твой столь же слаб, сколь сильны твои плечи, как бы не пришлось потратить время, чтобы научить тебя грести.

Конан с трудом подавил в себе желание вышвырнуть невоспитанную аргоскую свинью за борт. Помрачнев, словно грозовая туча, он повернулся к Тоско спиной и прошагал к ближайшей скамье. Тоско же распустил свою свиту и кивнул маленькому лысеющему вендию. Коротышка выхватил из-за пояса деревянный молоточек, уселся, скрестив ноги, напротив старого обшарпанного барабана и с чувством важности принялся колотить в свой бубен, задавая гребцам нарастающий ритм.

Взбешенный насмешками аргосийца, Конан ощущил прилив нечеловеческой энергии, которая вмиг освежила его измученное тело. Сейчас он покажет этой корабельной крысе, какую скорость может развивать судно в штиле. Забыв про усталость, киммериец, скрежеща

зубами, расположился в центре скамьи, ближе к носу корабля, и взял по веслу в каждую руку.

Тем временем Тоско, похоже, не спешил беспокоить капитана. Он забрался на корму и, словно король на троне, стал выкрикивать оскорблений.

— А ну налегли! Гните спины! Живей, собаки! Я хочу добраться до Стигии раньше, чем моя борода станет седой.

Не успел аргосец закончить свою «подбадривающую» речь, как Конан уже принял ритмично гребти. В конце каждого взмаха он наклонялся почти до самой палубы, затем стремительно поднимался, зарывая тяжелые весла в поющую за бортом воду. Узловатые мышцы заиграли под бронзовой от загара кожей, когда барабанщик ускорил ритм. Остальные гребцы едва поспевали за этим бешеным темпом.

Весла, имевшие двадцать футов в длину, на пятнадцать из них выступали за борт. Их широкие лопатки разом врезались в водную гладь, заставляя галеру передвигаться могучими рывками. Варвару не составляло труда поспевать за ударами барабана, хотя медные уключины уже накалились от трения. Он не сомневался, что Тоско оставит его на борту: лишиться умелого гребца из-за каких-то амбиций было глупо, а аргосец вовсе не казался полным кретином. Однако варвара удивлял тот факт, что Тоско не потребовал у него меч и, что более удивительно, не попытался наложить лапу на Джералово золото. И все же не стоило слишком доверять этому задаваке: аргосийцы были способны на любое коварство.

Постепенно «Мистрисс» набрала приличную скорость, движимая мощными рывками Конана и тщетными усилиями остальных поспеть за неугомонным киммерийцем. Конан чередовал вдохи и выдохи с искусством опытного гребца. Как бы ни потешался над ним Тоско, а на этой скамье он не был новичком. Сколько раз кнут надсмотрщика ложился на его мокрую от пота спину, когда он сидел, прикованный к палубе, точно пес. Болезненные воспоминания разожгли в нем такую ненависть, которую мог испытывать лишь человек, побывавший в рабстве. Чаще и чаще взлетали его весла, до тех пор пока за двумя его взмахами не следовал лишь один удар молоточка.

Задыхающиеся гребцы на соседних скамейках были работающими малыми, и на каждого из них приходилось по одному веслу, но все же их весла поднимались и опускались в два раза реже тех, что сжимал киммериец. Слабый ветерок обдувал лицо первого помощника, когда галера выпрыгивала в очередном рывке. Полдня просидевшее в штиле судно теперь уверенно двигалось в юго-западном направлении, ориентируясь на лесистый берег Зембабве. Барабанщик-вендиэц участил дробь, поспевая за яростными взмахами киммерийца. Глухой стук барабана превратился в сплошной монотонный гул.

Вдруг за спиной у Конана раздался сухой щелчок. Краем глаза варвар заметил, что парень позади него рухнул на палубу. Умирая, бедняга выпустил древко, о которое и ударились весло Конана.

Тоско, который до сих пор хранил молчание, недовольно фыркнул и обратился к кормчему по-стигийски, слегка понизив голос, но не настолько, чтобы утаить разговор от острого слуха киммерийца.

— А этот упрямый носорог и впрямь неплохо гребет! На невольничьем рынке в Луксуре за него можно выручить хорошие деньги.

Эти слова прозвучали в голове варвара, словно раскат грома. Сердце его забилось громче вендиэского бубна, а глаза вспыхнули неистовым голубым огнем. Не выпуская весел из рук, он резко выпрямился во весь рост, с треском выламывая пятифутовые концы из уключин, и, подняв эти импровизированные копья высоко над головой, грозно двинулся на

Тоско.

— Корабельная крыса! Сейчас ты ответишь за свои поганые слова! Эти прутики навсегда отучат тебя тявкать.

Поняв, что северянин вовсе не собирается шутить, первый помощник выхватил из-за пояса свой трехфутовый тесак и с ревом прыгнул на палубу. Пинками распихивая остолбеневших от изумления гребцов и ловко перепрыгивая через скамейки, он устремился на Конана, яростно размахивая кривым ятаганом.

В следующий миг он очутился перед варваром, занося над ним зловещее оружие. Однако киммериец вовремя отступил назад, блокируя смертельный удар одним из своих копий и одновременно опуская второе на плечи Тоско. Удар пришелся по шее аргосийца. С отвратительным хрустом позвоночник сломался, словно сухой тростник, оставляя голову бессильно болтаться на правом плече. Пошатнувшись, первый помощник, словно привидение, медленно побрел по палубе, приводя в панический ужас своих подчиненных. Последний хриплый стон вырвался из его глотки, когда он ступил на край палубы, и... потеряв равновесие, Тоско кувыркнулся через рейлинг и рухнул за борт.

— Эй ты, на корме! — рявкнул варвар стигийцу. — Пойди и сообщи капитану, что у него теперь новый первый помощник. Он заметит, что судно плывет куда быстрее, когда им командует Конан... — Опомнившись, Конан заставил себя замолчать, но поздно — предательские слова уже сорвались с языка, и осталось уповать на Крома, чтобы имя киммерийца оказалось кормчему незнакомо.

Задыхаясь от волнения, стигиец выпустил руль и выхватил длинный тонкий кинжал из-за кожаного пояса, усеянного медными заклепками.

Петляя между скамейками, словно заяц, Конан пробежал через всю палубу и укрылся за единственной мачтой, обнажая палащ. Он не спешил покинуть свое убежище: стигийцы умели обращаться со своими кинжалами с дьявольским мастерством...

...И в следующий миг Конан получил наглядное тому подтверждение: хорошо прицеленный бросок зарыл в его голень несколько дюймов отменно закаленной стали. Конан со стоном рухнул на одно колено и попытался вытащить застрявший в кости нож. Его меч выскользнул из рук и провалился куда-то между досок.

— Капитан! — визгливо заорал стигиец, колотя ногами по люку трюма.

Конан облокотился на мачту, переводя дух и готовя себя к решительной схватке. Его мучило нестерпимое желание загнать нож кормчему под ребра, но тем самым он лишился бы своего единственного оружия. А ведь с помощью кинжала варвар мог бы приобрести вещицу куда более полезную: Конан с завистью разглядывал мечи, сверкавшие в руках членов команды, столпившихся в нерешительности вокруг мачты.

Несколько гребцов первыми вышли из оцепенения. Они бросились на Конана и принялись его нещадно колотить. Варвар вслепую раздавал удары, заметив краем глаза, что три парня схватились за окровавленные животы. Но тут остальная команда пересилила наконец страх и бросилась на загнанного киммерийца всем скопом.

Пятеро здоровенных моряков пригвоздили его к палубе, в то время как остальные матросы вырвали из руки кинжал.

Неожиданно крышка люка отворилась, и оттуда неуклюже вывалился сам капитан. К своему ужасу, Конан заметил, что тот также был стигийцем. Он вытащил из голенища своего сапога такой же длинный тонкий кинжал и двинулся прямо на распростертого киммерийца.

Глядя снизу вверх, Конан принял внимательно изучать человека, в руках которого

находилась его жизнь. С первого взгляда стало ясно, что перед ним бывалый морской волк. Достаточно крепкий, но уже немолодой капитан был выше и смуглее большинства своих земляков. Волосы на его голове были выбриты с боков и образовывали правильный черный треугольник, одно острье которого свисало над переносицей. Его резкий хриплый окрик заставил команду послушно расступиться, и Конан тут же увидел над собой лицо, испещренное глубокими морщинами и обезображенное отвратительным шрамом, тянувшимся через весь лоб до самого уха. Его покрасневшие усталые глаза, торопливая небрежность, с которой была зашнурована забрызганная вином кожаная безрукавка, красноречиво свидетельствовали о ночи, проведенной в отчаянном пьянстве: чем, интересно, еще можно было объяснить то, что капитан проспал их разборку с Тоско.

Однако сейчас капитан выглядел окончательнопротрезвевшим. Тяжелый грязный сапог больно ударили варвара по животу, когда тот попытался подняться на одно колено. Следующий увесистый пинок обрушился на его челюсть, да так, что зубы клацнули, а голову прострелило невыносимой болью. С трудом сохраняя сознание, Конан поднял голову и затуманенным взглядом посмотрел на своего мучителя.

Стигиец засиялся сухим, леденящим душу смехом, от которого у варвара мороз пробежал по коже.

Вдруг внутри у киммерийца все сжалось. Это ухмыляющееся лицо оказалось ему знакомо. Постаревшее и огрубевшее с годами, но это было лицо стигийского адмирала...

И этот шрам! Как же он не узнал его сразу?! Ведь он собственоручно оставил эту отметину на лице Кхерета.

Память вновь вернула Конана к его пиратскому прошлому. Это была удачная вылазка, поразившая адмирала своей дерзостью. Обескураженный Кхерет среагировал слишком поздно, позволив быстроходной «Тигрице» ускользнуть перед самым его носом с полными трюмами сокровищ. Да каких! Предназначенных для самой королевской четы! Только флагманский корабль во главе с самим адмиралом пустился в погоню, но яростная оборона разбойников заставила его отступить.

Да, после того позорного поражения стигийский адмирал поистине низко пал – от командующего военным флотом до спившегося капитана мелкой торговой галеры.

Конан приготовился к худшему. Он почти не сомневался, что ненависть разжалованного адмирала, которая, точно гнойный нарыв, зрела все эти годы, выплеснется теперь на его голову.

Конан предпринял последнюю попытку встать на ноги. Тщетно! Силы окончательно его покинули. Все, на что он был сейчас способен, – это лежать и беспомощно наблюдать за тем, как гребцы связывают его по рукам и ногам толстой бечевкой.

– Адмирал Кхерет, – задыхаясь, выдавил киммериец и выругался на отборном стигийском.

– Конан! – тихо процедил капитан, перекатывая слово во рту, точно кусок горькой пищи. Он потрогал покрытый шрамами подбородок и провел рукой по изуродованной мочке уха. Затем он нервным движением приставил кинжал к виску киммерийца а с наслаждением вдавил острье глубоко в кожу.

– После того как ты сжег мой флагманский корабль, король вышвырнул меня вон, поставив тем самым крест на моей доблестной карьере. С того самого дня я неустанно молил Сэта о возмездии. И, кажется, он услышал мои мольбы. – Кхерет издал носоглоткой неприличный звук и смачно плонул в лицо распростертого киммерийца. – Твои

предсмертные судороги доставят мне огромное удовольствие!

Кхерет давил на кинжал все сильней до тех пор, пока из-под лезвия не брызнула кровь. Затем с жутким хохотом он принялся полосовать варвара, не оставляя на его лице живого места.

ГЛАВА 4

УЖАС МОРЯ

Кхерет с нескрываемым удовольствием любовался проделанной работой, в то время как Конан, воспользовавшись короткой передышкой, испытывал на прочность глубоко впившиеся в кожу пуги. Ошеломленный капитан разукрасил ему обе половины лица, и кровавые порезы теперь нестерпимо саднили. Киммериец стойко перенес испытание, не проронив ни звука, не считая, правда, цветистых проклятий, которыми он щедро одаривал своего палача.

Заметно повеселевший стигиец слизал с кинжала кровь и сплюнул ее в лицо варвару. Он срезал с его пояса мешок и, заглянув внутрь, одобрительно хихикнул:

— Это всего лишь ничтожная доля того, что я получу от короля в Луксуре. Тебе, подонку, повезло, что король пообещал высокую награду тому, кто бросит тебя живого к его ногам. Убив тебя сейчас, я получил бы изысканнейшее удовольствие, однако больше всего на свете я хочу вернуть мое звание и честь. И ты, отродье, поможешь мне в этом!

Глаза капитана торжествующе засияли, бодрая улыбка заиграла на заляпанных кровью губах:

— А что до тебя, так мне достаточно будет знать, что ты умрешь мучительной медленной смертью, когда дюжина змей сожрет тебя заживо, выев мозг из твоих костей. Ты будешь рыдать и умолять о смерти более легкой!

Почесывая свой шрам, Кхерет склонился над беспомощным пленником, приблизив лицо настолько, что варвар почувствовал его горячее, разящее перегаром дыхание.

— Но и смерть не облегчит твоих страданий! Ибо черная душа твоя отправится в ад, где наш змеиный бог Сэт давно поджидает ее с раскаленными сковородками.

Киммериец дернулся в бессильной ярости, заскрежетав зубами и пытаясь пересилить пульсирующую в голове боль. Обильные капли пота выступили на его лице, смачивая черную гризу перепачканных в крови волос и не давая свежим рубцам просохнуть. Его голубые глаза вспыхнули неистовым огнем, сжигая в этом пламени последние силы.

— Стигийский шакал! — хрюпал прорычал Конан. — Твои псы вряд ли тебе помогут, когда мы встретимся в аду, куда Сэт отправляет всех своих верных лакеев в награду за их преданную службу.

— Пустые слова, варвар, — насмешливо прокомментировал Кхерет пламенную речь своей жертвы. — Когда через четыре месяца мы прибудем в Луксур, ты будешь ползать на коленях, умоляя о привилегии лизать тюремную воду с моих сапог. Вы, киммерийцы, упрямые, как пни, и живучи, как кошки, я уверен, ты выживешь без пищи и воды. Ты будешь жив, когда я брошу тебя королю в ноги... Жив, но раздавлен и сломлен — просто жалкий мешок с костями.

С этими словами Кхерет отвернулся и окликнул белобородого вендица, показавшегося из люка:

— Джатил! Промой-ка этому выродку раны. Он должен страдать, но не умереть — я хочу командовать моей армией снова.

Пожилой вендиец молча принял исполнение приказания капитана. Он окатил лицо варвара соленой водой, от которой свежие раны так и вспыхнули огнем. Конану показалось, что его голову засунули в печь, закопав лицом в раскаленные угли. Он подавил крик, когда

«врачеватель» наложил на рубцы грязную шершавую тряпку, которая больно впилась в кожу, но оставляла открытыми глаза и рот. Поэтому он видел, как Кхерет жестом подозвал двух гребцов.

— Девир и Матара, спустите эту падаль в трюм да привяжите покрепче к пустому крэйту. И проверьте, чтобы веревка была крепкой: этот киммериец намного опасней, чем кажется. Я видел его истекающим кровью, но тем не менее сражающимся, да с такой яростью, на которую способен лишь тигр, загнанный в клетку. Каждый день вливайте в его глотку по ковшу воды, но кормите только раз в три дня.

Потом он повернулся к гребцам.

— С этого дня будете по двое стоять на карауле. Я лично проверю каждую смену и, клянусь Сэтом, собственноручно вздерну на рее мерзавца, какового застану спящим. А сейчас, псы, займите скамейки и гните спины, да молите небо, чтобы послало попутного ветра. Если доберемся до Луксура за три месяца, каждый получит двойную награду. Так что старайтесь! — Закончив раздавать приказы, он кивнул коротышке барабанщику и властно прошагал на корму.

Два здоровенных моряка подхватили Конана под руки и запихали в узкий люк, ведущий в грузовой отсек корабля. Конвоиры отворили небольшую, но крепкую дубовую дверь и волоком затащили его внутрь тесного трюма. Скинув ношу на сырье прогнившие доски, гребцы принялись освобождать массивный деревянный поддон от вендинских ковров, распихивая их по и без того забитым доверху нишам. Вендинцы были крепкими малыми, но даже их совместных усилий едва хватило на то, чтобы передвинуть пустой крэйт в центр трюма. Через минуту к ним спустился Джатил с мотком добротной веревки, которая по толщине в два раза превосходила большой палец Конана.

Этой веревкой гребцы крепко-накрепко обмотали и без того связанного киммерийца, прочно пригвоздив его к шершавой стенке поддона. Замысловатые узлы были затянуты столь искусно, что становились только крепче при любой попытке узника пошевелить хоть кончиком пальца. Вендинцы специально расположили пленника так, чтобы его лицо как раз находилось под ржавой решеткой в потолке трюма, которая обеспечивала слабый свет и хоть какую-то вентиляцию.

Конан с трудом поднял голову к свету. Злобное лицо Кхерета смотрело сверху. Его зловещий смех эхом раздавался в воспаленном мозгу варвара, грозя свести с ума.

Ослабленный потерей крови и постоянной болью, киммериец впал в глубокое беспамятство.

Полная луна сияла на ночном небе, подобно гигантскому тусклому бриллианту, заливая холодным светом джунгли и оставляя прозрачные дорожки на устланной мягкой листвой земле. Капли дождя, оставленные недавним ливнем, блестели на деревьях, словно бисер.

Чутье Конана, всегда считавшееся отменным, казалось этой ночью особенно острым. Ноздри варвара жадно втягивали пахнущий мхом и плесенью воздух, стараясь учゅять малейший запах зверя.

Бесшумно скользя между деревьев, он каким-то образом угадывал правильное направление, хотя в первобытном лесу не было заметно никаких тропинок. Всецело доверяясь охотничью инстинкту, Конан неумолимо преследовал жертву, ориентируясь лишь на едва различимые звуки, запахи и тени. Живот громко урчал, требуя сырого мяса и свежей крови. Где-то поблизости витали запахи четвероногих тварей — жирных и трусливых. Они только что здесь пробежали, оставив за собой следы.

Навязчивый голос в голове не давал покоя: что-то здесь было не так. Он вовсе не какой-нибудь дикий хищник, чтобы выслеживать по лесам добычу и рвать на куски ее плоть. Как он оказался в этих джунглях, раздетый и без меча?

Но вскоре голос смолк, и ничто уже не мешало его охоте. Пересохшее горло жаждало красного сочного напитка, а длинным острым зубам не терпелось воиниться в чью-нибудь глотку. Казалось, в мозгу не осталось места для других мыслей и желаний. Конан словно жил охотой, и все обитатели зеленого царства знали это, а потому боялись.

Тяжело дыша, Конан продирался сквозь непролазную чащу, дыхание, поднимавшееся изо рта, было наполнено кислым запахом непереваренной пищи. Он облизнул уголки губ, до сих пор хранивших привкус крови дикого кабана, убитого им в полдень. Вообще-то Конан не имел привычки охотиться по ночам, но сегодня полная луна разожгла в нем кровавый аппетит, требуя все новых и новых жертв.

И Конан знал, что, даже доверху набив брюхо мясом, он будет продолжать убивать до тех пор, пока зловещее светило не растает на утреннем небе.

Впереди показалась поляна. Слабый ветерок разносил повсюду запахи зверей. Жадно облизываясь, варвар замер, внимательно прислушиваясь к шорохам и трескам, которыми были наполненыочные джунгли. Несомненно, поблизости притаилось целое стадо. Сейчас он бросится на спящих животных, не давая им опомниться.

Конан напряг пружины мышц и, проламываясь сквозь стену зелени, выпрыгнул на поляну, протягивая длинные волосатые руки с черными когтями и обнажая ряд загнутых желтых клыков. Звериный рык вырвался из его груди, разрывая тишину ночного леса. В следующий миг он оказался верхом на спящем животном, которое спохватилось слишком поздно, и принялся рвать полосатую шкуру.

Кровь гeyзером ударила из разодранной глотки, а копыта задергались в предсмертных конвульсиях. Остальное стадо тут же вскочило на ноги, сверкнув множеством лун, отраженных в дюжине пар глаз, и в ужасе бросилось наутек.

Возбужденный видом и вкусом крови, Конан повернулся к удирающему стаду и издал столь леденящий рык, что звери замерли в оцепенении. Он убил еще троих, разорвав им глотки прямо на глазах у онемевших сородичей. Сцена убийства вывела стадо из транса, и звери ринулись прочь.

Однако Конан был весьма далек от удовлетворения. Безумное желание убивать все живое заставило его броситься в погоню. Он без труда нагнал беглецов и завалил отбившееся от стада животное, разорвал его шкуру и разбросал внутренности. Бьющееся на земле сердце посыпало в его лицо струи горячей крови.

Захлебываясь слюной, Конан сдирал куски мяса и запихивал их в рот, проталкивая, не жуя, в брюхо. Насытившись, он поднял лицо к небу, словно ища одобрения у своей покровительницы.

Неожиданно диск луны принял облик какланийского шамана. Его смеющееся лицо с фантастическими татуировками смотрело прямо на Конана. Немигающие глаза горели ненавистью, а тонкие губы шевелились, словно произнося заклинание.

Конан проснулся от чьего-то крика и потянулся к мечу, которого, правда, при нем не оказалось. Каково же было его удивление, когда он понял, что сам являлся источником этого крика. Он припомнил все детали ночного кошмара с поразительной ясностью, от которой волосы на голове становились дыбом. Тело было мокрым, как после дождя, но не только от испариньи: грубая веревка больно впивалась в кожу и была сплошь пропитана кровью.

Израненное лицо пылало. Правая голень превратилась в один комок боли и безобразно распухла в том месте, где ее пронзил стигийский клинок. Он лежал поверх днища деревянного поддона, сжимая кулаки от боли и злобы, и тоскливо смотрел в потолок.

Снаружи была темная ночь: он видел сквозь железную решетку клочок звездного неба. Однако тихое покачивание корабля и нежный ветерок не в силах были его успокоить.

Конан отчаянно напрягся, накачивая мышцы безумной энергией... Тщетно! Даже дюжина сильных мужчин вряд ли могла порвать его оковы. Убедившись в тщетности своих потуг, лишь отнимавших последние силы, Конан попытался расслабиться и подумать.

Кровь опять засочилась из изрезанных веревкой ран, и варвару пришлось больно закусить губу, чтобы сдержать крик.

Как он теперь выяснил, сон также не приносил ему отдыха: он вовсе не желал заново переживать одни и те же кошмары. Странные видения неотступно преследовали его с той самой ночи, когда красный туман отравил его разум.

Колдун, по всей видимости, спустил на него всех демонов преисподней, которые не оставят его в покое, пока окончательно не сведут с ума. Сотни жутких историй о душах мертвецов, жаждущих мщения, вмиг ожили в суеверном мозгу. Дрожь пробежала по всему телу, заставляя волосы на голове зашевелиться. Глубоко укоренившийся страх перед сверхъестественным порождал самые невероятные предположения.

Тяжело дыша, он снова поднял глаза к небу, и... сердце его чуть не выпрыгнуло из груди: сквозь ржавую решетку трюма на него равнодушно смотрел лик полной луны. Не в силах оторвать глаз, варвар с ужасом взирал на бледное светило, которое, несомненно, играло в его судьбе какую-то зловещую роль.

Собрав волю в кулак, Конан угрюмо отвернулся, не позволяя фантазиям разыграться слишком сильно. К счастью, ему было над чем поломать голову. Для начала следовало бы подумать о том, как выбраться из заточения. А потом... Эх, сумей он только отыскать свой меч – проучил бы этого мстительного пса Кхерета.

Конан напрягся, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи. Плотная повязка и корка засохшей крови изрядно приглушали всякие звуки, но все же он различал и поскрипывание палубных досок, и тихий плеск воды за бортом.

Варвар затаил дыхание... С палубы раздавались тихие монотонные голоса. Ночной караул состоял предположительно из двух человек: Конан был уверен, что слышит два разных голоса, хотя разобрать предмет разговора не удавалось. За дверью трюма тоже слышался какой-то дребезжащий звук. Конану не потребовалось много времени, чтобы догадаться: стражник, карауливший дверь, бессовестно дрыхнул. Однако и этот факт не придавал энтузиазма. Кхерет, очевидно, не собирался ослабить веревки. А это означало, что он будет чахнуть в этом склепе месяцами. Киммериец знал границы своей выносливости и поэтому не тешил себя иллюзиями. На том скучном рационе, который предлагал ему Кхерет, он, может, и продержался бы несколько месяцев, однако силы его начнут увядать уже через неделю.

В одном теперь Конан был твердо уверен: стигийский экс-адмирал не даст ему умереть и во что бы то ни стало доставит в Луксур для жертвоприношения своему змеиному идолу. Один Кром мог знать, что ждало его в этом распроклятом городе. Да, пожалуй, если и есть какой-либо выход из этой западни, то его нужно найти поскорее. Как только силы покинут его, стигиец совьет из него веревки.

Конан в очередной раз проклял себя за то, что поддался на уговоры Джерала и втянул

своих людей в бессмысленную бойню. Наемная служба зачастую могла принести хорошие деньги, вопрос лишь в том, кому продать свою силу и меч... Люди Конана сделали, по всей видимости, неправильный выбор. В будущем он будет осторожнее... Если у него вообще будет это будущее! Хотя, по правде сказать, солдатская жизнь ему до смерти остырела. Похоже, что он уносил с поля боя больше шрамов на теле, чем монет в кошельке.

Чуть заметные бледные тени, появившиеся на стенах, свидетельствовали о наступлении рассвета.

Неожиданно Конан услышал странный шорох, который, казалось, раздавался у него прямо под ухом.

Он с любопытством вытянул шею, пытаясь разобраться, кто бы это мог быть, и тут же почувствовал в левой мочке острую боль. В следующий миг он услышал, как кто-то царапает воротник рубахи.

Резко повернув голову и чуть не вывихнув себе шею, он заметил длинный розовый хвост. Изучив его по всей длине, он обнаружил, что хвост принадлежит огромной серой крысе. К своему ужасу, Конан заметил, что в ее зубах был зажат кусочек его собственного уха. Сморщенная мордочка и лапки разбойницы были вымазаны в крови, а красные глазенки смотрели на варвара безо всякого интереса.

Конан застонал.

Даже этому нахальному грызуну было на него ровным счетом наплевать. Взбешенный столь вопиющей наглостью, варвар оскалился и, изловчившись, впился зубами в крысиный хвост. Стиснув зубы, он принял остервенело мотать головой, колотя крысой по твердому дереву. Удивленный грызун сопротивлялся, царапая коготками и без того изуродованное лицо.

От боли и ненависти Конан сдавил челюсти с такой силой, что чуть не откусил крысе хвост. После нескольких таких ударов крыса перестала дергаться и стихла.

Тяжело дыша, Конан разжал рот и избавился от своей недавней обидчицы, одновременно избавляясь и от всех своих страхов. Пусть маленькая, но все же победа вернула ему веру в себя. Какие бы тяжкие испытания ни уготовила ему судьба, он встретит их лицом к лицу и обязательно преодолеет благодаря редким качествам, которыми суровый бог Кром щедро наделил каждого киммерийца, – железной воле и львиной силе.

Криво усмехнувшись, Конан сплюнул кончик крысиного хвоста и поднял глаза к потолку, обдумывая план бегства. Лучи утреннего солнца залили тесный трюм теплым золотистым светом.

Наступил полдень, хотя в затхлой келье довольно трудно было судить о точном времени. Солнце пока не появилось в зените, однако широкий вендинский парус мог его попросту скрывать. Слабый ветерок, просачивающийся сквозь зарешеченное окно, становился все сильнее и был уже способен двигать судно. Конан слышал, как Кхерет приказал матросам поднять парус. Судя по завываниям ветра наверху и плеску роли за бортом, галера набрала приличную скорость.

Бодрящая свежесть наполнила трюм, выметая гнилостные запахи трюмной воды и крысиных нечистот. От нечего делать Конан разглядывал приземистую дубовую дверь. Внезапно она отворилась, впуская внутрь троих вооруженных мужчин. Они принесли ему пищу и воду.

Конан проглотил свой скромный завтрак, которым едва можно было накормить ребенка. Что ж, он вряд ли мог рассчитывать на что-либо большее. Потом Джатил заменил засохшую

коркой повязку новым куском тряпки и смыл кровь с прокущенного уха. Сметая крысиный труп, вендиец с удивлением посмотрел на варвара и лишь покачал головой.

Так и не проронив ни слова, они ушли, заперев за собой дверь.

Чуть позже в окошке появилось злорадное лицо Кхерета. Он прорычал сверху несколько оскорблений, на что незамедлительно получил столь же любезный ответ. Устав пререкаться, капитан убрался вон и больше не появлялся.

Вплоть до самого вечера Конан не слышал ничего интересного, пока наконец до него не донеслись громкие голоса.

Узнав голос кормчего, киммериец прислушался.

К счастью, стигиец повысил голос, он, судя по всему, с кем-то отчаянно спорил. Вскоре послышалась и речь оппонента.

— Я командую этим кораблем, Чадим! Правда, по возвращении ты имеешь полное право поставить вопрос о моей отставке! — Оскорбительный тон наверняка принадлежал Кхерету.

— Об отставке столь уважаемого человека? Чепуха! Я прекрасно понимаю, что нам нужно спешить и что предлагаемый вами маршрут действительно сэкономит несколько недель. Однако большинство купцов избегает этих мест — и не зря!

— Не смей меня сравнивать с твоими жалкими торговцами. Я никогда не верил их бредовым рассказням. Все эти слухи — ложь от начала и до конца, выдуманная пьяными брехунами с одной только целью: выклянчить кружку пива у таких же легковерных тупиц, как ты. Боюсь, что ты слишком много времени проводишь в этих заплеванных портовых тавернах. А твои душепитательные небылицы способны напугать разве что скудоумных трусов.

Чадим выдержал паузу, прежде чем ответить.

— Хотелось бы верить, мой адмирал...

— С меня достаточно! Ступай на корму и займись своим делом. Мы пройдем сквозь петлю Небеки еще до восхода.

Голос Кхерета смолк, и его шаги растаяли где-то в заднем конце корабля.

Чадим обменялся еще несколькими фразами с командой, но Конан уже не мог разобрать их смысла. Он лежал на своем жестком ложе, гадая, что за странную петлю упомянул в разговоре Кхерет. В отличие от капитана, он верил большинству моряцких историй. По своему опыту варвар знал, что они несли известную долю правды. Вот рассказы о несметных сокровищах, зарытых-де там-то да сям-то, — совсем другое дело! Тут он не верил ни единому слову.

Пока Конан ломал голову над решением сей интригующей загадки, последние лучи садящегося солнца покинули мрачный трюм, погрузив его во тьму. Несмотря на все попытки продолжить размышления, он быстро погрузился в легкую дремоту. Постоянная боль в надорванном ухе и раненой голени утомила его вконец. Не в силах сопротивляться навалившейся усталости, он уронил тяжелую голову и сомкнул свинцовые веки. В следующий миг Конан шумно храл, слишком обессиленный для того, чтобы рассуждать о какой-то там «петле», и позабыв даже о своих кошмарах.

Проснувшись, он обнаружил себя объятым кромешной тьмой, сравнимой разве что с мраком стигийской гробницы. Конан посмотрел в свое окошко, но увидел лишь чернильную черноту затянутого облаками неба. Сверху доносилось тихое шарканье караульных, добросовестно совершивших обход.

Затекшая голова гудела, а сплошное облако боли не позволяло на чем-либо

сосредоточиться. К удивлению, он заметил, что весь дрожит, – и это несмотря на адскую духоту. Крупные капли пота градом катились с лица, пропитывая грубую тряпку и обжигая рубцы. Конан сразу же узнал первые симптомы лихорадки. Так ему предстоит провести всю ночь! Хорошо, хоть крысы пока не беспокоили.

Теплый ветер, струившийся сверху, приятно теребил волосы. Раскатистые удары волн и пронзительный скрип мачты свидетельствовали о том, что «Мистрисс» уверенно набирала скорость. Неудивительно, что Кхерет выбрал именно этот маршрут: как бывший адмирал, он располагал изрядным багажом знаний о направлениях ветров и подводных течений.

Знакомый до боли звук раздавался за дверью. Он сразу его узнал: скрежет меча о точильный камень. Часовой терпеливо обрабатывал свой клинок, прибегнув к распространенному среди солдат способу скоротать ночь.

Сдерживая стон, Конан крошил друг о друга зубы, тщетно пытаясь пересилить все возрастающую боль.

Неожиданно бледные блики разбрелись по стенам, заставляя варвара посмотреть наверх. Словно тяжелый занавес, облака расползлись, обнажая диск полной луны. Тусклый горящий головень болезненно-желтого цвета приковал его взгляд. Будто зачарованный, он наблюдал за тем, как луна растет, превращаясь в огромный выпученный глаз.

Глухое завывание ветра наполнило уши.

Испуганно охая, варвар зажмурил глаза, однако изображение зловещего светила неизгладимо отпечаталось в его мозгу. Руки начали безотчетно трястись, и эта неудержимая дрожь пронеслась по всему телу. Извиваясь и корчась в пределах, в которых позволяли веревки, Конан приподнял голову и посмотрел на свои пораженные лихорадкой члены.

Шершавая бечевка затянулась сильней, глубоко врезаясь в тело и вызывая новое кровотечение из почерневших рубцов. Кожа нестерпимо чесалась, как будто бы тысяча муравьев сновала по нему взад и вперед.

В тусклом свете луны было видно, как из трясущегося тела прорастает грубая белая шерсть, а конечности опухают и вытягиваются до чудовищных размеров. В носу назойливо присутствовал запах пота, но это не мешало вдруг обострившемуся обонянию уловить сотни других ароматов. Они проникали отовсюду: с палубы, с моря, а может, и с самого морского дна... Это были запахи его жертв!

Конан задрожал.

Руки, способные шевелиться разве что в запястьях, пылали, точно погруженные в кипящее масло. Они были крепко привязаны к бедрам, и варвар чувствовал... нет, слышал, как уродливые пальцы растут, разрывая кожу. То же самое происходило с ногами, которые безобразно кривились, приобретая форму обезьяиных лап. Длинные пальцы корчились и извивались, как черви, покрываясь все той же белой шерстью.

Конан пытался кричать, но из груди вырывалось одно лишь утробное бульканье. Лоб и нос испытывали разрушительное давление, как будто внутри черепа что-то раздувалось и пухло, пытаясь выйти наружу через лицо. Почекувствовав во рту вкус крови, он провел языком под надтреснутым деснам, поражаясь тому, сколь остры теперь были его зубы. Нижняя челюсть безобразно выдвинулась вперед, растягивая кожу со звуком, похожим на тот, что издает разрываемый на части ремень.

Неведомая сила выдавила из груди воздух и прогнула спину дугой. Стальная клешня вцепилась в ребра и принялась растягивать их, причиняя адскую муку.

Истошный вопль в конце концов нашел свой путь сквозь сеть пересохших связок,

напоминая скорее рев зверя. Извиваясь и корчась, Конан силился порвать свои путы до тех пор, пока сухое днище под ним не разлетелось в щепки. Киммериец шумно грохнулся на пол и прокатился через весь трюм. Кровь начинала циркулировать по онемевшим ногам.

Сдавив ладонями виски, он устремил свой взор к мутному желтоватому лицу и взвыл, пугаясь собственного крика. Память была окутана густой пеленой, и варвару никак не удавалось припомнить, где он мог слышать этот рев прежде. Сознание неумолимо ускользало прочь, унося последние воспоминания о человеческой жизни. Повинуясь безумному инстинкту, Конан обрушил свои массивные кулаки на дубовый крэйт, превращая его в груду щепок. На какой-то миг память вновь вернулась к нему, и он узнал тот страшный вой. Подобный звук издавала огромная хищная обезьяна, которую он повстречал в лесу несколько лет назад. Тварь разорвала на куски дюжину бамбулийских охотников, прежде чем издохнуть утыканной копьями, словно дикобраз.

В следующий миг сознание окончательно провалилось в бездну, оставляя в мозгу варвара лишь страх и лютую ненависть ко всему живому. Боль в висках и раненой голени более его не тревожила. Нос жадно втягивал сладкие запахи, что витали повсюду. Запах теплой крови и свежего мяса! Чувства варвара обострились настолько, что он слышал, как за толстой дубовой дверью в груди молодого стражника бьется сердце.

Конан облизнулся.

Обуреваемый безумной яростью, он бросился на преграду, отделявшую его от жертвы. Тяжелое плечо с треском высадило дверь, выворачивая доски, усеянные ржавыми гвоздями. Изумленный стражник отлетел в сторону.

Не давая часовому опомниться, Конан схватил его за шею и, приподняв над полом, принялся душить. Он не разжимал пальцев до тех пор, пока глаза несчастного не вылезли из орбит, застыв в стеклянном немигающем взгляде. Затем, разорвав жертву когтями, он принялся жадно пихать в рот куски теплого мяса.

Пока Конан продолжал свою чудовищную трапезу, палуба наверху наполнилась криками, смешанными с лязгом оружия и гулким топотом ног.

Варвар оставил выпотрошенный труп и повернулся на шум, предвкушая появление новых тщедушных розовокожих зверьков. Он с наслаждением представил, как растерзает их тельца и перемелет зубами кости.

Конан прыгнул к лестнице, ведущей наверх, и выжидающе притаился. Он согнул колени и напряг пружинистые мышцы икр, которые были в два раза толще бедер обычного человека. Прежде чем матросы ступили на край лестницы, Конан прыгнул на палубу. Доски жалобно задрожали под его весом. Жгучее сияние ослепило глаза. Варвар взглянул на черное небо и увидел причину своей боли – бледный диск, горящий мутным холодным огнем. Сейчас он потушит его кровью жалких мягкотелых тварей, которые окружили его со всех сторон. Этих ничтожеств с лихвой хватит, чтобы утопить проклятое светило в море крови.

Пятеро гребцов угрожающе замахнулись мечами. На руках, сжимавших клинки, вздулись узлы мышц, приобретенных за долгие годы корабельной службы. Вендинцы не держали на борту рабов, набирая в поход лишь крепких, выносливых мужчин с исключительными боевыми способностями, положившими конец карьере не одного пирата. Но даже опытные воины не могли не содрогнуться при виде огромного, вымазанного в крови чудовища, нависшего над их головами. Только их число придавало им храбрости, и они бросились вперед как один.

Клинки засвистели в ночном воздухе. Но Конан по-кошачьи ловко отпрыгнул назад,

приведя атакующих в крайнее замешательство. Он вытянул свои длинные лапы и выхватил из толпы ближайшего моряка. Затем на глазах у изумленных товарищей он вырвал его руку из сустава и вместе с мечом выбросил в море. Лишившийся руки мужчина упал на колени и, сжимая бьющее кровью плечо, завопил, как грешник в аду.

Похолодевшие моряки тем не менее снова бросились вперед, стараясь зажать Конана в тесном носу корабля. С кормы к ним спешила подмога.

Вцепившись в лодыжку распростертого гребца, Конан поднял несчастного над головой, подставляя под удары занесенных мечей.

Живой щит принял на себя смертоносный штурм. Его товарищи остановили свои клинки слишком поздно и теперь любовались проделанной работой.

Воспользовавшись замешательством, Конан швырнул мертвое тело в толпу, сватав на пол сразу двоих и выбивая мечи из рук еще нескольких. Не давая гребцам опомниться, он бросился на них, словно коршун, разрывая на части и пожирая окровавленные куски.

На этот раз вендинцы оправились от шока быстрее и устремились на обезьяну в новой отчаянной атаке.

В это время люк капитанского кубрика с грохотом отворился, и оттуда выпрыгнули еще три человека. Конан наверняка узнал бы в них Джатила, Чадима и Кхерета, но для обезьяны они оставались таким же ходячим мясом. Кхерет что-то взволнованно кричал своим людям, но Конан слышал лишь забавное журчание звуков, столь же бессмысленное, как шелест листвы или щебет птиц.

Безоружный моряк попытался поднять свой меч... но Конан разорвал его прежде, чем бедняга успел дотянуться до рукоятки. Другой все-таки изловчился и ткнул варвара клинком... однако тут же был раздавлен в звериных объятиях. Конан вырвал ему обе руки и также выбросил в море.

Передний ряд атакующих выступил вперед, зажимая варвара в тесном углу. Подбадриваемые выкриками Кхерета, гребцы проглотили свой страх и стремительно бросились на Конана. Однако свирепая обезьяна вновь мастерски воспользовалась трупами моряков, применяя их на этот раз в качестве метательных снарядов.

Не имея ни малейшей возможности укрыться от кошмарного града, гребцы падали под телами своих мертвых товарищей. И только Чадим, укрывшись за высокой кормой, искусно швыряя в варвара свои ножи. С каждым броском он загонял под шкуру чудовища три дюйма закаленной стали, но обезьяна, похоже, не обращала на это никакого внимания. Стигийские ножи беспокоили ее не больше, чем укусы шмеля, а толстая кожа и небывалого размера мышцы не позволяли клинкам проникнуть в глубь тела и повредить жизненно важные органы.

Несколько моряков поскользнулись в склизкой луже крови и тут же были схвачены волосатыми руками. Конан выпотрошил их внутренности и выбросил за борт. Жалкие остатки команды предприняли последнюю отчаянную атаку: они окружили Конана со всех сторон и налетели на него всем скопом.

Дерзость людей привела обезьяну в настоящую ярость! Не замечая ударов, сыпавшихся со всех сторон, она крутилась волчком, сметая и разрывая все, что попадалось ей под руку. Не выдержав беспрестанного штурма когтей и клыков, матросы дрогнули и бросились наутек. Орущий на корме Кхерет тщетно пытался вернуть их в бой.

ГЛАВА 5

ПЕТАЯ НЕБЕКИ

Несколько оставшихся в живых членов команды обрушили свои ятаганы на толстые канаты, что крепили единственный имевшийся на борту спасательный вельбот. Проворно спустив шлюпку на воду, они попрыгали в нее и как одержимые принялись грести к берегу.

Изысканно выражаясь, Кхерет проводил беглецов красноречивым взглядом и мигом нырнул в кубрик. Чадим и Джатил не раздумывая шмыгнули следом, едва успев захлопнуть крышку люка перед самым носом чудовища.

Эта дверь была куда прочнее, чем та, в трюме. Ибо изготавливалась с расчетом на то, чтобы уберечь ценный груз и офицерский состав невредимыми в случае, если судно подвергнется нападению пиратов.

Работая с необычайным проворством, которое могла породить лишь отчаянная паника, троица полностью забаррикадировала вход в каютку, используя для этой цели все сподручные предметы, какие только можно было найти в тесном кубрике. Они составили пирамидой бочки, сделали из запасных весел импровизированные подпорки и для полной уверенности загнали в задвижку несколько здоровенных гвоздей. Вендинская привычка держать все необходимые инструменты в каюте в очередной раз себя оправдала, хотя даже самый предусмотрительный капитан вряд ли мог ожидать на своем борту столь демонического явления.

Ревя, словно раненый буйвол, Конан яростно колотил увесистыми кулаками по крышке люка, пока дерево в стальной раме не задрожало. К счастью притаившихся внутри людей, люк был сработан на славу. Крышка сидела под хитроумным углом, а ее размер и дизайн не позволяли Конану приложитьсь плечом, как он это успешно проделал в трюме.

Тяжело дыша, варвар оставил тщетные попытки сломать преграду и, жадно облизываясь, направился к горе трупов, что возвышалась на носу корабля. Тошнотворный запах, довлевший над палубой, казалось, только возбуждал его звериный аппетит. Луна спустилась чуть ниже к воде, словно желая стать свидетельницей этого зловещего пиршества.

Помогая себе обеими руками, Конан торопливо пихал теплые куски мяса в глотку до тех пор, пока его живот уже не мог вместить больше. Насытившись, варвар пошатываясь пошел к мачте, тяжело ступая по дощатой палубе. Он прислонился к дереву спиной и, извергая отрыжку, уставился на бледное светило. Оно отражалось в море и, казалось, выглядывало из-под воды.

Холодное пламя ослабло. Конан облизал липкие губы и глубоко вздохнул, сползая по мачте до тех пор, пока его мускулистые ягодицы не коснулись пола. Когда последний лучик луны исчез в океане, его свинцовые веки сомкнулись. Безумный порыв ненависти унялся, словно потущенный рекой крови. Тяжелая голова начала безвольно клониться, до тех пор пока подбородок не уперся в грудь. В следующий миг он уже погрузился в глубокий сон.

Тем временем в тесном офицерском кубрике Кхерет нервно расхаживал взад и вперед. Чадим в очередной раз протер рукавом мокрый от пота лоб. Внутри царила невыносимая духота.

— Какая из семи преисподи послала на нас этого демона?! Клянусь Лшурой, мне никогда не доводилось видеть чудовища, столь кровожадного.

Кхерет проигнорировал замечания кормчего, отрывая от пола задумчивый взгляд только для того, чтобы еще раз убедиться в крепости их цитадели. Он так и не проронил ни слова с тех пор, как сокрушительные удары сверху прекратились.

Вздохнув, Джатил протер потную шею и поскреб свою маленькую выщипанную бородку, местами тронутую сединой.

— Да, — кивнул он кормчему, — это сущий дьявол, причем худший из всех, когда-либо порожденных адом. Ты был прав, Чадим, нам не следовало выбирать этот курс. Нисколько не сомневаюсь, что именно Небека направила на нас это исчадие.

— Да заткнитесь же, наконец, вы, старые идиоты! — не выдержал Кхерет. — Приходилось ли вам, городским неженкам, хоть раз в жизни повстречать в лесу хищную зембабвийскую обезьяну? А я видел тварь собственными глазами, правда, не столь громадную. И вот что я вам скажу — вся эта дьявольщина как-то связана с Конаном. Я должен был перерезать киммерийцу глотку, когда у меня имелась такая возможность.

Глаза Чадима вспыхнули суеверной непримиримостью.

— Напрасно ты недооцениваешь Небеку, мой капитан! Когда ее в последний раз видели за охотой, мой дед был еще юношей. Старики говорили, что она пробуждается раз в три поколения и рыщет в поисках легкомысленных кораблей. Она способна принимать любые обличия, и не исключено, что волосатый монстр — очередное ее воплощение.

— А полнолуние! — живо подхватил Джатил. — Оно означает наступление месяца рыб, что приходится как раз на середину года Змея. Звезда Яма была этой ночью в созвездии Абхарима и...

Кхерет не дал ему договорить, раздраженно закатывая глаза к потолку:

— Только полнейшие идиоты позволяют звездам управлять их судьбой. Я не знаю, каким образом, но только киммерийцу в очередной раз удалось разгромить всю команду и похитить судно. Во имя Сэта, я бы воистину пожелал, чтобы ваша Небека была реальной, если бы она могла раз и навсегда уничтожить варвара. Нисколько не сомневаюсь, что он стоит сейчас наверху и посмеивается над нами, направляя «Мистрисс» в какую-нибудь пиратскую бухту.

Капитан замолчал, и все трое погрузились в мрачную тишину, уныло разглядывая стены самодельного каземата.

Вдруг бровь Кхерета удивленно поползла вверх, а Чадим чуть наклонил голову, напряженно вслушиваясь в отдаленный шум.

Джатил, восседавший на высокой бочке, затаив дыхание, приложил ухо к люку и...

— Вам!

«Мистрисс» чудовищно накренилась, будто подхваченная гигантской рукой.

Джатил беспомощно замахал руками, словно пытаясь ухватиться за воздух. Не удержав равновесия, он полетел на пол, смешно уворачиваясь от падающих бочек, которые готовы были прихлопнуть его в любую минуту.

Кхерет, перевернуть которого было не так-то просто, прочно стоял на ногах, изумленно наблюдая за тем, как судно дрожит и кренится, словно протараненное туранской военной галерой. Смуглое лицо стигийца побледнело. — Небека! — едва слышно прошептал Чадим с выпученными от страха глазами. Он бросился на пол и, обхватив голову руками, жалобно заскулил.

Мощный толчок вывел киммерийца из глубокого забытья. Лениво поднявшись на ноги, он потянулся, пытаясь стряхнуть с себя необычную сонливость. Конан смутно почувствовал, что что-то не так: никогда еще его пробуждение не было столь тяжелым. Даже первые лучи

восходящего солнца были бессильны рассеять его сон.

Варвар прислонился к мачте и огляделся вокруг. И надо сказать, картина, представшая его взору, подействовала отрезвляюще. Он изумленно уставился на лужу крови, черневшую посреди палубы, и на гору трупов, возвышавшуюся на носу корабля. С трудом сдерживая приступ тошноты, Конан поспешно отвернулся, гадая, какой дьявол мог здесь так похозяйничать. Несмотря на туман в голове, в теле чувствовалась приятная бодрость, которой не было уже много дней.

Но как же ему все-таки удалось освободиться от веревок и выбраться из трюма?

Конан рассеянно приложил руку к виску, да так и обмер от удивления! Куда девались его страшные шрамы? Пальцы нашупывали абсолютно чистую кожу, как будто никаких порезов не было вовсе. Неожиданно страшное подозрение закралось ему в душу – ни дать ни взять, он снова вляпался во что-то сверхъестественное. На какой-то миг он даже усомнился в реальности своих ощущений, но, ушипнув себя за руку, убедился, что все происходившее с ним не было сном.

В конце концов варвар успокоился и принял чудо с искренней радостью. Как бы то ни было, теперь он здоров и свободен. И за это следовало бы поблагодарить любую магию – черную или белую. Глубокая рана на голени бесследно исчезла, не оставив даже розоватого шрама.

Единственными на его теле метками, напоминавшими о его недавнем заключении, были едва заметные полосы, разукрасившие его ноги и грудь в клетку.

– Кром! – с недоверием прошептал киммериец. Ведомо ли такое чудо?

Он тщетно терзал свою память, гадая, что же с ним все-таки произошло. Он вспомнил, как размышлял о какой-то мистической Небеке и ее загадочной петле, как потом задремал, не в силах бороться с навалившимся сном, и...

Воспоминания стали возвращаться к нему с удивительной быстротой. Кошмарные сцены замелькали перед глазами с чудовищной ясностью. Это фантастическое превращение и все, что за ним последовало... Конана чуть не вытошило от одного лишь воспоминания о вчерашнем ужине.

Самые невероятные мысли промелькнули в его голове, но варвар вовремя взял себя в руки. Как бы то ни было, сейчас не время было искать разгадки... ибо «Мистрисс» начала угрожающе крениться. Ветер по-прежнему гнал ее вперед по непредсказуемой извилистой траектории.

Поначалу Конан решил, что сокрушительной силы толчок был результатом столкновения корабля с подводным рифом. Но вскоре он заметил за кормой на удивление странный водоворот, что неотступно преследовал «Мистрисс», явно пытаясь засосать в свое жерло. Невиданных размеров воронка не имела ничего общего с теми, что ему доводилось видеть прежде. Холодок пробежал по коже варвара, несмотря на духоту, которая в этих краях всегда предшествовала обильному тропическому ливню.

Застыв от изумления, Конан наблюдал за тем, как вода бурлила и пенилась, выпуская облако густого полупрозрачного пара. Подхваченная водоворотом «Мистрисс» медленно закружилась по его все расширяющемуся периметру.

Внезапно, без малейшего предупредительного всплеска, в центре воронки появилась голова чудовищного левиафана. Его необъятное бугристое тело грязно-зеленого цвета стало настоящим плавучим домом для сотни семейств моллюсков и тысячи видов водорослей. Непропорционально огромный череп был в точности змеиным, за исключением, правда,

ряда пульсирующих на шее жабер да пары глаз, каждый из которых был размером с Конанову голову. Эти зловещие желтые шары в розовой сетке кровеносных сосудов таращились из уродливого черепа, словно назревшие нарыва. Хвоста видно не было. Несомненно, он лежал где-то глубоко под водой.

Широко разинув клыкастую пасть, способную зараз проглотить троих взрослых мужчин, чудовище жадно устремилось к «Мистрисс».

Конан так и застыл, прикованный невыразимой древней злобой, что сквозила из холодных немигающих глаз. Впечатление было такое, будто чрево ада разверзлось, исторгая своего самого жуткого гада.

Пока мокрая морда стремительно приближалась к галере, Конан заметил раздробленные куски киля, нанизанные на острые клыки рептилии. Теперь варвару было понятно, почему «Мистрисс» бросало из стороны в сторону: змеюга прокусила толстенный слой дерева, отодрав от дна приличный кусок, вполне достаточный, чтобы полностью потопить судно.

Мощная струя пара вырвалась из зияющей глотки, шпаря кожу и обжигая глаза.

Конан непроизвольно прикрыл лицо рукой, избавляясь тем самым от парализующего взгляда выпущенных глаз.

Киммериец проворно отпрыгнул назад, едва не зацепив пяткой слюнявшую морду. Острые, как рапира, клыки промахнулись на какие-то несколько дюймов, сомкнувшись вместо этого на широком основании мачты. Толстая балка переломилась, точно прутик, и с грохотом обрушилась на палубу, уперевшись в борт корабля.

Демонстрируя искусство настоящего акробата, Конан отчаянно уворачивался от падающей мачты и от пышущей жаром морды.

Конан на бегу подхватил тесак, самый широкий из тех, что валялись на палубе, вырвав его из руки мертвого гребца. Широко расставив ноги на ходуном ходившей палубе, он стал ждать новой атаки чудовища. Ему не раз приходилось сражаться с выродками Сэта, и поэтому он знал: хорошо спланированный удар мог легко пронзить уязвимую глотку змея, проникая до самого мозга. Он должен был засадить лезвие как можно глубже, чтобы уже с первой попытки поразить чудовище, прежде чем водоворот проглотит обреченный корабль, засосав свою бурлящую бездну.

Воздух вокруг сделался невыносимо горячим, пар становился плотнее и наполнял ноздри сернистой вонью. Потерявшее всякий контроль судно судорожно металось, жалобно поскрипывая от титанических ударов моря.

Неуклюже мотая головой, животное бросилось на Конана, который с вызывающей непоколебимостью стоял на залитой кровью палубе. Снова змеиные клыки сверкнули на солнце, точно выточенные из слоновой кости кинжалы.

Однако варвар только того и ждал. Прыгнув вперед, навстречу разинутой пасти, он глубоко зарыл меч в мягкое розовое нёбо. Обжигающее облако пара обдало его с ног до головы, прежде чем он выпустил рукоятку, чудом избегая смертоносных клыков. Могучие челюсти щелкнули у самого уха, отхватив прядь черных как смоль волос.

Подхватив новое оружие, киммериец кое-как вскарабкался на ноги. Он тут же обернулся назад, чтобы оценить результат атаки. Конан смутно подозревал, что одного удара будет вряд ли достаточно. Никогда ему еще не приходилось противостоять столь огромной твари!

Голова левиафана недовольно отпрянула и удалилась к центру воронки. Конан едва мог различить на его губе прыщик, который на самом деле был черенком трехфутового клинка, прочно застрявшего в необъятной глотке.

Тем временем «Мистрис» продолжала вращаться и тонуть. Вода поднялась уже до критической отметки. Удрученный неудачей, варвар отчетливо понимал, что время работало не на него. Через две-три минуты он должен был броситься в море и плыть как одержимый, пока чертов водоворот не засосал его на самое дно.

Конан отшвырнул бесполезное оружие, так как новый план пришел ему в голову. Расположившись на байке посреди корабля, он стал ждать новой атаки змея.

И надо сказать, ждать пришлось недолго, ибо в следующую минуту голова бросилась вперед. Степенно покачиваясь на пупырчатой шее, она, казалось, была исполнена единственного желания – сожрать крошащего, но дерзкого киммерийца.

Согнув ноги в коленях и уперев могучие руки в отполированное годами дерево мачты, Конан силялся поднять импровизированное копье, направляя его прямо в саблезубую глотку. Вес балки трижды превосходил его собственный. Варвар слышал, как его спина скрипит под непосильной ношей. Основание мачты раскололось, образуя острый зазубренный конец. Конан приподнял его над головой и стал перебирать по дереву руками, одновременно разгибая колени.

Мрачный змеиный разум, казалось, распознал тонкий замысел противника. Тварь оттянула голову назад, пытаясь в то же время остановить инертное тело. Однако «Мистрисс» также не стояла на месте, как, впрочем, Конан и предполагал.

– Подавись же, во имя Крома! – проревел он, швыряя балку на бородавчатый череп. Узловатые мышцы вздулись на его предплечьях, чуть не лопаясь от напряжения. В следующий миг вертлявая башка рептилии со всего размаху врезалась в мачту. Острый конец приземлился чуть выше рта, обрушившись вместо этого на гнойно-желтый глаз. С тошнотворным звуком гигантский шар лопнул, взрываясь фонтаном желтой вонючей слизи.

Движимое инерцией копье пропахало мягкий змеиный мозг и вышло из затылка наружу. Густая едкая жижа слезой потекла из мертвой глазницы, распространяя столь невыносимое зловоние, что от него глаза киммерийца сделались влажными. Студенистое яблоко медленно сползло по балке и с мокрым мерзостным звуком шлепнулось на палубу. Испустив последний стон, пронзенная тварь также заскользила под собственной тяжестью и уперлась в нос корабля, забившись в предсмертных судорогах. Гигантская пасть приоткрылась, чтобы в последний раз пыхнуть паром и кровью, прежде чем замертво свалиться к ногам победителя.

Тяжело дыша, Конан отступил назад. Голова кружилась от изнеможения. Пробежав взглядом по всей длине чешуйчатого тела, он заглянул в самый центр воронки. Водоворот уменьшился, однако «Мистрисс» продолжала тонуть, стремительно приближаясь к бездонному жерлу. Конан спрашивал себя: где мог находиться змеиный хвост? Одна лишь торчавшая над водой шея была по крайней мере в три раза длиннее самого судна. Насколько он помнил, все другие представители змеиного рода, извиваясь в смертельных объятьях, колотили своими хвостами почем зря. Этот же водяной монстр так и не высунул своего помела. Возможно, хвост служил ему своеобразным якорем, воткнутым между рифами, а может, и в само океанское дно.

Однако в данный момент его больше волновала совсем другая проблема: покинуть тонущий корабль. В том, что судно обречено, не оставалось никаких сомнений. Единственная имевшаяся на борту шлюпка была уведена, и Конану ничего не оставалось, как наскоро состряпать хоть что-нибудь, способное держаться на плаву. Он вытащил из трюма изуродованную дверь, заметив с тревогой, что весь грузовой отсек был уже залит водой.

Наспех связав доски мотком смоленой веревки, он получил грубый и весьма далекий от совершенства плот. Оставалось лишь надеяться, что тот не развалится прежде, чем его прибьет к островам или к южному побережью. Конан припрятал остаток веревки и хотел было спустить плот на воду... Эх, раздобыть бы в дорогу хоть каких-то припасов! Отсутствие пресной воды значительно уменьшало его шансы. Даже с маленьким бочонком он продержался бы несколько недель.

Рискуя в любую минуту быть проглоченным бурлящей стихией, Конан бросился к офицерскому кубрику. Там-то наверняка имелся весь необходимый провиант. Если только каюту не залило так же, как трюм!

Приблизившись к люку, Конан тотчас же услышал приглушенную ругань. Удивленный киммериец замер, прильнув ухом к толстому дереву. Изнутри доносились до боли знакомые голоса!

– Ну и тряситесь здесь, если хотите подохнуть, как крысы! Сэт позаботится о ваших душах, собаки! – раздавался гневный голос Кхерета.

– Небека сдерет с тебя кожу и пересчитает по косточкам, ты, потаскую сын! – визгливо возражал Чадим, с трудом выговаривая слова.

Сдержаный тон Джатила решительно пресек тот возможный шквал непристойностей, который Кхерет готов был выпалить в ответ.

– Перестаньте, вы оба! Мы уже по колено в воде и только понапрасну теряем время. Быть может, Небека набила брюхо обезьяням мясом и не станет возиться с такими ничтожествами, как мы. Уж лучше рискнуть, что бы там ни ждало нас наверху, чем растрачивать последнее дыхание в пустой перебранке.

Смутные воспоминания промелькнули в голове варвара. Он вспомнил, как загнал троицу под палубу, я только сейчас заметил на крышке люка неглубокую вмятину в форме массивного кулака. Конан приложил к ней свой собственный, с дрожью замечая, что кулак Конана-зверя в два раза превосходил человеческий.

Изнутри послышался скрежет и неистовый стук молотка.

Оставив всякую надежду раздобыть хоть пинту воды, Конан торопливо осмотрел палубу в поисках подходящего меча. Облюбовав длинный, с широким лезвием клинок, варвар подхватил оружие и бросился к плоту. Однако в эту самую минуту люк с грохотом отворился, и из него вывалился разъяренный Кхерет.

И без того смуглое лицо стигийца сделалось черным при виде ненавистного варвара. Он выхватил свой легкий, с тонким лезвием меч, выкованный из лучшей ахитанской стали, и бросился на Конана.

ГЛАВА 6

МЕСТЬ

— Ты! Киммерийская собака! Я... — Он замолчал, с изумлением глядя на мертвое чудовище. Окровавленная змеиная голова развалилась на носу корабля, единственный глаз застыл в жутком немигающем взгляде.

Пока мужчины разглядывали друг друга, тонущий корабль сделал еще один оборот, так что Кхерет стоял теперь как раз между варваром и плотом. Кровь Конана вскипела от ярости.

— Стигийский водяной червь, проведай-ка свою команду! — Прыгнув вперед с ловкостью пантеры, Конан замахнулся мечом, метя в смуглую шею.

Опытный стигиец обрел самообладание как раз вовремя, чтобы отразить выпад. Он увернулся и в свою очередь провел стремительную контратаку, обрушивая клинок на предплечье Конана.

Не замечая серьезной раны, варвар поднял меч для нового сокрушительного удара. Пора было кончать этот стальной перезвон. Не время было испытывать клинки на прочность. Конан прекрасно понимал, что оружие капитана, выкованное из специальной упругой стали, было столь же крепко, сколь легко и изящно. Надо было прикончить стигийца одним точным ударом. Мышцы веревками вздулись на могучих руках, разгоняя тяжелый палаш до умопомрачительной скорости.

Однако Кхерет снова парировал атаку отработанным до совершенства приемом. Искры так и посыпались от скрестившихся со звоном клинков. Грубое лезвие раскололось, оставив в руке варвара короткий тупой обломок.

— Гнилой зуб Крома! — выругался киммериец, отшвыривая прочь бесполезное оружие.

Торжествующий Кхерет грациозно двинулся на безоружного врага, готовясь к последней решающей атаке. Тем временем «Мистрисс» продолжала равнодушно тонуть, содрогаясь частыми болезненными толчками. Ее корма неуклюже клюнула вниз в тот самый момент, когда Кхерет занес клинок над уже читавшим молитвы варваром. Ликующая улыбка сменилась гримасой бессильного гнева, и потерявший равновесие капитан грузно рухнул на палубу. Стигийский меч выскоцил из рук и брякнулся вне пределов досягаемости беспомощно шарящих пальцев. Недавний смех сменился протяжным стоном, когда капитан потрогал вывихнутую ногу. Отчаянно ругаясь, он потянулся к поясу за ножом. Вся схватка заняла не более минуты.

В этот миг из люка выскоцил Чадим, вооруженный неизменным кинжалом. Следом выпрыгнул Джатил, размахивая кривым ятаганом и чуть не натыкаясь на своего товарища.

Конан чудом успел выхватить меч из руки мертвого моряка и выставить навстречу стигийцу, правая рука которого была занесена для броска. Меч разорвал грудь и, скользнув между ребер, вышел из лопаток. Кровавое острие угодило прямо в толстую шею Джатила, который буквально налетел на своего товарища. Кормчий мешком рухнул на палубу, придавив под собой захлебнувшегося в собственной крови вендица.

Конан оглянулся как раз вовремя, чтобы заметить подползшего к своему мечу Кхерета. Нырнув на палубу, варвар опередил капитана, не успев, однако, уберечь свою руку от удара острого стигийского ножа. Конан поймал сжимавшую кинжал руку и выворачивал до тех пор,

пока запястье не хрустнуло. Нож бряцнул о доски. Конан рывком поднял капитана на ноги и что было силы швырнул о рейлинг.

Упрямый стигиец, чудом не потерявший сознание, тем не менее изловчился прихватить чей-то ятаган и снова бросился в атаку.

— Подонок! — прохрипел он, пошатываясь, но умудряясь при этом сохранять грациозность опытнейшего фехтовальщика. — Этим дешевым грубым клинком позволь мне отправить тебя в ад!

С этими словами он бросился на варвара в слепой ярости.

Конан отвел стигийский клинок к правому плечу, сжимая эфес обеими руками. Уворачиваясь от яростного выпада капитана, он описал лезвием широкую дугу и со свистом рассек череп Кхерета от макушки до подбородка. Выдернув меч из разрубленной башки, он кинулся к плоту, торопливо спустил его на воду и не раздумывая прыгнул за борт.

Перерубив швартовую веревку, он схватил весло и принялся лихорадочно грести, пытаясь вырваться из удушилого плена воронки. Хотя водоворот заметно стих сразу после смерти чудовища, вода по-прежнему продолжала бурлить, обдавая варвара густым горячим паром.

Гребя изо всех сил, Конан постепенно отплыл от мертвого корабля на безопасное расстояние. Продолжая работать, он оглянулся через плечо, чтобы последний раз взглянуть на обреченную «Мистрисс». Трюмы, полные воды, безжалостно тянули ее на дно; над поверхностью торчал лишь украшенный рострой нос. Мачта сползла с перевернутой палубы, и змеиный труп сгинул в соленой голубой пучине.

Пот лил с варвара в три ручья. Жара стояла адская. Снизу его шарила кипящая вода, сверху же сжигало безжалостное тропическое солнце. Конан понимал, что пекло скоро выжмет из него последнюю влагу, но поделать с этим ничего не мог. Отплыв от воронки на приличное расстояние, он отложил весло, чтобы немного передохнуть. Конан чувствовал себя уставшим, однако участившийся пульс и бешеный стук сердца вряд ли могли быть следствием обычного изнеможения.

Вообще-то варвара мало беспокоило отсутствие воды и пищи. На своем веку он пересек пешком не одну пустыню, мучаясь изо дня в день от жажды и голода.

Пока плот медленно дрейфовал, подхваченный каким-то течением, Конан размышлял над тем, как южное море походило на восточные пустыни. Бесплодные пустоземы подчинялись тому же самому господину. С высокого трона зловещее солнце, словно король, правило этими бескрайними просторами, требуя дань потом с любого, кто осмеливался вторгнуться в его владения. Пожалуй, даже грозные правители Стигии и Турана были более милосердными, чем это раскаленное добела светило.

Но предстоящие испытания волновали Конана меньше всего. Его недавнее превращение — единственное, что не давало ему покоя! Приход луны теперь был страшнее палящего солнца. Подействует ли проклятие снова? Эти мысли вгоняли в дрожь даже бывалого киммерийца. Честно говоря, он не испытывал сколь-либо заметной жалости к его вчерашним жертвам. Чего он сейчас больше всего страшился, так это снова потерять над собой контроль — утратить свою личность. Вчера на корабле Конан из Киммерии перестал существовать, все, что от него осталось, — это безобразное плотоядное чудовище.

Мысли о людоедстве так и скрутили ему живот. Ему уже приходилось общаться с дарфарскими каннибалами в Замбуле — городе, где беззаконие было единственным законом. Эти утратившие души псы были настоящим бичом южных земель, и Конан отнюдь не желал

иметь с ними что-либо общее. Однако нельзя забывать, что заклятие помогло ему высвободиться из плена и избежать страшной участи в Луксуре. Он победил морскую рептилию и уж как-нибудь сумеет найти способ избавиться от злосчастных чар.

Он стряхнул капли пота с грязных спутанных волос, чувствуя сильное головокружение. Закрыв глаза, он распластался на плоту; варвару пришлось свернуться клубком, чтобы уместиться на неровной и шершавой поверхности. Тупая боль в предплечье напомнила о стигийском ноже, и Конан с беспокойством осмотрел распухшую руку.

Сама по себе рана была небольшой – не шире мизинца, но багровая опухоль однозначно свидетельствовала о яде... пурпурном лотосе! А ведь он должен был знать, что нож Кхерета, как, впрочем, и нож любого другого стигийца, обязательно отравлен. Северный варвар никогда не понимал распространенного в цивилизованном мире обычая отравлять оружие. Никогда еще киммерийцы не прибегали к столь низменным приемам, всецело полагаясь лишь на собственную смекалку и силу.

Хорошо, хоть яд действовал не сразу, позволив удрать с тонущего корабля. Силясь сохранить сознание, Конан заставил себя встать. Он окунул лезвие меча в море, смывая застывшую коркой кровь; вряд ли вода могла повредить его клинку – клинку, выкованному из лучшей аквитанской стали. Мокре лезвие засверкало на солнце. Скрежеща зубами от боли, Конан сделал на опухшем предплечье три глубоких пореза и сунул руку в воду. Варвар тут же почувствовал острую боль – это соль выжигала отраву. Вытащив онемевшую руку и хорошенько встряхнув ею несколько раз, он принял сосать и сплевывать яд до тех пор, пока язык не перестал ощущать горький привкус зелья. Но даже вычистив рану от заразы, он чувствовал слабость и тошноту: разгоряченная от работы кровь разнесла яд по всему телу. Открыв глаза, он увидел над собой облака, собирающиеся в тяжелые тучи. Ветерок пробежал по плоту, обдавая киммерийца прохладой.

Конан попытался сфокусировать зрение, узнавая все признаки надвигавшегося шторма. Собрав остатки сил, он обмотал себя веревкой, пропустив ее между досками и затянув узлы как можно крепче. Затем поглубже вонзил меч в дерево и тут же упал в изнеможении. Он знал, что его ждет серьезное испытание, однако особенно по этому поводу не расстраивался. Тропические штормы кончались так же внезапно, как и начинались; он прошел через тысячу их на суше и на море.

Не сводя глаз с чернеющего неба, Конан сражался с коварным действием яда. Однако пурпурный лотос взял свое. В глазах потемнело... или это вокруг сделалось настолько темно? В следующий миг он погрузился в глубокий тяжелый сон.

Конан проснулся, чувствуя под собой теплый песок. Яркое солнце заставило его зажмуриться. Проморгавшись, он увидел узкую полоску берега, отделявшую его от моря. Спину резала тугая веревка, до сих пор крепившая тело к толстому бревну – единственному во всем поле зрения. Видимо, пока он спал, шторм все-таки разбил убогий плот и выбросил чудом уцелевшего мореплавателя на берег.

Он окончательно проспался. Яд выветрился, и даже порезы на руке, подсущенные жарким солнцем, стали затягиваться. Не считая сухости во рту и грызущего голода, он чувствовал себя лучше, чем за последние несколько дней. Ночные кошмары больше не беспокоили, и, что важнее всего, он был на твердой земле. Даже меч, дрейфовавший на той же доске, благополучно достиг берега и был теперь под рукой.

Конан огляделся вокруг в поисках хоть какого-нибудь ориентира, однако раскинувшийся перед ним ландшафт казался абсолютно незнакомым. Искрящаяся голубая вода живописно

гармонировала с чистым коралловым песком, простиравшимся повсюду, насколько хватало взора. Позади возвышалась сплошная стена высоких зеленых деревьев, толстые основания которых утопали в густой траве и кустарнике. Чуть склонившиеся стволы плавно покачивались на полуденном ветру.

Присутствия на побережье людей или зверей заметно не было.

Конан потянул за веревку, опутавшую его ноги и грудь, однако мокрые узлы затянулись крепко и, пожалуй, могли уступить разве что острому клинку. Разрубив путы нисколько не затупившимся от воды лезвием, он поднялся на ноги и сладко потянулся, приятно ощущая, как кровь начинает циркулировать по онемевшему телу. Ему не терпелось изучить местность в поисках ключа к разгадке его теперешнего местонахождения, однако прежде всего следовало отыскать пищу и воду.

Он направился к ближайшей невысокой пальме, без труда забрался на самую верхушку и стрясл несколько увесистых кокосов. Обозрев местность с этой заметно улучшенной позиции, он обнаружил, что находится на краю небольшого серповидного острова, неровный вогнутый край которого был чуть приподнят над морем и образовывал залив.

Зеленый остров, казалось, был абсолютно лишен обитателей, однако об этом трудно было судить до тех пор, пока он не исследовал его противоположный край. Приставив ладонь козырьком, он разглядел на дальнем конце нечто, напоминавшее обширный пустынный пляж, но только весьма причудливой формы. Да и каменно-серый цвет площадки плохо вязался с розоватым оттенком остального побережья.

Решив изучить это странное место, Конан соскользнул по стволу вниз и с удовольствием принял за завтрак. Насладившись фруктовой мякотью и утолив жажду сладким кокосовым молочком, он был готов к вылазке.

Последние остатки одежды были безвозвратно утеряны в ночь превращения, но Конан лишь на минуту задумался о своем виде. Застенчивость вовсе не была его злейшим пороком. Словно голый дикарь из лесного племени, он осторожно двинулся вдоль берега, сжимая в руке меч и подозрительно оглядываясь по сторонам в поисках малейшего признака обитателей – людей или еще кого бы то ни было. Однако все, что он пока слышал, – это шорох листвы да тихий шелест прибоя. Растительность и климат острова напоминали зембабвийские, однако вода отличалась исключительной голубизной, а песок был безукоризненно чистым и мелким.

Да, и вот что странно! Он так и не встретил птиц! По всему побережью царила мертвая тишина, как будто все его обитатели специально спрятались за розовым песком и бугафорской флорой, скрывая от чужестранца какую-то жуткую тайну. Конан напрягся. Отсутствие обычных лесных звуков натянуло его нервы до предела.

Судя по расположению полуденного солнца, он двигался на запад вдоль вогнутого края полумесяца. Ни единий след не нарушал девственной чистоты песка. Не было даже естественных скоплений водорослей, которые, выброшенные на сушу вместе с моллюсками и прочим морским хламом, были столь присущи любому другому побережью. С высоты пальмы остров не казался большим, однако варвар прошел до сих пор только половину пути, минуя высокий каменный уступ, подмеченный еще сверху. Ускорив шаг, Конан зашагал туда, где, по его мнению, располагалось серое побережье.

Постепенно ландшафт менялся, становясь все более тусклым; коралловый песок все чаще мешался с какими-то бледно-серыми песчинками. Наконец пляж показался, и Конан сразу же увидел камни необычных форм и размеров, что образовывали большую неровную

кучу. Ни трава, ни деревья не росли между этими камнями, а сама пустошь была окружена все тем же лесом.

Любопытнее всего было то, что к кургану вела прямая широкая тропинка, без всяких сомнений созданная руками человека. Заинтригованный киммериец со всех ног бросился к причудливому явлению.

Неожиданно он остановился, с любопытством разглядывая большой камень, что торчал полузарытый прямо посреди тропы. Сметя пыль с его гладкой округлой поверхности, Конан вдруг громко выдохнул и отпрянул в отвращении.

— Кром! — По спине варвара пробежали мурашки. То, что он откопал, было вовсе не камнем, а макушкой гротескно уродливого черепа; по ширине он в два раза превосходил голову варвара. Конан носком ноги раскидал песок, пока на свет не появилась столь же огромные, размером со страусиное яйцо, глазницы, смотревшие на варвара пустым холодным взглядом. Они располагались почти на противоположных сторонах черепа. Ни слуховых отверстий, ни ноздрей заметно не было, а косой лоб, суживаясь, переходил в скуластую морду с надломленным крючковатым кловом. Конан продел меч в пустую глазницу и приподнял на удивление легкий череп для дальнейшего изучения. Ряды острых зубов торчали из приоткрытого клюва, чуть загнутые назад. Судя по всему, птица принадлежала к какой-то редчайшей породе. По крайней мере, Конан в жизни не встречал ничего подобного. Жутковатые клыки свидетельствовали о том, что пташка явно не увлекалась вегетарианством. Интересно, где же могла быть остальная часть скелета?

Помрачнев, Конан опустил меч, позволив костлявому ископаемому соскользнуть на песок. Слегка ударив по нему мечом, варвар обнаружил, что древний череп еще весьма крепок. Замахнувшись как следует, он разрубил выцветший лик на две половины, тем самым положив конец зловещему взгляду. Конан зашагал дальше и вскоре достиг серой площадки. Увиденное заставило его глубоко вздохнуть, шепча молитвы вперемешку с ругательствами.

Сгруженные один поверх другого, блеклые черепа образовывали широкие серые кучи, доходившие варвару до пояса. Их пологие склоны простирались до самой воды, словно тяжелые пыльные ковры. Прибой с тихим плеском омывал черепа, перекатывая их с места на место. Большинство было того же размера, как и тот, что встретился Конану на тропинке, хотя некоторые из них были поистине громадны.

Но нигде не было видно остальных костей, ни ребер, ни ног... ничего — лишь одни пустые серые черепа. Нездоровое любопытство побудило Конана ковырнуть кучу острием меча в поисках ключа к разгадке столь необъяснимого явления. В глубине кости казались более старыми и хрупкими. Многие начали крошиться под весом верхних слоев. Вот почему эта часть острова носила такой тусклый оттенок: рассыпавшиеся в прах кости, подхваченные ветром, разукрасили все вокруг серым.

Неожиданное движение на горизонте прервало его размышления. Он с изумлением наблюдал за тем, как небольшая флотилия из весьма причудливых судов возникла как будто бы из ниоткуда и теперь стремительно приближалась к берегу.

Он насчитал восемь лодок, в каждой из которых сидело по четыре человека, — нет, самая последняя везла только двоих. Прикрывшись ладонью от солнца, Конан пристально всматривался в горизонт, пока не разглядел гребцов.

Все моряки были мужчинами, однако вовсе не похожими на тех, что ему доводилось видеть прежде. Пестрый раскрас покрывал их загорелую, оливкового цвета кожу. Сами же моряки были поистине богатырского сложения и передвигали свои суда могучими рывками

со скоростью, способной вызвать зависть даже у самых искуснейших гребцов. Несмотря на неоспоримые преимущества своих хозяев, сами лодки казались громоздкими и неуклюжими. Гребцы восседали верхом на толстой центральной перекладине, изготовленной скорее всего из пальмового дерева, а изогнутые перекрестья, словно громоздкие деревянные ручищи, крепили к пей более тонкие стволы, расположенные параллельно главной балке, и придавали конструкции устойчивость. У каждого было по одному веслу, и они гребли им с каждой стороны поочередно.

Конан отметил про себя, что эффективный, но чересчур уж простой дизайн делал судно пригодным лишь для короткого плавания, ибоказалось невозможным представить этакую каракатицу в шторме. Вероятно, туземцы приплыли с соседнего острова, а может, даже с материка – киммериец ни на минуту не мог поверить в то, что этот зловещий бесприютный остров мог быть чьим-то домом. Хотя варвар и не заметил на пришельцах никакого оружия, он вовсе не считал их абсолютно безобидными. Древние каннибальные культы были достаточно широко распространены в этих краях. Поспешно скользнув в гущу, Конан с волнением ожидал прибытия гостей.

Неожиданно, когда до берега оставалось совсем немного, несколько гребцов оглянулись назад. В следующий миг моряки как по команде задрали головы к небу. Проследив за их взглядами, Конан чуть не вскрикнул от изумления.

В лазурном небе прямо над головами туземцев, затеняя крыльями солнце, кружила стая чудовищных птиц. Их появление никак не укладывалось в голове варвара. Ведь только что небо было абсолютно чистым. Вероятно, они летели как раз со стороны солнца, и слепящие лучи не позволили заметить их сразу. С такого расстояния Конан не мог быть точно уверен, но ему показалось, что пернатые были хищниками... гигантского размера тварями, гораздо больше человека.

ГЛАВА 7

БЕРЕГ СКЕЛЕТОВ

По мере того как лодки стремительно подплывали к берегу, мужчины переставали гребти. Используя весла как багры, они отталкивались от твердого каменистого дна, умудряясь при этом развивать еще большую скорость. Из своего естественного укрытия Конан видел, как размалеванные туземцы прыгали в воду и проворно вытаскивали лодки на берег.

Их лица отдаленно напоминали зембабвийские: те же широкие расплющенные носы, ноздри, вздувавшиеся над толстыми припухлыми губами, и надбровные дуги, угрюмо нависшие над глазами. Однако даже самый рослый зембабвиец не был столь высок и плечист, как эти странные мореплаватели. Даже самый маленький из них выглядел бы на фоне варвара настоящим великаном; Конан сомневался, что был по плечо хоть одному из них. Их талии были размером с его грудь. Туземцы не носили никакой одежды: на них не было даже набедренных повязок. Уродливо торчащие пупки были в два раза толще его большого пальца. Животы казались внушительными, однако упругими и подтянутыми. Головы – тщательно выбриты, волосы росли лишь на затылках и собирались в аккуратную косичку. Косы юношей были короткими, с одним туго затянутым узелком, в то время как старики щеголяли куда более роскошными хвостами.

Самый высокий, крикливо разукрашенный туземец первым выскочил на берег. Его длинные седые волосы были сплетены в тугой канат из двенадцати узлов. Глубокие морщины изрыли сурое смуглое лицо, а через всю грудь пролегал кривой безобразный шрам. Нить ракушечных бус – голубых, красных и зеленых – окружала толстую шею, переливаясь на ярком свету.

Пока остальные мужчины вытаскивали лодки на усеянный костями песок, он обернулся к ним с явным намерением произнести речь. Вскинув руки к небу, словно пытаясь дотянуться до солнца, великан издал необычный густой крик. Притаившийся в засаде Конан даже не подозревал, что человеческая глотка была способна производить столь сложные, богатые обертонами звуки. Какие-то гипнотические нотки в голосе старика эхом отзывались в душе азартного до ратного дела киммерийца. Сквозь густую листву он видел, как толпа вторила этому жесту и, передразнив крик вожака, рухнула на колени.

Только один угрюмого вида юноша почему-то не преклонился перед старцем. Его рельефные, словно вылепленные из темного воска мускулы играли под красочным узором из желтых треугольников, украсившим руки, ноги и грудь. Сверху его голова была точно так же выбрита, однако прямые, черные как смоль волосы росли не на затылке, а прямо из-за ушей и были сплетены на шее в косичку, вступая в явное противоречие с традициями остальных.

Проигнорировав юношу, вождь начал свою речь.

Конан, ожидавший услышать надломленные гортанные звуки, служившие средством общения для многих народов Зембабве, был премного удивлен, заслышав членораздельную речь. Язык являл собой причудливую смесь двух знакомых диалектов. Большинство имен и географических названий были и впрямь зембабвийскими, однако основу языка составляли вендинские слова. Брови варвара сошли на переносице от того напряжения, с которым он стал вслушиваться.

— Великие ганаки! — начал седовласый громогласно. В тот же миг дикири дружно вытаращились на него. Ни один не смел шевельнуться или отвести взгляд от торжественно напыщенного лица. Только один вызывающего вида юноша демонстрировал полное безразличие и стоял, уперев руки в бока, позади остальных.

Киммериец в недоумении покачал головой. Почему они не пытаются удрачить от крылатых преследователей или, по крайней мере, не найдут более подходящей позиции для отражения атаки?

Тем временем старый ганак продолжал:

— Сегодня вы дрались на славу, отправив многих кезатти в Долину смерти! Но многие еще остались — очень многие. — Он помедлил, опуская руки на смуглые мускулистые бедра. — Отцы наших отцов жили на этих священных берегах и отцы наших дедов. Повесть об их удивительной доблести написана костьюми наших заклятых врагов, — он провел рукой вдоль мрачного побережья, — и долг каждого из нас — последовать их примеру! Нас не так много, но мы вместе! — С этими словами он сжал правую руку в кулак и угрожающе потряс ею в воздухе. — У многих из вас есть сыновья и дочери. Пусть некоторым из нас суждено покинуть этот мир и отправиться в серые земли... Но племя останется жить, если мы прогоним крылатого супостата. Так пусть же этот песок станет красным от крови кезатти! Мухинго... Мухинго... — запел стариик, плавно раскачиваясь.

— Мухинго... Мухинго... — вторили ему голоса соплеменников. Позади них пернатые хищники опасно сократили дистанцию, так что Конан мог слышать ритмичное хлопанье гигантских крыльев. Небо потемнело от их беспрестанного кружения. Однако туземцы были полностью поглощены своим обрядом и, казалось, не обращали на птиц никакого внимания. И только безмятежный юноша равнодушно задрал голову, удостоив кезатти презрительным взглядом.

— Так отомстим же за наших предков! — не унимался стариик, воздев руки к небу и сжав кулаки.

— Мухинго!

— Спасем наших женщин! — Он с силой хлопнул кулаками над головой.

— Му-хин-го! — В голосах дикарей послышались истеричные нотки, они также захлопали руками.

— Спасем наших детей!

— Мухинго! — Двадцать девять голосов грянули как один, и эхо разнесло заклятие по всему побережью. На какой-то миг хор заглушил даже хлопанье крыльев.

Конан следил за происходящим, как зачарованный. Эти ганаки были неслыханно храбры либо глупы, раз встречали врага безоружными. Хотя нет, у некоторых все же имелось оружие — весла. С одного конца каждое весло было остро заточено и могло послужить примитивным копьем. Подхватив свои первобытные орудия, туземцы выстроились плечом к плечу, готовясь отразить налет крылатых исчадий.

Гигантские птицы спустились настолько низко, что киммериец без труда мог разглядеть их черты. Их морды и шеи были покрыты морщинистой кожей, как у млекопитающих. Черепа были подобны тем, что валялись повсюду на побережье. Пестрое оперение черных, красных и янтарных оттенков покрывало все остальное тело и голову. Каждая из массивных ног заканчивалась пятипалой суставчатой лапой с длинными, как человеческие пальцы, когтями. Глаза также непостижимо напоминали человеческие.

Душераздирающий крик, с которым стая устремилась на ганаков, пронзил слух варвара,

словно стон сотни мучеников, гибнущих от руки палача. Кровожадно загнутые красные клювы довлели на узких злобных мордах. Пронзительные крики, плотоядный взгляд и уродливые головы – Конану не пришлось долго гадать, чтобы распознать все признаки хищников. Однако эти стервятники охотились не на падаль... а на живых!

Выпустив когти и крича с леденящей злобой, первая волна кезатти пикровала на горстку людей. Хищники все же уступали своим жертвам в размерах, но зато превосходили их абсолютным числом: на одного ганака приходилось не менее десяти пернатых. Они летели прямо навстречу копьям, не обращая внимания на остро заточенные концы.

Конан больше не мог сидеть сложа руки, глядя, как храбрые аборигены идут на верную смерть. Он вовсе не трусливый щенок, чтобы отсиживаться в кустах, когда рядом разгорается отчаянная схватка. Вообще-то варвар не имел ничего общего с этими ганаками и уж тем более не был перед ними в долгу, но все-таки это были люди... со своими семьями. Останься он равнодушно наблюдать за их смертью – и на нем оказалось бы столько же невинной крови, сколько на лапах стервятников.

Движимый своим варварским кодексом чести, киммериец решил присоединиться к храбрым туземцам в их безнадежной борьбе с кезатти.

Быть может, его меч и притупился, болтаясь в океанском рассоле, но дух киммерийца – нет. Будто дикая лесная кошка, он выпрыгнул из чащи.

Он пересек серый пляж и почти добрался до берега, когда бритоголовые воители его наконец заметили. Они изумленно вылупились на длинноволосого северянина...

Но времени удивляться не было, ибо в эту самую минуту кезатти ринулись в свирепой атаке.

Ганаки двигались с удивительной для людей их комплекции скоростью. Те, что не имели весел, ныряли, уворачиваясь от клювов и когтей, и хватали птиц за ноги. Более легкие твари, не в силах вырваться из стальных объятий, били людей крыльями и нещадно щипали, метя клювом в лицо.

Справа от Конана широкоплечий ганак сражался сразу с двумя тварями. Деревянное копье пронзило одну из птиц, но другая уже вцепилась когтистой лапой в загорелое лицо воителя. Сдирая с черепа кожу и выщипывая глаза, кезатти повалила ослепленного мужчину наземь и принялась клевать в беззащитный живот. Одним чудовищным рывком зубастый клюв вспорол тонкую кожу и выпотрошил внутренности на песок.

Взбешенный столь невиданной жестокостью, Конан бросился на стервятника с высоко занесенным мечом. Легкий клинок со свистом рассек жирное тело, подняв над землей облачко пуха и перьев.

Выпотрошенный ганак, который невероятным образом продолжал жить, посмотрел на Конана невидящим взором и слабо улыбнулся, прежде чем испустить дух. Конан еще раз взглянул на изуродованный живот и отвернулся. За этого туземца он убьет десятерых кезатти.

...И в следующий миг ему представилась такая возможность. Щелканье дюжины клювов раздалось над его головой, а небо померкло от взмахов дьявольских крыл. Меч, выброшенный вслепую, нашел-таки свою жертву. Еще одна голова кезатти свалилась к его ногам. Стая взмыла вверх, готовясь к новой атаке.

Воспользовавшись минутной передышкой, ганаки снова выстроились в ряд – все, за исключением седовласого великана. Встретив взгляд Конана, старик страшно побледнел. Остальные же нервно потупили взор, словно боялись глубоко вглядываться в лицо киммерийца.

— Кулунга!.. — прошептал вождь. И тут Конан заметил, что покрытый шрамами воитель смотрел вовсе не на варвара, а на его меч. Кровь стервятников тонкой струйкой стекала с блестящей на солнце гарды.

Конан попытался заговорить, но гомон стремительно пикирующих птиц заглушил его слова. Решив не тратить сил на болтовню, варвар выставил меч вперед и приготовился в очередной раз отразить атаку небесного воинства. Он обнаружил только пятерых мертвых ганаков, в то время как с улыбкой насчитал около тридцати трупов птиц. Кровавые весла-копья исправно собирали дань. Но даже если и так — тридцать мертвых кезатти были лишь малой толикой от бесчисленной крылатой орды. Решив улучшить счет, Конан широко расставил ноги и отвел в замахе меч. В нескольких шагах от него ганакский оратор поднял весло павшего товарища.

Конан заглянул в круглые красные глаза кезатти, прежде чем разделал ее на куски. В это время три другие гигантские птицы устремились на него с разных сторон. Киммериец попытался увернуться от двух из них, одновременно пронзая мечом третью, но в этот миг ступня его поскользнулась о голову, валявшуюся под ногой. Споткнувшись, он все же взмахнул вслепую мечом, остановив хищников лишь на миг. Невредимая парочка явно торжествовала. Птицы с криком набросились на беззащитную плоть. Распластавшийся на земле киммериец тщетно пытался защитить руками лицо...

Но тут за спиной варвара раздался спасительный свист: седовласый вождь вовремя метнул весло, хорошенко поддав под зад одной из тварей и угодив другой прямо по тонкой шее. Позвоночник с отвратительным звуком хрустнул, и птица с лету врезалась в землю, пропахав мордой песок.

Подхватив весло, старик бросился на первого оглушенного кезатти и стал его колотить плоским концом со звуком, с каким выбивают пыльный ковер. Киммериец едва успел вскочить на ноги, как почувствовал в затылке невыносимую боль: подлетевшая сзади птица вцепилась ему в череп, вырвав из гривы изрядный клок волос. Зловещее щелканье клюва раздалось над самым ухом. Мгновенно развернувшись назад, Конан яростно размахнулся мечом и навсегда отучил дерзкую птицу щипаться. Стальной клинок угодил прямо в распахнутый клюв и снес половину черепа.

Однако долго скучать не пришлось, ибо в следующий миг на него обрушился настоящий град из когтей и клювов.

Чудовищной силы выпадом Конан пронзал одну тварь и, высвободив меч, сразу же бросился на другую.

Ему вдруг показалось, что стремительная, словно смерч, атака была спланирована заранее. Искорки дьявольского разума светились в этих налитых кровью глазах. Яростный напор стервятников вынуждал Конана постоянно вертеться и уворачиваться.

Вот две или три кезатти устремились на него с разных сторон. Проворно нырнув вниз, варвар чудом избежал распостертых когтей. С каждой новой атакой птицы настойчиво толкали его к воде, отрезая от основного туземного воинства.

Неподалеку от варвара седовласый ганак искусно работал веслом. Раздавая удары направо и налево, он прибивал кезатти к земле, пронзая острым концом менее расторопных тварей. Конан не мог себе позволить взглянуть на других бойцов, ибо беспрестанный штурм когтей отнимал у него все внимание. Кровь струилась из множества ран на его руках и лице, смешиваясь с потом, что лил в три ручья из каждой его поры. Вскоре он с ужасом почувствовал первые признаки изнеможения. Энергия кокосового завтрака стремительно

убывала с каждым взмахом меча, с каждой каплей пота и крови. Однако, собрав волю в кулак, он продолжал рубить красноперые шеи.

Сменив тактику, Конан начал пятиться назад, навстречу седовласому ганаку. Словно разгадав его мысли, крылатые твари накинулись на воинов с еще большим остервенением, пытаясь помешать их соединению.

Распознав намерения варвара, стариk также попятился назад, пока их спины не встретились. Так и продолжая драться спиной к спине, воины рубили крылатых демонов до тех пор, пока багровый закат не утонул в океане. И только когда сумерки наполнили ночное небо, кезатти на миг оставили людей в покое. Взмыv вверх, стая описала широкий круг и с криком устремилась обратно на землю.

Короткая пауза окончательно лишила Конана сил. Стараясь удержаться «а ногах, он слабо приподнял меч, намереваясь подороже продать жизнь. Рукоятка изящного стигийского клинка казалась тяжелым скользким булыжником, который того и гляди грозил выскользнуть из рук. Только могучим усилием воли, варвар удержал меч над головой.

Конан глотнул побольше воздуха: тупой черный клин несся прямо на него.

Однако пернатые хищники с шумом пронеслись мимо. На этот раз их интересовали лишь мертвые. Подхватив трупы ганаков, они взвились в небо и вскоре исчезли, будто растворились в ночи. Как только их крики смолкли, на побережье воцарилась долгожданная тишина, нарушаемая лишь редкими стонами умирающих и тяжелым дыханием живых.

А вокруг простирались трупы кезатти. В центре они возвышались кучами, чуть поодаль – валялись поодиночке. Старый ганак дрался до конца и только сейчас посмотрел на киммерийца. Он преклонил одно колено на красный от крови и перьев песок и, потупив взор, заговорил.

Вид вождя Конана озадачил, однако он слишком устал, чтобы разобрать его слова. Конан покачнулся, меч выскользнул из онемевших рук.

– Кулунга! – прокричал стариk и вскочил на ноги, спеша предотвратить падение киммерийца.

Тяжело вздыхая, седовласый гигант оттащил Конана от кучи мертвых тел и, нежно уложив на берег, принялся поливать водой.

– Ты глупец, Юкона! – Человек, произнесший эти слова, смеялся, вытирая кровь с покрытой желтыми треугольниками грудью. Он с силой вонзил весло в песок и направился к вождю.

Юкона поднялся с земли, выпрямился во весь свой могучий рост и, скрестив руки на груди, невольно поиграл огромными бицепсами.

– Смейся сколько хочешь, Гомба! Но знай, над кем смеешься. – С этими словами, стариk жестом указал на распростертого киммерийца. – Кулунга выиграет гануту, как только мы вернемся. – Ой чуть заметно улыбнулся одними губами, в то время как глаза сверкнули холодным огнем.

Пожав плечами, Гомба ухмыльнулся:

– Осмелюсь тебя заверить, это не Кулунга. Кулунга – басня, что живет на губах мечтательных дураков. А я не отношу себя к их числу. – Он устало вздохнул, вытирая кровь с расцарапанного лица и равнодушно наблюдая за тем, как горстка измученных бойцов собирается вокруг старика. Включая их с Юконой, из тридцати ганаков в живых осталось только семеро.

Юкона заговорил снова, однако дрожь сомнения промелькнула в его голосе:

— Даже если он не Кулунга, то наверняка его посланник. Разве ты не видел атлангу в его руке? Несколько странно, что он столь невелик... Но... клянусь Мухинго, ни один из нас, даже ты, Гомба, не убил столько кезатти, сколько этот длинноволосый странник.

Гомба пропустил упрек мимо ушей и нахмурился:

— Надвигается ночь, нечего сидеть сложа руки!

Посмотрев на распластертого киммерийца, Юкона помрачнел:

— Мы не оставим его здесь одного. Наутро кезатти вернутся за трупами соплеменников.

Возьмем чужестранца в Ганаку, а там поглядим.

Гомба лишь пожал плечами:

— Что ж, если тебе это так нужно... Но хватит слов, мы должны закончить работу, пока эти демоны и впрямь не прилетели. Не ты ли учил нас оторвать тварям головы, чтобы неприкаянные их души не блуждали по этим берегам.

Юкона согласно кивнул:

— Я сам позабочусь о чужестранце. Закончим работу, и домой! А уж там нас наверняка заждались с накрытыми столами, — подмигнул он ганакам. — Клянусь Мухинго, мы все-таки их прогнали. Теперь кезатти не посмеют нас беспокоить много лун, а может, и вовсе никогда не вернутся.

— Хотелось бы в это верить, — равнодушно прокомментировал Гомба. — Сегодня я видел столько кезатти, сколько мой дед вряд ли мог себе даже представить. С каждым годом их становится все больше. На твоем месте я не стал бы так обольщаться.

Тень негодования омрачила лицо Юконы, но он ничего не ответил.

Пятеро остальных ганаков молчаливо следили за диалогом, не решаясь вставить ни слова. К безобразным шрамам, покрывающим их мужественные лица, прибавились свежие. Однако изодранные лица да окровавленные скальпы были их единственными ранениями. Во всех остальных отношениях их тела чудесным образом сохранились, и неудивительно — ибо всех тяжело раненных бойцов кезатти утащили в свое логово. Среди прочих Гомба и Юкона оказались самыми невредимыми.

Все пятеро уныло шаркали ногами, их лица были постными: потеря друзей омрачала радость победы. Следуя приказам Юконы, они поместили Конана в центр пальмовой лодки.

— Я сяду спереди, — заявил вождь. — Ты, Помья, будешь придерживать его в пути. А ты, Бонуаб, сядешь сзади за Помьей...

И только Гомба не слушал старого вождя, он с восхищением разглядывал меч, который так и продолжал валяться на песке, там, где его выронил Конан. Юноша нагнулся и хотел уже было схватить узорную рукоятку. Нет! Не делай этого! — в ужасе закричал стариk и со всех ног бросился к Гомбе.

— Почему? — Пальцы юноши, находившиеся в дюйме от рукоятки, застыли в нерешительности.

— Только Кулунга или его избранный могут дотронуться до атланги. Неужели ты хочешь обратить на нас гнев Мухинго?

Однако Гомба лишь мотнул головой и крепко вцепился в эфес своей огромной, способной вместить три таких клинка лапищей.

Гримаса ужаса исказила лицо Юконы. Глаза пятерых ганаков безумно расширились. Шепча молитвы, они с благоговейным трепетом бросились на песок.

Гомба поднял меч и неловким движением примерил его в руке.

— Ну, что скажешь, Юкона? Только Кулунга или его избранный?

Юкона не верил своим глазам.

Вытянув меч, Гомба указал острием на море, в сторону, противоположную той, где только что скрылось солнце.

— По лодкам! Я, законный избранник Кулунги, повелеваю вам плыть домой! — Его тон был насмешливым, однако не допускавшим никаких возражений.

— Что будет с ним? — тихо спросил разжалованный вождь, указывая на Конана; в его голосе чувствовалась мольба.

Вопрос застиг юношу врасплох, заставив на минуту задуматься. При виде спящего киммерийца он нахмурился, глаза налились неожиданной злобой.

— Этот останется здесь, выгрузите его на берег. Кулунга сам позаботится о нем, если, конечно, он того стоит.

Юкона стиснул зубы, но возражать не стал.

Сгрузив Конана на берег, ганаки оттащили его в лес и прислонили к дереву.

Пока Гомба и остальные ганаки занимались приготовлениями, Юкона улучил минутку и, прокравшись к киммерийцу, нацарапал что-то рядом с ним на песке.

Лодок теперь было больше, чем гребцов, поэтому одну оттащили в кусты, спрятив туда же и запасные весла.

— Мы вернемся за этим позже, — объяснил Гомба, хотя в этом и не было никакой, необходимости. Ему нравилось раздавать приказы, и он быстро вживался в новую роль.

Ганаки спустили, лодки на воду, развернув носы на восток. Флотилию возглавил Гомба, за ним следовал Юкона, затем остальные. Когда лодки достигли достаточной глубины, туземцы попрыгали в седла и принялись грести. С каждым взмахом весла они отплывали все дальше, прочь от мрачного побережья. Вскоре они растворились в чернеющем горизонте.

ГЛАВА 8

В ДЖУНГЛЯХ

Продрав глаза, Конан задумался: уж не приснилась ли ему вся эта история с кезатти? Последнее время ему слишком часто виделись странные сны. Однако, бросив взгляд на побережье, он тут же убедился в обратном. Нет, на этот раз дремлющий рассудок не выкинул с ним никакой шутки. Все, что с ним вчера произошло, вовсе не было плодом разыгравшегося воображения, и кровь на песке служила явным тому подтверждением. Он вспомнил, как забылся в объятиях старика... Но куда же девались ганаки? Должно быть, это они перетащили его в джунгли и уложили под пальмой.

Ночь, проведенная в глубоком забытьи без снов и видений, восстановила силы. Конан попытался собраться с мыслями. Воспоминания о недавнем превращении отзывались неясной полузабытой болью. Он смутно подозревал, что с ним по-прежнему что-то было не так. Эти приступы тяжелого долгого сна столь неестественны! Прежде он спал куда легче, даже после таких бить, как вчерашняя. Он беспощадно терзал свой мозг, силясь разгадать природу шаманского заклятия и, что еще важнее, – побороть его зловещий эффект. Однако ни в том, ни в другом направлении попытки не имели большого успеха.

Варвар рассеянно пошарил рукой в поисках меча. Странно, нигде вокруг клинка не было заметно.

Слегка раздраженный, он встал на ноги и тщательно осмотрел побережье. Наверняка ганаки дрыхли где-нибудь невдалеке. Варвар прислушался... На берегу царила мертвая тишина, и варвар с ужасом осознал, что вновь остался один. Разозлившись, он нервно ступил вперед... но тут же отпрыгнул в сторону, чуть было не испортив загадочного рисунка на песке.

Глубокие следы вокруг означали, что один из ганаков торопливо набросал этот чертеж. Стрела, исходившая из кривого полумесяца – очевидно, острова, – указывала на восток. Ее острие упиралось в плавную линию, вдоль которой тянулся набор символов, не имевших, однако, для киммерийца никакого смысла. Неожиданно варвар догадался, что эта линия подразумевала другой остров, гораздо большего размера. Его периметр изображен полукругом.

И тут только Конан заметил на песке до боли знакомый след. Справа от картины неясно вырисовывался контур его собственного меча. Неизвестный художник оказался к тому же вором?!

– Борода Бэла! – с чувством выругался киммериец, пнув песок рядом с картой и чуть не испортив изображение. Что ни говори, эти ганаки выбрали оригинальный способ выразить ему благодарность. Несомненно, крючковатые буквицы давали всему этому какое-то объяснение, но для варвара они были так же загадочны, как руны китайских мудрецов. Исполнившись безнадежного отчаяния, он поглядел на иероглифы еще с минуту, как будто время могло наполнить их содержанием.

Оставив тщетные попытки изучить азбуку дикарей, Конан глубоко вздохнул и зашагал к берегу. Утреннее солнце освещало следы. Следя им, Конан вышел к кустам, где обнаружил несколько аккуратно припрятанных весел и одну-единственную лодку. Возможно, ганаки желали, чтобы он сам приплыл на их остров. Не так ли надлежало поступить настоящему

Кулунге? Что ж, какова бы ни была истинная причина столь спешного отплытия, маршрут их теперь был предельно ясен.

Вскарабкавшись на ближайшее дерево, Конан натряс кокосов, и только после того, как насытился, спустил лодку на воду. Перед самым отплытием он еще раз изучил карту, надеясь всем сердцем, что остров располагался недалеко.

Ганакское судно являло собой воплощение истинной простоты, хотя и было рассчитано на более здорового человека. Отломав часть весла, Конан подогнал его под свой рост. Теперь грести было куда легче. Ритмичными попеременными штрихами он разрезал веслом прибой до тех пор, пока остров позади него не превратился в крохотное пятнышко. Только сейчас в голове киммерийца родился неожиданный вопрос. От изумления он даже перестал грести. Куда же девались трупы птиц? Варвар удивился, что не заметил их отсутствия сразу. Он решительно не видел на берегу тел – только головы, сваленные в огромные беспорядочные кучи. Было ли это делом рук ганаков, которые побросали обезглавленных птиц в море? Где только не побывал киммериец на своем веку, избороздив тысячу дорог и изучив сотни обычаев, однако даже из того немногого, что он знал о ганаках, они показались ему большими чудаками.

Стараясь поскорей забыть об отрубленных головах, варвар снова взялся за весло. Мускулы вздулись на его спине, играя под бронзовой от загара кожей. Страстное желание оказаться как можно дальше от мрачного побережья заставило его грести могучими рывками.

Прежде чем солнце поднялось в зенит, цель его широкой кромкой замаячила впереди. Возблагодарив Крома за короткий и небогатый событиями путь, Конан отложил весло и, потянувшись, принял внимательно изучать побережье. Энтузиазм, вызванный одним лишь видом земли, вмиг освежил уставшее тело.

Новый остров казался более обещающим. Темно-зеленые джунгли простирались до самой воды, возвышаясь отвесной стеной над крутым, изрытым корнями берегом. В несколько энергичных гребков Конан достиг скорее глинистого, чем песчаного побережья. Чайки и крабы беззаботно разгуливали средь зеленого хлама водорослей и розоватых ракушек. Шепот прибоя и пение птиц дополнились тихим всплеском весла. Что ж, по крайней мере, остров демонстрировал все признаки буйной жизни и выглядел куда привлекательней того костлявого побережья.

Да и размером остров был не в пример больше. Издали он, правда, не показался этаким великанином, однако сейчас выглядел довольно внушительно: раз в шесть или семь шире своего соседа – полумесяца. Джунгли простирались так далеко, покуда мог видеть глаз. Остров был высоко приподнят над морем и у самого своего подножья сплошь зарос ягодой и виноградом. Причем последний достигал поистине впечатляющего размера, какой встречался лишь в Кусе да на запретных берегах Зархебы, где нога человека не ступала со времен гибели Атлантиды.

В действительности остров был пропитан духом той первобытной девственности, которая сохранилась лишь к югу от Куса. Конан сильно сомневался, что перо хоть одного картографа пыталось обрисовать его контуры.

Направив лодку к тому самому месту, что было определено на ганакской карте, Конан оглядел побережье в поисках новых признаков жизни. Не считая длинноногих птиц и деловито снующих крабов, он не видел пока никаких других обитателей. Возможно, они прятались в джунглях; варвар не переставал надеяться, что флора и фауна острова помогут

определить его месторасположение и подскажут путь на материк. Но сначала надо разыскать ганаков. С какой бы целью они ни пригласили его в гости – он скоро об этом узнает.

Конан опустил весло в воду и смерил глубину: древко коснулось дна. Соскользнув с лодки, варвар по грудь погрузился в теплую голубую воду. Осторожно ступая по мягкому илистому дну, он двинулся дальше к берегу. Маленькие полосатые рыбки, которыми изобиловал залив, стайками разбежались кто куда, встревоженные неожиданным вторжением киммерийца. Всматриваясь в прозрачную воду, Конан выискивал малейший признак опасности, что могла поджидать его на пути.

Наступив на гладкий широкий камень, он вдруг почувствовал странное движение за спиной. Не раздумывая ни минуты, варвар мигом вскарабкался в седло, уцепившись за пальмовое перекрестье.

То, что он нашупал у себя под ногой, было вовсе не камнем, а раковиной огромного моллюска – столь гигантского, что запросто мог проглотить Конана по пояс. Его толстые обрюзгшие челюсти, сплошь забитые илом и песком, озадачили даже бывалого киммерийца. К счастью, внезапно раскрывшаяся пасть обдала варвара грязью, вовремя предупредив об опасности.

Конан с облегчением вздохнул. Никогда еще ему не приходилось видеть моллюска столь невероятного размера. Надо полагать, аппетит твари вполне соответствовал ее пропорциям. Обругав себя за неосторожность, Конан погреб дальше, так и не слезая с лодки до самого берега.

Конан мучительно переживал свою утрату. Лишенный меча и не имея даже тряпки на теле, все, чем он располагал, было смекалкой да инстинктами. С этим оружием он одержал в прошлом не одну победу. Хорошо бы они не подвели и впредь. Однако надо бы держать ухо востро, не то этот миленький островок запросто станет его могилой.

Вытащив лодку на берег, Конан пристально всмотрелся в изумрудную зелень джунглей. Залитые солнцем пальмы плавно покачивались на ветру, маня киммерийца под свои тенистые кроны. Однако Конан проигнорировал соблазн. Он волоком оттащил лодку к подножию небольшого песчаного холма и, скав в руке весло, принялся изучать побережье.

Борьба на палках – искусство восточных воинов – подходила северянину менее всего, не говоря уж о неудобствах, связанных с ее применением в ближнем бою. Однако сейчас заточенное весло вполне могло доказать свою полезность.

Пока ничего особенного заметно не было, разве что джунгли чуть редели в месте, указанном на ганакском рисунке. Мысленно представив себе иероглифы, он неожиданно вспомнил один из них: небольшой кружок со значком внутри, он располагался у самого берега и в точности соответствовал логову моллюска. Несомненно, значок предупреждал об опасности. Нахмутившись, Конан попытался припомнить остальные из дюжины символов, начертанных на песке. Однако даже те, которые все же удалось вспомнить, мало о чем ему говорили.

По мере того как киммериец продвигался к указанному просвету, песок под ногами становился мягче, а его безукоризненная белизна обрела грязно-желтый оттенок. Тоющие пучки травы ковром устилали влажную землю. Несмотря на ветерок с моря, воздух наполнился запахом гнили.

Обогнув мысок, Конан увидел лодки. Они лежали в пределах броска копья. Варвар ускорил шаг, шлепая по щиковатку в грязи. Рой жирных темно-зеленых мух повис над тремя из них, наполняя воздух монотонным жужжанием. Насекомых привлекла кровь, черневшая

пятнами на пальмовом дереве. Видимо, кезатти изрядно разукрасили нескольких туземцев.

Утопая о трясине, Конан поскреб ощетинившийся подбородок, размышил, куда ганаки могли отправиться потом. Куда ни глянь, повсюду разлилась грязная теплая жижа, а ближе к джунглям она превращалась в глубокое поросшее тростником болото. Вообще-то киммериец считался неплохим следопытом, однако в этой зловонной грязи вряд ли бы разобрался даже разведчик пиктов.

Несколько растерявшихся, Конан закружил вокруг лодок в поисках хоть малейшего намека на дальнейший маршрут туземцев. Где-то поблизости должно быть село. А раз так – то болото скоро кончалось: вряд ли нормальный человек стал бы жить возле зловонно смердящей лужи.

…Нет, мокрая земля не сохранила ни одного отпечатка. Конан заметил, что в том месте, где он только что стоял, вода быстро поднялась, засасывая след мутной тиной. Прихлопнув на ноге жирного слепня, Конан продолжил поиски. Неожиданно его блуждающий взгляд наткнулся на блестящий предмет, вдавленный в глину. Ракушка из ожерелья старого гамака! Он поднял ее, удивляясь яркости и затейливости узора. Такие безделушки стоили в городах больших денег.

Интересно, он обронил ее случайно или намеренно? Полагая последнее, варвар зажал вещицу в кулак и, припомнив, куда был повернут ее острый конец, зашлепал в указанном направлении. На расстоянии тридцати шагов он обнаружил другую, на этот раз ярко-пурпурную, с темными концентрическими кругами.

Ага, значит, стариk пометил свой путь. Слабая улыбка коснулась уголков его губ, и он решительно зашагал дальше, продираясь сквозь мокрую липкую зелень, пока джунгли, сомкнувшиеся за спиной, не скрыли из виду берег.

Облако мух и комариный рой неотступно преследовали его по пятам, беспрестанно кусая и жаля. Вяло отмахиваясь от назойливых кровососов, Конан прислушался.

…Странно, ни щебета обезьян, ни писка грызунов, ни рева хищников слышно не было. Однако ничего утешительного в этом не было: птицы и хищники всегда жили рядом. Он обошел стороной змею, притаившуюся в камышах, и отказался от грози ягод, две из которых уж слишком напоминали глаза.

Джунгли сгостились. Цветы бесконечных форм и оттенков росли повсюду, и Конан старался по возможности не касаться их лепестков. Киммериец прекрасно знал, что за их пышной красотой нередко скрывался смертельный яд.

…А в воздухе витали дивные ароматы, причем благоухание тончайших духов забавно смешивалось с едкостью болотной гнили. Запах казался дурманящим, и варвар старался не вдыхать полной грудью. Там и сям свисали спелые фрукты, но, позабыв про урчание в животе, он отказался и от них.

Остановившись передохнуть, Конан взглянул на небо. Недавняя улыбка тут же исчезла с лица, уступив место угрюмой гримасе. Теплый дневной бриз неожиданно перерос в настоящий шквал, а небо затянулось грозовыми облаками. Буквально в следующий миг прозвучал раскат грома и разразился сильнейший штурм. Дождь градом обрушился на разомлевшего от духоты киммерийца.

– Кромов клик! – пробурчал варвар и бросился под широкую крону ближайшего дерева.

Укрывшись под ее навесом, он с отвращением наблюдал, как уровень жижи стремительно поднимался и достигал уже колен. Теперь след старика наверняка потерянется. Мрачно тряхнув вымокшей гривой, киммериец устало прислонился к мягкому мшистому

стволу. Хорошо хоть ливень спугнул насекомых, и теперь он сполна мог насладиться короткой передышкой.

Сжав горсть ракушек в одной руке, а ганакское копье в другой, Конан стал ждать конца разгулявшейся стихии.

ГЛАВА 9

ИЗГНАНИК

— Я посланник Кулунги! — заявил Гомба, размахивая мечом перед толпой застывших в изумлении ганаков. Мускулистый воин горделиво возвышался над кучей спекшейся на солнце грязи, стигийский клинок, высоко поднятый над головой, серебром отливал в лучах утреннего солнца.

Позади стеной поднимались джунгли. Могучие кроны чуть покачивались на ветру. Холм возвышался в самом центре поляны, окруженной со всех сторон камышом. Воздвигнутый специально для этой цели на самом краю селения, вот уже несколько поколений он служил ганакам трибуной.

У подножья стояли пятеро изможденных, но распираемых гордостью ганаков. Они тщеславно лицезрели вереницу мужчин, женщин и детей, тянувшуюся из деревни. Взоры остальных были обращены к Гомбе. Чуть поодаль восседали двадцать стариков. Длинные скамейки — простые бревна, сложенные треугольником, образовывали грубое подобие амфитеатра.

Старцы были похожи на статуи — такие же деревянные, как и их скамьи. Высохшие лица ничего не выражали, губы не хмурились и не улыбались. Черные глаза блестели жемчужинами, их взгляд был прикован к Гомбе. Большинство носило короткие рубахи из мелких белых ракушек, сплетенных в тяжелую, но эластичную ткань. Хитрые узоры, подобные тому, что носил Юкона, но сильно выцветшие от времени, покрывали тела. Некоторые не имели никаких украшений вовсе. Однако, размалеванные или нет, все щеголяли длинными седовласыми косами, помелом болтавшимися по земле. Гомба заговорил опять:

— Юкона, станешь ли ты отстаивать этот пост? Или преклонишься перед избранником Кулунги? — В его голосе чувствовалась насмешка.

Экс-вождь стоял за пределами треугольника, свесив руки плетьми, и как будто о чем-то думал. Услышав свое имя, он вздрогнул, но тут же выпрямился и ответил самозванцу зычным, уверенным голосом:

— И ты смеешь называть себя избранным?.. Ты, подло укравший атлангу у настоящего посланца?! Нет, не бывать тебе нашим вождем!

В толпе зашумели.

Подождав, когда шепот стихнет, он скрестил могучие руки на груди и, пристально посмотрев на соперника, продолжил:

— Что ж, я готов к гануте... А ты?

Пятеро воинов беспокойно переглянулись, а женщины успокоили неугомонных детей. Теперь все взгляды устремились на самого древнего старца, тот уже встал со скамьи, играя все еще крепкими мускулами под смуглой кожей.

— Нет! — прогудел его низкий голос, еще ниже, чем у Юконы.

На поляне воцарилась напряженная тишина, даже дети прекратили возню. Старик был так же высок, только тело его, чуть тронутое жирком, казалось от этого еще громаднее. Рубаха из блестящих черных ракушек негромко бряцнула, когда он резко встал на ноги, а эбонитовое ожерелье подпрыгнуло на груди. Длинная коса раскачивалась на ветру, словно

кусок серебряной веревки.

— На этот раз гануты не будет. Три раза Юкона отстаивал этот пост и не раз доказал, что его заслуживает.

Сегодня он снова принес нам победу. Гомба, опусти оружие. Тем более если оно тебе не принадлежит. Всякий, кто уничтожил хоть одного кезатти, — наш друг. Вы поступили неправильно, бросив чужестранца одного. Мы выслушали тебя, Гомба. Теперь можешь спускаться вниз. То, что ты прикоснулся к атланге, еще не делает тебя вождем.

Подчиняясь авторитету старейшины, Гомба растерянно опустил меч. Скрежеща зубами, но не проронив ни слова, он с силой вонзил клинок в землю, да так, что над поверхностью осталась торчать лишь витая рукоятка.

— Твои слова для меня закон, великий ятаба и духовный вождь, — сокрушенno пробормотал юноша.

Тем временем стариk направился к холму, толпа перед ним почтительно расступилась.

— Ты молод, Гомба, и мало знаешь о Кулунге и его пророчестве. Даже Юкона мог подзабыть эту древнюю легенду об избраннике Мухинго, Слезай, слезай, Гомба, уступи место ятабе, который и старше, и мудрее тебя, позволь поделиться с вами тем, что известно мне самому.

Ятаба подождал, пока юноша спустится вниз и присоединится к остальным слушателям. Только тогда стариk не спеша взобрался на холм. С искусством умелого рассказчика он бросил поверх толпы блуждающий взгляд. Плавным певучим голосом он словно загипнотизировал свою аудиторию.

— Во времена, давно канувшие в Лету, жестокие междуусобицы раздирали наших предков. Каждый раз после смерти вождя сотни человек гибли в борьбе за его место.

Туман застилал глаза ятабы, как будто он оплакивал тех давно умерших ганаков.

— И тогда бог войны Мухинго, что берет наши души после смерти, спустился с облаков и посетил Ганаку. И возвзвал он к братьям, что убили своих братьев, и к сестрам, что убили своих сестер, и кровавая слеза упала с его глаз — вот почему наша земля теперь красная. Затем он попросил ятабу собрать всех оставшихся в живых воинов в том самом месте, где много веков спустя вы стоите передо мной.

Однако ятаба нашел лишь одного благоразумного человека, его имя было Кулунга. Большинство наших людей погибло. Только старики да младенцы выжили в этой войне. И когда бог спросил Кулунгу, почему он не убивал своих братьев, тот ответил: «О бог! Крылатая орда приближается к берегам. Стоит ли предаваться раздорам перед лицом общей опасности?!»

И тогда, услышав в его словах голос разума, — ибо кезатти и впрямь участили свои налеты, — люди преклонились перед его мудростью. Умоляя Мухинго о прощении, ганаки попросили у него защиты.

На что бог ответил: «Даже я не могу совладать с детьми моего брата Изата. Только Кулунга спасет вас от крылатых демонов. Засим и наделяю его атлангой!» С этими словами он выковал на небесах могущественное оружие и передал его людям.

В тот день лишь один-единственный человек вышел на битву с кезатти и прогнал исчадий, ибо сжимал в руке атлангу. С того самого дня Кулунга стал вождем ганаков и оставался им до самой смерти. Но прежде чем отойти в серые земли, он завещал нам гануту. С тех пор мы сами выбираем себе вождя. Мухинго забрал и Кулунгу, и атлангу в свое небесное царство, пообещав, что если кезатти нападут снова, то избранный им придет и

прогонит их навсегда.

Переведя дух, ятаба улыбнулся.

– Но день тот еще не наступил, ибо Юкона и его воины сами расправились с детьми Изата. И это оружие... – стариk указал на торчащий из земли эфес, – не похоже на атлангу, описанную в легендах. Оно слишком прямое, хотя цвет и размер вроде те же. Найдем чужестранца и вернем то, что ему принадлежит по...

Неожиданно стариk замолчал, удивленно уставившись вдаль. Из-за зарослей тростника на противоположном краю деревни появился отряд ганакских женщин.

Хоть и не столь высокие, как мужчины, двадцать с лишним ганачек выглядели настоящими воинами. Солидные мускулы отягощали их привлекательные во всех отношениях фигуры, но даже несмотря на свой вес, они двигались с легкостью и грациозностью газелей. Каждая носила кинжал в виде продолговатой и заточенной с одного конца ракушки, заткнутой за узкий пояс из змеиной кожи. В руках они сжимали копья – длинные палки с такими же ракушками на конце. Каждая имела длинную черную косу, кокетливо спадавшую на плечо. Капельки пота бисером сверкали на их обнаженных упругих грудях, а тела покрывал сплошной желто-зеленый узор.

Одна из воительниц носила ожерелье, такое же, как у Юконы, только нить его была сплетена из волос, а между ракушками торчали острые змеиные клыки. Ганачка была невысокой, значительно ниже остальных, однако не менее мускулистой. В отличие от черноглазых соплеменниц, глаза ее, темно-зеленые аквамарины, сверкали загадочным блеском, освещая редкой красоты лицо, что выделялось в толпе остальных, как орхидея в зарослях бурьяна.

Она подбежала к холму и, не успев отдышаться, прокричала:

– Прости, ятаба, духовный вождь...

– Должно быть, ты принесла тревожные вести, Шейра? – перебил ее стариk с явным неодобрением.

Не замечая его недовольного тона, Шейра пустилась в объяснения:

– Чужестранец вторгся в наши земли: невысокий, бледнокожий, с глазами голубыми, как море, и с волосами здесь и здесь... – Она провела рукой спереди, с висков и сзади.

– Мужчина? – поинтересовался ятаба. Зеленоглазая туземка скромно заулыбалась, а остальные девушки тихонько захихикали.

– Да, но без одежды и без всяких рисунков, восхвалявших бы его предков. – Тут уголки ее губ опустились, и она продолжила уже серьезным тоном: – И мы видели, как он пересек запретные земли!

Ятаба напрягся, его глаза сделались широкими от ужаса. В толпе зашептались, и даже деревянные истуканы заерзали на своих скамейках, бубня что-то себе под нос и качая бритыми головами.

– Тогда он пропал, – тихо прошептал ятаба и, неожиданно повысив голос, обратился к юноше: – Видишь, что ты наделал, Гомба! Осознаешь ли ты то зло, которое совершил? На твоих руках кровь нашего друга! А ты, Юкона, куда смотрел и что делал? Ведь в твоей власти было спасти чужестранца.

Юкона сокрущенно тряхнул головой и пристыженно взглянул на ятабу.

– Но почему, духовный вождь? Ведь я указал ему путь... ракушками из своего ожерелья! – Он немного помедлил, но потом с жаром выпалил; – Поверь мне, духовный вождь, я проклинаю свою глупость! Быть может, он еще жив... Ведь он силен даже для

своего роста. Пусть вместо него умру я! Я отыщу его в мертвых землях! – Выдохнув, великан сжал правую руку в кулак и с чувством ударили себя в грудь.

Гомбу несколько позабавил такой прилив чувств, но он подавил ухмылку, еще больше нахмурившись.

Шейра смотрела на вождя непонимающим взглядом, с ее приоткрытых губ вот-вот хотел сорваться вопрос.

Не обращая никакого внимания на девушку, ятаба продолжал:

– Юкона, наш боевой вождь! Твою глупость я прощаю за твою искренность. Иди, и пусть сам Мухинго будет твоим проводником! Но ты, Гомба… – Старик повернулся к юноше. – …Что же нам делать с тобой? Ты могучее дерево, что несет горькие плоды. Все мы устали от твоих выходок, и поэтому я говорю тебе: ступай!… Ступай. Возьми лодку и навсегда покинь Ганаку. Пусть Атаба, что заглядывает в сердца людей, судит тебя своим судом.

Тяжело вздохнув, старик отвернулся от побагровевшего юноши. Седовласые старцы поднялись со своих скамеек и также повернулись к нему спиной. Остальные ганаки все еще смотрели на Гомбу, кто холодно, кто с жалостью.

Лицо юноши сделалось каменным. Не вымолвив и слова, он быстро зашагал в сторону леса.

– Гомба! – вдруг не выдержала Шейра.

Он остановился и бросил на нее прощальный взгляд. Глаза молодых людей встретились, и Шейра больно прикусила губу, прежде чем потупить взор. Она так и не заметила единственной слезы, что скатилась по щеке юноши, оросив рыхлую красную землю.

– Безумцы! – процедил Гомба, не разжимая стиснутого рта, – Вы думаете, что победили кезатти? Поколения ганаков не могли с ними совладать, а вы надеетесь, что они оставят вас в покое. Их сотни! Целые сотни! Они потопят деревню в крови!

Он сжал кулаки и потряс ими в сторону удаляющегося ятабы.

– Ты еще пожалеешь об этом, старый дурак! Скоро… очень скоро пожалеешь!

Голос юноши дрогнул, когда он заметил рукоятку торчащего в земле клинка. Стремительно взбравшись на холм, прежде чем кто-либо успел отреагировать, он выдернул из земли меч и бросился прочь. Продираясь сквозь толпу, расталкивая детей и женщин, он промчался мимо треугольного амфитеатра, перепрыгнул через ручеек и устремился в чащу. Прежде чем скрыться в джунглях, но уже не боясь быть услышанным, он злобно прокричал:

– Я первым отыщу чужака! Он виноват в том, что мой народ поверил самообману.

Гомба изо всех сил сдавил рукоятку и встретил свой взгляд, отраженный в стигийском клинке.

– Без этого оружия он никто. И я уж постараюсь поскорей отправить его к богам. – Он напряг канаты тугих мускулов и тут же растворился в листве.

Шумно переговариваясь, племя ганаков столпилось вокруг ятабы. Мягкий полуденный бриз превратился в резкий ветрогон, разорвавший в клочья тяжелые от влаги тучи. Они расползлись по всему небу, затмевая солнце.

– Забудьте о нем, – махнул рукой старик, в его голосе почувствовалась смертельная усталость, – Собрание окончено, и нас ждет праздничный обед! Шейра, я смотрю тебе не терпится узнать о том, что произошло. Собери своих женщин, и я поделюсь с вами новостями.

Едва он успел договорить, как на землю упали первые капли дождя, а в следующий миг

уже разразился страшнейший ливень. Не обращая внимания на дождь, ятаба задумчиво смотрел, как его люди ныряли в тростниковые хибарки или прятались под навес широкой приземистой постройки, что удерживалась на неровных и шатких пальмовых столбах. В отличие от других сооружений, в ней не использовался тростник, а крыша была изготовлена из какого-то другого материала, белого и гладкого, хотя и дырявого во многих местах.

Несколько длинных камней служили грубым столом, заставленным разноцветными фруктами. Множество круглых раковин выполняли роль кубков и были наполнены сладким вином. На плоских ракушках возвышались горы рыбы самых разнообразных видов и размеров.

Духовный вождь ласково обнял Шейру за плечо, и они вместе присоединились к остальным ганакам. Никто не заметил, как ятаба украдкой посмотрел на джунгли, в которых только что растворился Гомба.

Дождь, не стихая, лил на киммерийца, вымывая с его лица последнее терпение. Вымокшие насквозь деревья предоставляли слабую защиту, и Конан вовсе не собирался проторчать тут дотемна. Лучше уж скротать ночь на побережье, чем в этой душной, кишащей москитами луже. Он решил пройти еще немного в направлении, указанном последней ракушкой, и вернуться назад, если ничего не найдет. Вдруг ему встретится знакомый фрукт и удастся хоть как-то уголить гнетущий голод.

Однако и голод, и комары были сейчас едва ли не пустяками. Больше всего на свете варвар хотел выбраться на материк, где смог бы избавиться от этого чудовищного заклятия шамана. Никогда еще за все годы вольнонаемной службы на него не обрушивалось столько бед одновременно. Без меча Конан чувствовал себя совершенно голым. Что ни говори, а именно сейчас три фута закаленной стали как раз бы не помешали. И особенно обидным было потерять такой меч, как Кхерета. Однако, как бы то ни было, он будет драться и без меча, драться голыми руками, если на то вынудят его обстоятельства. Сжав холодные пальцы, он попытался стряхнуть с себя мрачные мысли и сосредоточиться на цели.

Ливень прогнал назойливых кровососов, а постоянно меняющийся ветер сбывает с толку хищников. И то и другое было ему на руку.

Варвар выбрался из листвы, обойдя стороной спящую гадюку; ее свернутое кольцо было в два раза шире человеческого бедра. Джунгли, давившие со всех сторон, становились все гуще, пока наконец не встали сплошной непроходимой стеной. Отчаявшись отыскать ганаков или по крайней мере их след, Конан повернул обратно.

Торопясь как только можно, он зашагал по собственным следам. Дождь ослабел и потом неожиданно прекратился. Тусклый свет просочился сквозь листву над головой: наверняка ветер развеял тучи. Вдруг киммериец остановился и нахмурился. Справа от него брала начало узкая извилистая тропинка – едва заметный просвет, который невнимательный взгляд мог легко пропустить. Острый глаз киммерийца сразу подметил правильные линии, до сих пор сохранившиеся, несмотря на разросшуюся вокруг зелень. Несомненно, здесь потрудилась рука человека.

Тропа казалась давно заброшенной, молодые побеги густо проросли в самом ее центре, однако, насколько было заметно, ни одно взрослое дерево не попадалось на пути. Почесав в растерянности затылок, Конан разозлился на себя за то, что не заметил ее сразу. А все из-за этого треклятого дождя!

Отбросив прочь сомнения, Конан смело свернул на тропу, решив, что именно она-то и приведет его к ганакскому селу или уж по крайней мере к такому месту, где можно будет

спокойно провести ночь. За шагав даже быстрее, чем позволяла осторожность, он последовал по извилистому пути и вскоре окончательно потерял всякую ориентацию. Деревья, разросшиеся по бокам, становились все выше, позволяя судить о том, что тропа ведет в самый центр джунглей. Занудные насекомые снова зароились кругом, образовав вокруг варвара плотное жужжащее облако. Змеи повыползали из своих нор, напоминая Конану о мрачной судьбе, уготованной для него Кхеретом в Луксуре. К счастью, дети Сэта охотились на другую добычу; Конан старался их ничем не беспокоить, и они не трогали его тоже. Птицы беспрестанно щебетали на деревьях и хоть как-то утешали отчаявшегося киммерийца. Некоторые из них срывались со своих насестов и ныряли в джунгли, подхватывая с земли зазевавшихся ужей и унося их птенцам в гнезда. Мучительное желание проглотить хоть что-нибудь терзало невыносимо, однако Конан решил, что будет есть змей лишь в самом крайнем случае.

Неожиданно он заметил над головой зеленовато-коричневый фрукт. Плод размером с яблоко висел довольно низко, и при хорошем разбеге до него, пожалуй, можно было бы дотянуться. Пока Конан пребывал в нерешительности, большая длиннокрылая птица с лету сорвала похожий плод с соседней, более высокой ветки. &го придало киммерийцу уверенности: обычно птицы не ели отраву.

Подпрыгнув с разбегу, он вцепился в облюбованный фрукт и стащил его на землю. На вкус плод оказался немного странноват и чем-то напоминал незрелый кокос. Однако измученный голодом желудок с большой благодарностью принял и горькую мякоть, и мясистые семена, и густое едкое молочко. Кожуру варвар выплюнул за абсолютной неудобоваримостью.

Немного подождав и не почувствовав в животе никакой боли, Конан двинулся дальше, срывая с веток такие же плоды, когда те попадались ему на пути. Постепенно тьма сгущалась: должно быть, он находился в самом центре острова. Конан нахмурился. Он шел уже несколько часов, а ганакская деревня не могла находиться так далеко от берега. По мере продвижения странных фруктов становилось все больше, зато птиц и зверей не осталось совсем.

Неожиданно возникший в темноте сук заставил его резко присесть, едва избежав столкновения. Обругав себя за неосторожность, варвар огляделся вокруг. Прямо над головой свисала грозда всех тех же загадочных «кокосов». Решив насытиться до отвала, Конан сбил их рукой. Шары попадали на землю, и некоторые из них раскололись... выпуская на свет сотню крошечных бледно-зеленых паучков. Мохнатый выводок мигом разбежался у его ног.

С воплем отвращения Конан отпрыгнул назад, стряхивая пауков с ушей и волос. Внезапный приступ тошноты согнул варвара пополам; еще бы, он съел целых три паучьих яйца! Прислонившись к стволу гигантского, поросшего мхом дерева, Конан мучительно изрыгнул остатки неудачного ужина и поднял глаза... как раз вовремя, чтобы заметить в листве стремительное движение.

Прямо над ним среди зеленых веток висела безобразная тварь. Легкий, по всей видимости, паук тем не менее в два раза превосходил киммерийца в размере. Темно-зеленая шерсть прорастала на круглом брюшке и на длинных худых ногах, усеянных колючими шипами. Выпученные красные глаза горели лютой злобой и, казалось, выражали одно лишь желание – высосать кровь из всего живого, что окажется в пределах досягаемости длинных слюнявых щупалец.

– Баал и Птеор! – прошептал киммериец. – Из какой же адской печи выползло сие

чудовище?

Конан съежился и отпрыгнул от протянутой клешни. Словно предвидя это, паук бросился вперед и, стремительно перебирая суставчатыми фалангами, раскинул толстую радиужную сеть, да так умело, что киммериец тут же угодил в ее объятия.

Забившись в клейком плену, Конан с ужасом наблюдал приближение толстопузой твари. Варвар дергался изо всех сил, однако цепкая паутина держала крепче стальных цепей. От напряжения на руках вздулись вены, а кровь бешено застучала в висках, и...

— Хрясь!

Раздался звук рвущейся простины: ему все-таки удалось высвободить руки.

Однако в тот же миг на его талии сомкнулись могучие клешни, выдавив из груди последние остатки воздуха. Извиваясь от боли и удушья, Конан с бессильным отчаянием наблюдал за тем, как с острых зубов медленно стекал яд. Сколько же ему осталось, прежде чем яд начнет действовать?

Нет, он отказывался умереть такой смертью!

Обезумев от ярости, Конан вцепился в скользкие от слизи щупальца. Жилы вздулись на его предплечьях. Боль в рваном боку неожиданно стихла: ни дать ни взять, яд возымел действие! Чувствовалось лишь убийственное давление клешней, что грозили вот-вот проломить ребра.

Задыхаясь, киммериец собрал воедино увядающие остатки силы и заставил онемевшие мышцы работать. Нечеловеческий крик вырвался из его груди, когда зажатые в кулаках щупальца медленно разделились, разрывая уродливый череп на две половины. Конан бросил их на забившееся в конвульсиях тело.

— Убирайся обратно в ад! — проревел он, с отвращением глядя на фонтан крови, вырвавшийся из паучьей шеи. Охваченное смертельным танцем насекомое издавало столь душераздирающие звуки, что варвару показалось, будто он присутствует на спевке дьявольского хора.

Пошатнувшись, Конан потерял равновесие и грохнулся на тропу. Отталкиваясь от земли бесчувственными руками, он подполз к ближайшему дереву и уткнулся в мягкий, поросший мхом ствол. Сердце бешено стучало, разнося яд по всему телу. Через минуту подбородок свалился на грудь, глаза остекленели, а сознание окутала густая пелена.

ГЛАВА 10

НА ТРОПЕ

Первые лучи солнца превратили мокрые от росы джунгли в море сияющих изумрудов. Однако Юкона едва ли замечал их сверкающую красоту: лес для туземца был врагом, который, казалось, только и искал удобного случая, чтобы нанести человеку смертельный удар. Старики говоривали, что когда-то давным-давно, во времена, о которых не помнил даже Юконин прадед, ганаки населяли весь остров, в том числе и запретные земли. Однако Юкона с сомнением относился к такого рода историям, ибо твердо верил, что земли эти издревле кишили чудовищами столь ужасными, что, пожалуй, лишь самые злобные боги могли породить их на свет. Впрочем, по мере продвижения в глубь леса он все больше сомневался, что даже злейшие из богов стали бы жить в столь бесприютном месте.

Нательный рисунок, нанесенный молочком вануклы, надежно защищал от москитов. Однако джунгли изобиловали куда более страшными тварями. Он уже наступил на притаившуюся в траве змею, и укус ее до сих пор горел на лодыжке. Старики рассказывали о неких длиннозубых гадюках, один лишь укус которых был смертелен; к счастью, зубы этой змеи были совсем другими. «Впредь надо быть осторожнее», – решил про себя Юкона, тщательно изучая листву на предмет новых гадов.

По правде говоря, ганачки разбирались в лесу не в пример лучше мужей, однако Юкона ни за что не пустил бы Шейру, его горячо любимую дочь, в запретные земли. Все женщины в селе были охотницами, по крайней мере те, что не могли или же не хотели иметь детей. Зато мужчины были единственными воинами. Только один раз дети Изата вынудили ганачек драться рядом с мужчинами; впрочем, это было очень давно.

При мысли о кезатти Юкону передернуло. Хотелось бы верить, что они не вернутся никогда. Сейчас судьба народа всецело зависела от горстки воинов, обязанных защитить старииков и детей. Уже через несколько лет на смену придут новые сорок или пятьдесят юнцов. Все они пройдут посвящение и ступят на тропу войны. А до тех пор Юкона да его пятеро воинов должны были защитить село от стервятников.

По крайней мере в одном Гомба был прав: последняя победа над кезатти досталась безумно дорогой ценой. Под предводительством Юконы отряд в двести человек напал на каменный остров – родовое гнездовье кезатти. И что же? Лишь тридцать из них выжили! Однако боги смилостилились, прислав на подмогу бледнолицего.

А потом... Потом высокочка Гомба разом смешал все карты. Хорошо хоть чужестранец прочел знаки на песке и отыскал Ганаку... Свою смерть!

Путь Юконы пролегал сквозь болота и чащи, что отделяли деревню от той части острова, которая называлась запретными или мертвыми землями. Даже опытнейшие охотники и следопыты не решались приблизиться к черному сердцу острова, с которым были связаны самые жуткие истории, когда-либо рассказанные стариками. На протяжении поколений здесь пропадали лучшие воины.

Дорогу он знал; дед не раз рассказывал, как отыскать старую тропу: «На краю деревни, в том самом месте, где река делает изгиб, растет дерево о трех стволах. Встав к нему спиной, а лицом к полуденному солнцу, отсчитай тридцать раз по тридцать шагов...»

Юкона увидел тропу – узкий извилистый путь, задущенный со всех сторон гигантскими

деревьями. Набрав в легкие побольше воздуха и медленно выдохнув, он принял внимательно изучать влажную землю. Где-то здесь должны быть следы чужестранца.

Зеленый ковер листвы значительно усложнял работу. Гигантские насекомые роились вокруг. Те, что посмелее, все ж таки умудрялись ужалить разок-другой, пока запах вануклы не отбивал у них всякое желание. Птицы, населявшие эту часть острова, были крупными и по большей части хищными; красные клювы и загнутые когти роднили их с кезатти.

Вид крылатых хищников разбудил в ганаке непроизвольную ненависть. Эх, будь при нем весло, не преминул бы прикончить парочку. Подавив злобу, Юкона решил не отвлекаться на бесчисленных отпрысков Изата, сосредоточившись на своей цели. Весла их остались на берегу вместе с лодками, что лежали теперь в противоположном конце джунглей, да к тому же были малоприменимы в условиях тесного и сумрачного леса. Охотничья палка, позаимствованная у дочери, была сейчас его единственным оружием. Обычно мужчины не носили ничего подобного, ибо стервятники понимали лишь один язык – язык грубых тяжелых весел.

Неожиданный шорох в кустах заставил Юкону насторожиться. Он скользнул в том направлении, откуда слышалась возня. Несмотря на свой рост, он умел красться, как мышь. Впрочем, такими навыками обладал любой человек, выросший в диких джунглях. На какой-то миг Юконе показалось, что кусты зашуршили опять, однако в этот самый момент боги ветров затяли перебранку, заставляя деревья качаться и скрипеть. Спустившись в подлесок, он снова изучил следы. Ему бросилось в глаза, что трава посреди тропы была чуть примята...

...А сам след имел форму огромной ступни.

«Кто же тут мог проходить?» – размышлял туземец в полной растерянности. Насколько он помнил, чужестранец не отличался выдающимися габаритами. Юкона боязливо завертел головой, да так, что седая косичка заметалась за его спиной. Сотни историй о кошмарных чудовищах и плотоядных демонах ожили в суеверном мозгу, а по всему телу выступил холодный пот. Никак здесь только что пробегал злобный монстр, рыская в поисках новой жертвы.

Юкона кое-как проглотил страх и расправил дрожащие плечи. Нет, он не оставит бледнолицего... Только не в этом лесу!

Он шел все дальше и дальше, невзирая на ветер и капли дождя, которые вот-вот грозили перерасти в обильный тропический ливень. Когда боги ветров ссорятся, их матери лютят слезы. Юкона обрадовался дождю. Ливень смоет его запах и сделает все, чтобы его шаги не достигли ушей хищников. В своих легендах старики упоминали об особых бесшумных тварях, что нападали безо всякого предупреждения и разрывали людей на части, прежде чем те могли их даже заметить.

Он ускорил шаг, а голоса старииков все еще звучали в мозгу, сковывали тело и тяготили дух.

Прищурившись, Гомба внимательно следил за каждым шагом вождя. Он выслеживал Юкону от самой деревни, надеясь, что тот выведет его на заветную тропу. Правда, несколько минут назад он чуть не выдал себя с головой, споткнувшись о пальмовые корни. Ну да ладно, впредь он так не опростоволосится. Юкона, конечно, пережил свои лучшие годы, однако слух у старика был еще тот!

Пригнув голову, юноша передвигался короткими перебежками, одним глазом следя за Юконой, другим изучая окрестности. К счастью, он не был таким растяпой. Старый дурак

уже наступил на змею, хорошо хоть та оказалась неядовитой.

Поспевать за перепуганным вождем было нетрудно, ибо тот постоянно останавливался. Эти старики вообще полны всяческих суеверий. Сам же Гомба относился ко всем их рассказням с большой долей сомнения. Реальную опасность представляли разве что змеи, водившиеся в изобилии в здешних местах. Гомба не раз планировал прогуляться к центру острова, однако удобного случая до сих пор не представлялось.

Найдя чужестранца, – если тот, конечно, еще жив, – он вызовет его на бой и завладеет атлангой на правах победителя. Безмозглый Юкона обвинит во всем своих демонов, и концы в воду. Ганакам нужно это оружие – последнее средство против детей Изата.

Племя изгнало Гомбу, зато Гомба не покинет своего народа. Затаившись, он будет ждать дня возмездия. И в этот день он избавит народ от глупости вождей. Став лидером, он женится на Шейре, ганаки превратятся в могущественную нацию, и их детям никогда не придется бояться кезатти.

Глаза юноши вспыхнули фанатичным огнем, каждый бесшумный шаг приближал его к цели.

Конан проснулся в аду. Значит, яд оказался смертельным. Он лежал на пыточном столе неизвестного демона, скованный по рукам и ногам, в то время как тысяча невидимых чертенят тыкала в него раскаленными иглами.

Застонав, варвар попытался встать, однако свинцовое тело отказывалось слушаться. С трудом приподняв веки, он увидел ночные джунгли. Пришлось подождать, пока глаза привыкнут к тусклому свету, что просачивался сквозь плотные кроны деревьев. Жгучая боль в боку напомнила о паучьих челюстях. Конан лежал в неудобной позе, не в силах шевельнуть пальцем. Руки и нога казались бревнами, вырезанными в форме человеческих конечностей. В нескольких шагах от него валялся труп паука и вонял хуже, чем целое море гниющих испражнений. Ручеек густой слизи до сих пор струился из разорванной шеи, образуя на земле блестящую лужицу, Конан поморщился.

Борясь с приступом тошноты, киммериец еще раз попытался встать. Тупая боль пронзила дрожащие в ознобе ноги и волной прокатилась по всему телу. Похоже, яд прочно засел в мышцах. Конан сознавал, что, беспомощно валяясь под деревом, являлся желанной добычей для многих лесных хищников. Однако сейчас ему только и оставалось, что лежать да вслушиваться в ночные шорохи. Хриплое дыхание и биение сердца заглушали все прочие звуки. Через некоторое время ему все-таки удалось разжать челюсти и даже повернуть шею. С удовольствием отведя взгляд от зловонной туши, он подозрительно осмотрел погруженные во мрак окрестности. Лес казался объятым глубоким сном.

Холодный лунный свет призрачно серебрил листву, напоминая варвару о недавнем заключении. Неужели заклятие подействует снова? Как бы порадовался какланийский шаман, узнав, что его магия разит сильнее меча, мучит хуже дыбы. Из глубины могилы он держал рассудок и тело варвара в невидимых цепях. Еще в юности Конан познал на себе оковы рабства, попав в плен к гирканийцам. И хотя рубцы от кнута хозяина давно затянулись на спине, сердце по-прежнему ныло тупой полузабытой болью.

Каких только отпетых подонков Конан не встречал на своем веку, и все же самыми презренными из них были работоголовцы. Они буквально свели киммерийца с ума, прежде чем тот предпринял попытку бегства, да такую отчаянную, на которую не решился бы ни один здравомыслящий человек. Конан припомнил тот сладостный день, когда цепи упали с его рук, – цепи, которые по иронии судьбы послужили также оружием на пути к свободе.

Пожалуй, от Шамановых чар так легко не отделаться. Тем не менее Конан по опыту знал, что один чародей всегда мог снять заклятие другого. Вообще-то обращаться за помощью к волшебникам было не в правилах киммерийца, однако другого выхода варвар пока не видел.

Парализующий эффект яда начал ослабевать, и Конан попытался встать на ноги. Дерево помогло сохранять равновесие, пока головокружение не прошло.

Слегка пошатываясь, он продолжил путь. Через каждые несколько шагов он поднимал глаза, опасаясь, как бы не стать жертвой новых пауков. Тропинка свернула налево. Неожиданно Конан поскользнулся на мокрой ветке и грохнулся наземь.

Поднявшись на четвереньки, он вдруг увидел перед собой не что иное, как дряхлый человеческий череп. В неверном свете луны его челюсти чуть шевелились, а пустые глазницы смотрели злобно, словно не одобряя его неожиданного вторжения. Переломанные кости валялись рядом, сгруженные в неровную кучу. Не веря своим глазам, Конан уставился на гору скелетов – ганаков, судя по размерам, – что преградила дальнейший путь.

Он поднял с земли ребро, проводя пальцем по его обгрызенной поверхности. Похоже, что здесь поработали паучьи челюсти. Однако размер горы говорил о том, что паук был не один.

В ту же минуту страх сковал его тело. Вообще-то Конан не боялся людей и зверей, которых можно убить стальным клинком. Голыми руками он уже справился с одной такой тварью. Однако ослабевший, каким он сейчас был, до сих пор опьяненный ядом, он вовсе не желал сразиться с полчищем таких пауков.

Лодыжка болела, но до конца не отказывала. Конан отполз назад столь бесшумно, что ему позавидовала бы пантера. Листья над головой зашелестели, заставляя его напрячься. Неожиданно яркий луч света скользнул по ветвям, осветив зловещую гору костей. Краем глаза Конан заметил в листве скрытое движение. Сзади него раздался тихий свист, слева хрустнул сучок, как будто под чьим-то тяжелым весом.

Конан съежился. В кромешной тьме не было ничего видно. Однако со всех сторон доносились поскрипывания и посвистывания. Поспешно отпрыгнув в сторону, он больно ударился правым плечом и покатился по земле. Левая нога запуталась в паутине. В этот миг зеленое пузатое существо шумно плюхнулось на тропу и тут же бросилось на киммерийца.

Груда костей загромыхала под тяжестью другой твари, которая обрушилась откуда-то сверху. Конан вскочил на ноги, на ходу разрывая липнущую со всех сторон паутину. Тропа кишила извивающимися и шипящими тварями. Словно притягиваемые человеческим запахом, они неуклюже двинулись на киммерийца, блестя плотоядными глазищами. Новые пауки продолжали сыпаться сверху, перебирая суставчатыми фалангами. Их уродливые тела вздымались и опускались, как на пружинах.

Содрогнувшись от отвращения, Конан приготовился отразить атаку. Вид слюнявого полчища заставил бы наложить в штаны и самого храброго воина. На своем веку Конан сразил немало разных чудищ, когда-либо порожденных адом, однако эта орда испугала даже его. Он был сейчас не в лучшей форме, чтобы отразить их напор.

Извергая проклятья, Конан бросился в чащу. Ветки безжалостно стегали обнаженное тело, пока он несся сломя голову сквозь объятые тьмой джунгли. С самого детства киммериец недолюбил пауков даже больше, чем чародеев.

И только уперевшись в ряд плотно растущих деревьев, варвар остановился. Пузатые преследователи заметно отстали; громадный размер не позволял им передвигаться по джунглям столь же быстро. Их свист раздавался где-то вдали. Однако они вовсе не

собирались так просто отпускать свою жертву. С таким же упорством преследовали свою добычу пикты, вышедшие на кровавый след.

Пробежка заметно освежила пропитанные ядом мышцы. Невзирая на боль в боку, Конан попытался прорваться сквозь сплошную преграду из листьев и веток. Он все громче слышал щелканье щупальцев по мере того, как пауки приближались.

В отчаянии Конан стиснул зубы. Деревья перед ним встали стеной, образовывая полукруг и загоняя обратно на тропу. Широкие стволы росли так тесно, что прорваться сквозь них не было никакой возможности.

Сами могучие исполины также не предоставляли защиты. Пауки доказали, что умеют карабкаться по деревьям, и варвар не видел большого смысла в самообмане. Несомненно, они стащат его на землю, разорвут на части и обгладают кости. Признаться честно, ему вовсе не хотелось пополнить гору скелетов – печальный памятник безвестным воинам. Рыча с яростью загнанного льва, он решил обойти пауков в окружную. Повернувшись лицом к преследователям, Конан потерял несколько минут, выбирая наилучшее направление. Возможно, он убьет нескольких пауков, если только будет держаться подальше от смертоносных челюстей.

Однако восьминогие твари спланировали атаку с тщательностью турецкого генерала. Небольшие и наиболее подвижные из них напали с флангов. Куда ни повернись, отовсюду слышался топот приближающихся ног. Пауки образовали живое кольцо, прорвать которое было попросту невозможно.

Сжав кулаки, Конан приготовился к худшему.

ГЛАВА 11

ИЗМЕНА

Юкона остановился, чтобы вытереть с лица пот. Сгустившиеся сумерки делали дальнейшее продвижение невозможным. Тропа оказалась намного длиннее, чем он предполагал, и путь его сильно утомил.

Однако пот, что лил в три ручья из каждой его поры, не был вызван одной лишь усталостью: он чувствовал на себе чей-то холодный зловещий взгляд. Хозяева запретных земель затаились где-то поблизости. Причем змеи были безобиднейшими среди них – этих по крайней мере всегда можно было обойти. Правда, днем он все же наступил на одну из них и был наказан за невнимательность. Юкона почесал распухшую голень. Этот укус пошел ему впрок, теперь он был куда осторожнее. По крайней мере он сразу заметил приближение паутинщиков.

Легенды, рассказанные его дедом, предупреждали о внезапности их нападения. На этот счет у Юконы имелось кое-какое средство – котомка, набитая паучьими яйцами в виде кожаных мешочеков с зеленой студенистой икрой. Пауки как будто дрожали за, своих недоносков и не нападали на того, кто тащил их выводок. Странно, что они с такой щепетильностью заботились о своем потомстве, впрочем, умы ананси были непостижимы.

Юкона шел дальше, хотя спина по-прежнему ощущала горящий ненавистью взгляд – ненавистью, которую насекомые питали ко всем теплокровным, особенно двуногим. И как только бледнолицый проскочил сквозь их кордон? Вероятно, он имел тот же талисман.

Луна не успела взойти, как в темноте послышался отдаленный шум. Юкона сделал еще несколько шагов вперед, вглядываясь в ночные тени. Неясные очертания темного громоздкого объекта заставили его остановиться.

Неожиданно глаза туземца расширились, и он с шумом вздохнул.

...Прямо перед ним лежал труп гигантского паутинщика... сраженного чужестранцем? Или кем-то еще? Кем-то, кто бродил теперь рядом в поисках новой жертвы...

Тишину разорвали звуки отдаленной битвы. Пауки, окружавшие Юкону, посыпались с места и устремились на шум. Пронзительный нечеловеческий крик пронесся над спящими джунглями, и вождь припомнил этот крик – боевой клич чужестранца на сером побережье перед первой атакой кезатти.

Что за чудовища могли осадить храброго воина, сумевшего прогнать стервятников? Исполнившись решимости умереть за чужестранца так же, как если бы тот был его соплеменником, Юкона бросился вслед за пауками и... со всего маху налетел на подножку Гомбы.

Удивленный вождь беспомощно растянулся на земле, из его груди вырвался сдавленный стон. Задыхаясь, Юкона схватился за грудь – отбитые легкие не желали работать.

Сверкнув глазами, юноша занес свой клинок в смертельном ударе. Рука, сжимавшая меч, стремительно опустилась и все же в последний момент дрогнула. Лезвие сверкнуло серебром и плащмя обрушилось на череп Юконы.

Старик со стоном упал на спину. Со лба струйкой стекала кровь. Плытя как в тумане, он все же приоткрыл глаза, и взгляды ганаков встретились.

– Опять ты встаешь на моем пути! – прошипел Гомба. – Что ж, я тебя предупреждал!

Клянусь Мухинго, смерть одного старого дурака предпочтительней гибели целого народа.

Гомба проткнул большой палец острием меча, затем с силой вонзил клинок в землю. Выдавив кровь, он приблизился к старику, начертав на его лбу лишь три символа; они означали, что душа Юконы ныне была свободной и могла не задерживаясь отправляться к предкам.

Сказать по правде, особого желания убивать старика он не испытывал, однако никто не должен был спасти бледнолицего. Гомба с наслаждением вслушивался в отдаленный гул: то дрожала земля под топотом сотен паучьих ног.

Он поднял с земли котомку с яйцами; они пригодятся ему на обратном пути. Сейчас юноша более чем когда-либо был уверен в своем предназначении. Несомненно, все его действия были освящены небом. Наконец-то боги предрешили судьбу Юконы: ведь из-за его дурацкой самоуверенности могло погибнуть целое племя. В то же время темные силы сочли нужным прикончить чужестранца, ниспослав на него стадо пауков. Гомбе же покровительствовали все силы света – и добрые, и злые.

Он побежал по тропе, что вела теперь к дому. Домой! Сейчас самое время вернуться и поведать ганакам о происшедшем. Время исполнить то, что ему предназначалось судьбой. Однако, не успев сделать и нескольких шагов, он услышал до боли знакомые звуки. Они доносились издалека и, словно первые тучи на горизонте, медленно приближались, предвещая страшный шторм.

Хлопанье крыльев кезатти!

Они вернулись, как он и предполагал. Но вернулись слишком рано, когда он еще не был готов. Судя по гулу, их было теперь много больше – может быть, целая сотня. Крылья махали тяжело: долгий полет утомил стервятников. Тем не менее это вовсе не мешало им достичь деревни уже к утру, как раз в ту пору, когда ганаки будут отсыпаться после буйной вечеринки.

Гомба проклинал глупость вождей. Их самонадеянность могла теперь обернуться смертью людей... его возлюбленной! Шейра! Любимый образ вмиг ожила перед глазами. Он с ужасом представил ее разорванной на куски. Нет, этого не должно произойти! Он этого не допустит! Кровь вскипела в его жилах, горячая, как само солнце. Юноша крепко стиснул клинок. Атланга... древнее пророчество!

Он несся по тропе гигантскими прыжками – скорее не бежал, а летел. Племя его изгнало, но сейчас он нужен его людям. Они не должны умереть только потому, что их правители безумны. Гомба докажет всем, что ятаба выжил из ума. Прогнав кезатти, он обретет в их глазах авторитет. Ганаки поверят ему, посланнику Кулунги, избрав на пост нового вождя.

И тогда Шейра станет его женой.

Юкона всегда противился их браку. Шейра была единственной дочерью, а старикан вечно недолюбливал Гомбу. К счастью, тот больше не числится в живых. Ятабе придется выдать за него Шейру – за человека, в одиночку спасшего целое племя, – ему ничего не останется, как подчиниться избраннику Кулунги.

Могучие ноги несли его по тропе, все реже касаясь земли. К дьяволу осторожность! Ни один выродок запретных земель не посмеет помешать Гомбе исполнить его великое предназначение.

«Ше-ей-ра! – звучало в голове молодого ганака. – Ше-ей-ра!» – отзывалось в его сердце.

Конан спешно отступил к деревьям, не позволяя себя окружить. Он угрожающе вытянул руки, намереваясь схватить первого, кто осмелится на него напасть. Даже

безоружный, он вовсе не собирался продавать свою жизнь дешево.

Листва, зашелестевшая над головой, предупредила об атаке сверху.

– Крон! – проревел киммериец, отпрыгивая в сторону. В то место, где он только что стоял, грунно приземлилось пузатое насекомое.

Искры посыпались из глаз варвара: корявый сучок едва не лишил его сознания. Однако прыжок оказался неудачным вдвойне, ибо приземлил Конана как раз на ухабистую спину другого чудовища. Босые ноги ощущали под собой толстую влажную шерсть. Присвистнув, паук взвился на дыбы и сбросил смелого седока наземь.

Со всех сторон на варвара надвигались темные мохнатые тени, смердящие хуже, чем дыхание дьявола. Сотня невидимых глаз смотрела на него с такой ненавистью, что Конан ощущал ее каждой своей клеточкой.

Выброшенная наугад рука коснулась влажного тела. В ту же минуту колючее щупальце больно впилось в голень.

Глотнув вонючего воздуха, Конан подпрыгнул, стараясь дотянуться до высокой ветки. Пальцы правой руки вцепились в дерево. Подтянувшись, варвар вскарабкался на гладкий сук за мгновение до того, как могучие челюсти сомкнулись у самых его ног.

В следующий миг пауки облепили ствол и принялись взбираться наверх с необычайным для их размера проворством. Не переставая ругаться, Конан с искусством эквилибриста балансировал на скользкой ветке, которая при этом тряслась и раскачивалась. Задрав голову, он поискал взглядом другие ветки, однако до тех было не дотянуться.

Стена деревьев упиралась в самое небо и казалась абсолютно неприступной. Торчащие во все стороны ветви крепко сплелись в объятьях, не оставив ни единой лазейки.

Неожиданно Конан заметил, что толстые стволы чуть сужались кверху. Новый план немедленно родился в его голове. Подпрыгнув как можно выше, он обвил ствол руками и принял энергично карабкаться. В нескольких дюймах от него щелкали паучьи челюсти. Ноги насекомых, словно пропитанные невидимым kleem, ловко перебирали по дереву. Конан был немало удивлен своими успехами в лазании. Вонзая ногти глубоко в кору и ритмично отталкиваясь ногами, он взбирался со скоростью, способной пристыдить даже дикую кошку.

Слюнявая челюсть метнулась вверх, оставляя на пятке варвара кровавый след. Подстегнутый невыносимой болью, Конан стремительно подтянулся на руках. Ноготь среднего пальца сломался. Не замечая дикой боли, варвар поспешно отдернул ногу, чудом избежав колючих щупалец. Сменив тактику, он просунул ладонь между стволами и перебрался на соседнее дерево. Упругие комки мышц вздулись на его руках, когда он попытался развести почти сросшиеся стволы в стороны. Даже небольшой щели хватило бы, чтобы проскользнуть за барьер, отрезав тем самым погоню.

Мускулы от напряжения задрожали, а синяки и болячки разом заныли, напоминая о злоключениях последних дней. Деревья не поддались, уступив лишь на дюйм или два – не больше.

Взрыв жгучей боли раздался в правой лодыжке, когда паучьи челюсти впились в обнаженную плоть. Взвыв, Конан напрягся так, что кости его рук закрошились в суставах. Деревья неохотно разошлись в сторону, не в силах противостоять чудовищному напору. Конан скользнул в образовавшийся проем, стряхивая с себя щупальца, которые уже принялись сосать кровь.

Паук неотступно полз следом, сверкая выпученными голодными глазами. В тусклом свете луны было видно, как с безобразных челюстей стекает свежая кровь.

Перебравшись на другую сторону, Конан отпустил деревья. Могучие стволы с шумом сомкнулись на голове твари, раздавив ее, словно огромную волосатую виноградину, и разбрзгав повсюду густой студенистый мозг.

Не в силах держаться, Конан рухнул на землю. Рыхлая глина смягчила удар. По другую сторону стены истошно стрекотали его преследователи, расстроенные неожиданным исчезновением жертвы.

Конан с любопытством осмотрел свое новое окружение. В том месте, где он лежал, стена деревьев странным образом кончалась, и дальше простиралась большая поляна.

Конан лежал у подножья гигантского дерева и тихо постанывал. Яд начинал действовать. Варвар приложил к ране глину и удивился, что даже такая простая работа потребовала от него необычайных усилий. Руки упали вдоль тела, словно бесчувственные веревки, а перед глазами поплыли красные круги. Однако жгучая боль не позволяла ему потерять сознание, и Конану ничего не оставалось, как ждать, пока яд рассосется.

Когда зрение к нему вернулось, он посмотрел вперед и тут же замер в изумлении. Прямо перед ним возвышалась высокая круглая стена огромного замка. Его поистине впечатляющий размер ничуть не уступал могущественнейшей аквилонской крепости, по крайней мере площади, которую он занимал, с лихвой хватило бы, чтоб разместить целое ганакское селение.

Неужели от удара у него напрочь отшибло мозга, или ночные тени решили сыграть с ним шутку? Небо уже начинало светлеть, и видимость заметно улучшилась. Крепко зажмурив глаза и сделав глубокий вдох, он энергично тряхнул головой, надеясь избавиться от странного видения.

Открыв глаза, варвар нахмурился. Перед ним стоял все тот же замок, старые стены его напоминали гигантский надгробный камень, молчаливый и серый, – камень, что охранял кости давно умерших людей.

Как зачарованный, Конан смотрел на чудо. Угрюмую тишину нарушали лишь крики пауков, постепенно теряющиеся вдали. Наскучила ли им погоня, или пауки прятались от дневного света – Конан не знал. Он просто был благодарен за то, что его наконец оставили в покое. Пока он глазел на каменного монстра, первые лучи солнца коснулись макушек деревьев, рассеяв зловещую призрачность замка. Конан устало зевнул, обессиленный ночной схваткой. Руки его тряслись. Однако всецело поглощенный удивительным зрелищем, он почти не замечал боли.

Небо окончательно посветлело, позволяя заметить абсолютный упадок, в котором пребывала крепостная стена. Массивные кирпичи потрескались и просели. Треугольники пролегли на камне, словно морщины на старческом лице.

Взгляд варвара остановился на видавших виды бойницах. Обломки некогда безупречных камней торчали сейчас, как пеньки зубов в уродливой челюсти. Из-за стены виднелся осыпавшийся минарет с полуразрушенным шпилем. Входа в замок заметно не было, а сама крепость, несмотря на запущенность, казалась абсолютно неприступной. Вид ее был отталкивающим, однако Конан чувствовал непреодолимое желание войти внутрь. Одно только существование замка на этом затерянном первобытном острове являлось интригующей загадкой. Чьи руки выстроили его посреди леса и откуда взялись камни? Почему джунгли не поглотили этот клочок земли?

Новое обстоятельство заставило Конана нахмуриться. Начиная с того места, где кончались деревья, и до самой стены простиралась абсолютно голая земля. На расстояний

пятидесяти шагов в любом направлении от крепости не было заметно ничего зеленого и живого. Даже насекомые, казалось, избегали этого места. Полное отсутствие жизни вокруг замка предлагало довольно пугающие объяснения. Однако любопытство варвара в конце концов пересилило страх. Во что бы то ни стало он должен был узнать, что скрывается там, внутри. Стارаясь не ступить на больную ногу, Конан заковылял по кругу, держась поближе к деревьям. Круглая стена была выложена из серых, хорошо подогнанных блоков. Конан предположил, что вес некоторых из них достигал его собственного. Он поразился сложности и объему работы. Сколько людей гнуло здесь спину? Было ли то работой движимых плетью рабов, или свободные руки воздвигли это убежище для себя и своих семей?

Обойдя замок кругом, Конан обнаружил овальный вход и ржавые петли, на которых когда-то болтались ворота.

— Борода Имира! — прошептал варвар, когда его глаза скользнули вверх.

Снизу доверху стену покрывал чудовищный барельеф в виде огромной обнаженной женщины. Она сидела, скрестив ноги, и смотрела прямо на киммерийца, губы расплылись в нахальной улыбке. Загнутый клык торчал из ее рта, а рваный белокурый локон кокетливо спадал на лицо. Ожерелье из черепов украшало шею, браслеты из змеиных шкур — запястья, а на талии болтался пояс из отсеченных конечностей.

В одной похожей на клешню руке она сжимала широкий меч, а в другой, с кривыми запущенными ногтями, — связку свежеотрубленных голов. Сводчатый вход располагался как раз ниже ее пупка — нелепое и вульгарное приглашение.

Конан припомнил ее сходство с какой-то другой столь же отвратительной женщиной, однако где и когда видел похожий портрет, с точностью сказать не мог. В каждой ее глазнице сидел рубин размером с куриное яйцо и сверкал такой неземной ненавистью, что Конан невольно вздрогнул. В юношеские воровские годы он бы немедленно взобрался и стащил дорогие камни, однако с возрастом он стал мудрее. Варвар решил ничего не трогать, по крайней мере до тех пор, пока со всем этим не разберется. Присутствие древнего зла витало здесь в самом воздухе, и кто мог знать, что за смерть ждала неудачливого вора. Несмотря на утреннюю духоту, по спине варвара пробежал холодок. Он хотел уже было отвернуться, когда почувствовал, что ледяные пальцы вонзились в его череп, застудив в жилах кровь. В этом лице, точнее, в глазах, зияла черная пустота хаоса. Страшный, но манящий взгляд тянул к себе. Привычная боль вдруг куда-то исчезла, а тело сделалось ватным. Ноги перестали ощущать под собой почву, а легкие перестали вдыхать воздух.

Конан поплыл в безграничном пространстве. Два красных солнца зловеще сияли в глазницах жестокого бога, и это сияние было единственным источником света. Чернота, плотная и осозаемая, сгустилась вокруг него, и Конан почувствовал, как постепенно проваливается в черную мутную воду.

Сопротивляться не было сил. Свет красных глаз будто клещами тянул из него душу.

Неожиданно свет погас. Вокруг осталась лишь черная удушливая пустота. Ощущение боли снова вернулось, и он вспомнил, что стоит на поляне. Варвар поспешно заслонил лицо ладонью. Часто дыша, он ждал, пока глаза привыкнут к яркому утреннему солнцу.

Юкона стоял между ним и демонической фигурой.

От неожиданности Конан так и подпрыгнул.

— Кром! — выдохнул киммериец, оглядев ганака с подозрением. Он инстинктивно пошарил меч, которого, правда, не оказалось под рукой.

Старик бросил на землю какой-то сверток и поднял руки открытыми ладонями.

— Мир тебе, чужестранец! Я Юкона, вождь ганаков. И я твой друг.

Бровь Конана недоверчиво метнулась вверх: он прекрасно понял смысл сказанных слов, однако усомнился в их искренности.

— Я Конан из Киммерии. И мне не очень-то нужны друзья, которые воруют мой меч и поворачиваются спиной после того, как я помог им в сражении.

Юкона вздохнул и печально затряс головой.

— Клянусь, я не хотел тебя оставлять... Гомба настоял на этом. Он украл твою атлангу, если это то, что ты называешь мечом. Когда наши охотницы заметили тебя в лесу, я помчался к тебе на помощь. Гомба сразил меня на тропе и оставил на съедение паутинщикам.

— Паутинщикам?.. — переспросил Конан.

— Да, старики называют их также ананси, — пояснил Юкона, почесывая шишку на затылке.

— Пожалуй, ты вовремя меня нашел... — Конан вздрогнул при мысли о рубинах. — В которой из девяти преисподиен Зандры намалевали эту дьяволицу? Юкона растерянно моргнул.

— Я никогда не видел ее прежде, однако в ней чувствуется источник зла. Мертвые земли кишат всякого рода вещами, опасными для души и тела. Я рад, что услышал твой крик о помощи...

— Не припомню, чтоб я звал кого-то на помощь, — хмуро перебил его Конан.

— Боюсь, что твой дух был на полпути к небу, стоит ли удивляться, что ты не услышал собственного голоса.

— Ты сказал, мертвые земли?.. Вполне подходящее название! — признался Конан; его глаза превратились в узенькие щелки. — Отчего ж тебя не съели в лесу пауки?

— Пауки?.. Странное слово. Ананси не едят тех, кто несет их детенышей. — Старик нагнулся и подхватил с земли связку яиц, завернутых в змеиную шкуру. — Мы еще успеем уйти. Паутинщики никогда не нападают днем, — объяснил Юкона и потом задумчиво добавил: — Сколько разных легенд посвящено запретным землям, однако ни в одной из них не говорится о замке, пожирающем души.

— Можешь не сомневаться, что я с радостью покину это трижды проклятое место. Только советую тебе не смотреть в глаза этой горгоне. С твоей помощью я отыщу Гомбу и отучу его брать чужое. С мечом в руках мне не придется бояться твоих мертвых земель, — поспешил заверить его Конан.

— Меч... — Старик заглянул в голубые глаза собеседника, затем оценил могучую гриву волос. — Твои слова и твой вид необычны. Однако я верю, что в душе ты воин и благородный человек. Должно быть, сами боги послали тебя к нам.

Конан криво ухмыльнулся, потирая отбитые бока:

— Если так, то твои бога решили изрядно потешиться за мой счет. Нет, Юкона, мои ошибки да злая судьба — только они виноваты во всем. Родом я с большой земли, с севера, что лежит далеко за южным морем. Ни один киммериец не путешествовал еще так далеко от унылых долин и мерзлых лесов, которые мои соплеменники называют своей родиной.

— С земли, что лежит за морем?.. — не поверил Юкона. — Но море безгранично. Бога создали только три суши: Ганаку, Затти, а между ними Араву, на которой мы убиваем кезатги.

— А, ты про птиц... — догадался Конан. — Отродясь не видел столь огромных стервятников.

Мужчины отвернулись от стен замка и направились к джунглям.

— Существуют тысячи известных земель, и, я думаю, еще больше до сих пор не открыто, — продолжал объяснять киммериец. — Я путешествовал от побережья пиктов и до самых гирканийских степей, повидав немало разных народов и обычаев, однако не припомню таких чудаков, как вы. Впрочем, в мире столько людей и чудовищ, что смертному человеку не дано познать их всех.

Конан украдкой покосился на старика, поражаясь его росту. Киммериец был выше большинства обычных людей и только сейчас понял, какое чувство испытывает человек, когда смотрит на собеседника снизу вверх.

Вскоре они оказались у подножий двух залитых кровью деревьев. Труп паука, пригретый утренним солнцем, невыносимо смердел. Ганак передал варвару связку яиц и приложился к двум стволам, раздвигая их без видимых усилий. Руки Юконы казались узлами толстенных веревок, каждая размером с мускулистую ногу киммерийца. Пролезая в образовавшийся проем и уворачиваясь от кровавой капели, Конан подумал, что справиться с Гомбом будет не так уж легко. В рукопашной ганак, несомненно, разорвет его на части. Однако Конан надеялся, что Гомба ухватится за меч. Стальной клинок — это могущественный слуга, но только в руках того, кто владеет им в совершенстве.

— Я воин, а не следопыт, — признался Юкона, — однако если небо будет к нам благосклонно, мы найдем Гомбу, прежде чем он покинет остров.

Затем старик зашептал непонятные слова, видимо, обращаясь к своим богам.

Не успел он закончить молитву, как Конан уже заметил глубокий след.

— Похоже, духи на нашей стороне, — улыбаясь, промолвил Конан, указывая на отпечаток.

— Нам следует держать ухо востро, — предупредил Юкона, понизив голос. — Среди прочих моих воинов Гомба самый сильный и хитрый.

— Он не похож на остальных, как будто вырос в другом племени... и держится как-то особняком, — заметил Конан.

В глазах Юконы появилась печаль, старик глубоко вздохнул:

— Мать его умерла во время родов... таких детей мы называем мкундо. Мне кажется, он до сих пор не принял ее смерть. Его вырастили старики, и он часто расспрашивал их о своей матери. В ее смерти Гомба обвиняет наших богов и не следует нашей вере.

— Что же случилось с его отцом?

Киммериец не потерпел бы такого поведения от своего отрока. Несколько следов от ремня на заднице да дюжина затрешин быстро научили меня уважать старших.

— Отец не мог о нем позаботиться, — коротко ответил старик; по его тону было понятно, что он не желает развивать эту тему дальше.

— Что ж, тогда нам самим придется преподать ему урок вежливости... хотя и запоздалый, — пробормотал Конан мрачно.

Дальше они шли молча. Оба старались двигаться бесшумно, ибо опасались спугнуть юношу раньше времени.

Поначалу идти по следу было нетрудно: влажная земля сохранила отчетливые отпечатки. Однако там, где начиналась тропа, все было утоптано и заплевано пауками. На протяжении сотни шагов Конан руководствовался одной лишь интуицией. Он уже отчаялся выйти на след, как вдруг увидел вмятину, похожую на отпечаток пятки.

Агк... вот и ступня. По глубине следов, а также по расстоянию между ними можно было заключить, что Гомба бежал как угорелый. Однако больше всего Юкону удивило направление, которое юноша избрал для своего бегства.

— Следы ведут в деревню, — растерянно пробормотал старик. — Но это безумие... ятаба изгнал его... он не может вернуться.

— Ему ничто не мешает свернуть к морю, не доходя до деревни. Вместо того, чтобы чесать языками, лучше пойдем и посмотрим. Нельзя отпустить его с острова, — угрюмо взразил варвар и прибавил темп.

Юкона что-то тихо пробубнил, однако Конан не понял смысла сказанного.

Солнце уже поднялось в зенит, наполняя джунгли невыносимой духотой. Язык киммерийца пересох, как шкура заморской ящерицы. Он не задумываясь отдал бы сейчас пригоршню золотых монет за один только глоток пива. Однако до ближайшей бочки было не менее двух недель плавания.

Одним глазом Конан выискивал следы, другим все же приглядывал за Юконой. Похоже, этим ганакам нельзя было верить. Они казались суеверными до мозга костей, а варвар не очень-то полагался на людей, безропотно вверявших свои судьбы богам. По опыту он знал, что боги помогают лишь тем, кто пытается помочь себе сам.

...И все-таки, где же он видел эту дьяволицу? Вырезанную в камне, чуть меньше и грубее... Нет, сколько он ни пытался, а осветить этот темный уголок памяти никак не удавалось.

Расстроенный, варвар сконцентрировал все внимание на тропе. Джунгли заметно поредели, деревья стали тоньше и не такими высокими. Увидев на земле след, круто сворачивавший с тропы, Конан резко остановился. Юкона застыл на месте в полу шаге от него.

— Эта дорога ведет в деревню, — прошептал старый ганак, ему пришлось наклониться, чтобы его уста оказались на уровне Конанова уха.

Вождь мрачно улыбнулся и выпрямился. Отыскивать следы в поросшем тростником болотеказалось нелегкой задачей: камыш поднимался варвару по пояс, по бедро — Юконе. Однако этого теперь и не требовалось, ибо новый маршрут Гомбы был предельно ясен. Конан неохотно оценил выносливость беглеца. Они преследовали его с самого рассвета, однако до сих пор не встретили ни одного свидетельства тому, что юноша сбавил темп. Тот несся так, как будто удирал от самого дьявола. Конан почти исключил возможность засады: куда еще Гомба мог так торопиться, если не в деревню?

Заросли сгостились, спрятав Конана с головой, однако рост Юконы позволял ему смотреть поверх камышей.

— Мы уже рядом, — прохрипел Юкона, задыхаясь от быстрого бега. — Я вижу холм, но... клянусь Мухинго, этого не может быть! Следуй за мной!

Старик припустил так, что Конан едва мог за ним поспевать. Теплая грязь громко чавкала под ногами. Жесткий тростник стегал плетьюми, заставляя старые раны кровоточить.

Трудно было сказать с уверенностью, однако Конану показалось, что он слышит отдаленный хор голосов, смешанный с каким-то странным хлопаньем. Возможно, то лишь ветер гулял в камышах; правда, Юкона тоже заметил что-то подозрительное.

Последний глинистый участок пути они миновали на предельной скорости. Конан стремительно затормозил, едва не налетев на извилистую речушку. До ганакской деревни оставалось менее сотни шагов. Посреди обширной поляны возвышался приземистый холм, на вершине которого валялись тела растерзанных ганаков. А вокруг холма ковром простирались дюжины выпотрошенных кезатти.

ГЛАВА 12

ДЕРЕВНЯ

— Нет! — Юкона взвыл, словно жертва на алтаре. Эхо разнесло его крик по равнине. Сжав кулаки, вождь вброд перешел реку, в то время как изумленный Конан не мог сдвинуться с места. Слишком уж часто последнее время ему приходилось видеть такие картины.

Оставшиеся в живых ганаки медленно стягивались к холму. Юкона перебрался на другой берег и нетерпеливым окликом приказал Конану поторопиться. Пока киммериец боролся с течением, двое ганаков — мужчина и женщина — отделились от толпы и заспешили навстречу Юконе.

— Это ятаба, наш духовный лидер, — шепотом предупредил старик. — Пусть его возраст не введет тебя в заблуждение, он так же силен, как и умен. От твоих слов и поступков будет зависеть его решение. Не вздумай сболтнуть что-либо оскорбительное.

Конан согласно кивнул, он вовсе не собирался хамить.

— А кто эта женщина?

— Ее зовут Шейра, для женщин она также раниоба, а для меня — дочь, — ответил старик уже более теплым тоном, в его голосе звучала отцовская гордость.

Конан мельком взглянул на ятабу, заметив лишь странную рубаху из блестящих черных ракушек. Его внимание было приковано к Шейре. Она была примерно одного с ним роста, смуглая, как и все остальные ганаки, черные как ночь волосы убранны в тугую косичку. Горло киммерийца пересохло от одного только взгляда на ее мускулистое, но в то же время безупречно сложенное тело, прикрытое лишь узким поясом из змеиных шкур. Яркий нательный узор был таким же, как у Юконы. Она приближалась к нему легкой, изящной походкой, и упругие груди ее плавно покачивались на бегу.

Конан попытался припомнить, когда он в последний раз видел женщину. А... вот оно — в палатке у Джерала, две недели назад. С тех пор, казалось, прошла целая вечность. Затаив дыхание, он смотрел на Шейру с нескрываемым восхищением. Когда парочка приблизилась, варвар понял, что лицо девушки под стать ее сложению. Копай не мог припомнить женщины, наделенной такой же экзотической красотой. Короли вели войны ради дам менее привлекательных.

К варвару вновь вернулось самообладание. Он обнаружил, что все это времяостоял на месте, тогда как Юкона убежал далеко вперед. Конан припустился вдогонку, срезая там, где только было возможно. Представ пред ятабой, он обратил внимание на глубокие порезы и ссадины, покрывавшие тело старика. Кровь струилась из раны на лбу, пачкая седые кустистые брови.

Ранения Шейры были не столь серьезны, лицо же и вовсе не пострадало. Ее острый ракушечный нож — единственное режущее оружие, которое, похоже, было известно ганакам, — был заткнут за пояс, с его острия все еще капала кровь стервятников.

«Не лучшее средство против кезатти», — подумал про себя варвар.

— Здравствуй, отец, — сказала она холодно, избегая Юкониных объятий.

Старик открыл было рот, чтобы произнести приветствие, но вместо этого лишь крепко обнял дочь, которая, правда, успела выскоцить из его рук и встала рядом с ятабой.

Вытянув руки ладонями вверх, Юкона поприветствовал старца:

— Ятаба, духовный вождь, я вернулся из запретных земель и привел с собой чужестранца. Его зовут Конан, и родом он из Киммерии... — старик запнулся, но тут же продолжил: —... далекой страны, что лежит за морем.

— Добро пожаловать в Ганаку, Конан, — печально выдавил старец и тяжело вздохнул. Он вытянул руки раскрытыми ладонями, и варвар неуклюже передразнил его жест.

— Это Шейра-раниоба. — Старик указал на девушку, и та также поприветствовала киммерийца.

Ятаба продолжал:

— Ваше возвращение — лишь маленький лучик света, что озаряет этот черный день. — Старик помолчал и затем обратился лично к Конану: — Мы поступили с тобой несправедливо, и я прошу у тебя прощения.

Конан только пожал плечами:

— Ганаки не причинили мне зла. А если я и имею к кому-то претензии, то разве что к Гомбе.

— Мы преследовали его до самой деревни, — кивая, подхватил Юкона. — Но как это могло произойти... Не верю своим глазам! Кезатти осмелились напасть?

Видно было, как ятаба сжался, прежде чем ответить.

— Они напали с рассветом. Много наших людей погибло, и если б не Шейра с женщинами да Гомба с оружием, погибло бы еще больше. Храни Мухинго их души! Никогда со времен наших первых предков не решались кезатти напасть на деревню.

Юкона нахмурился:

— Значит, Гомба как-то почувствовал их приближение. Не могу понять как! Он жив?

Шейра вмешалась прежде, чем старик успел что-либо ответить.

— Никто другой не убил столько же кезатти. Они улетели, и кровь падала с их крыльев дождем. Их было столько, сколько комаров на болоте, и Гомбе досталось от них больше всех. По трое, а то и по четверо они устремлялись на него с разных сторон.

Она говорила с нескрываемым восхищением и прервалась только для того, чтобы проглотить подступивший в горлу ком.

— ...Но ведь их было так много! Так много, что даже Гомба не смог устоять.

Конан слушал, зачарованный как рассказом, так и рассказчицей. С того самого дня, как он покинул серое побережье, его не переставали мучить вопросы. И сейчас он решил во всем разобраться.

— Но зачем они прилетают сюда?

— За пищей, — ответил ятаба уныло. — Их земля бесплодна. Давным-давно они уничтожили вокруг себя все живое. На скалистом острове, где они обитают, теперь нет ни птиц, ни зверей, ни даже растений. Дети Изата не умеют ловить рыбу, как это делаем мы. Однажды они обрушились на Араву — небольшой остров, что лежит между Ганакой и Затти. Теперь там ничего не осталось, лишь кусты да деревья.

Конан припомнил зловещую тишину мертвого островка, на котором он впервые повстречал ганаков.

— Берег скелетов, — прошептал он. Ятаба кивнул.

— Поколения ганаков встречали кезатти там. Не делай мы этого, и голод приведет их в Ганаку — охотиться на нас и наших детей... как они сделали в этот страшный день. До сих пор мы разбивали их на Араве, после чего кезатти уносили своих мертвцев и пожирали их у себя на скалах.

Конан охнул от отвращения:

– Чем же они живут, когда кончится падаль?

– Не живут – вымирают, причем в жесточайшей войне друг с другом. Однако после поколения мира они возвращаются снова. Почему?.. Потому что, прежде чем умереть, успевают отложить яйца, из которых по прошествии многих лун появляются птенцы. Выводок растет, сильнейший поедает слабого. Те, что сумеют выжить, быстро становятся взрослыми и начинают летать. Сначала они устремляются на Араву и вскоре уничтожают все, что там к этому времени успевает прорости.

Старик откашлялся и, напустив на себя важный вид, закончил:

– И тогда великий Атаба, тот, что над всеми богами бог, является ко мне во сне и предупреждает об опасности.

Конан задумчиво поскреб подбородок: что-то во всей этой истории было не так.

– Так не ждите, пока они прилетят. Уничтожьте яйца!

Юкона, который до сих пор молчал, отрицательно замотал головой:

– Яйца лежат на высоких скалах, выше любого ганакского дерева. В прошлом разные смельчаки пытались до них добраться, да только попытки эти ни к чему не привели. Скалы Затти неприступны.

В голове Конана промелькнуло сомнение. Несмотря ни на что, варвар твердо верил, что неприступных преград не бывает. Еще юношей он облизал все труднейшие вершины в ледяных горах Киммерии. Ганакский же ландшафт, как видно, не позволял своим питомцам обрести столь экзотические навыки.

– Кто же тогда рассказал вам про яйца? – не сдавался варвар.

– Омдью, его отец и мать были в числе наших первых предков. Еще при первой встрече на Араве кезатти захватили нескольких воинов живыми. Остальные ганаки на лодках бросились в погоню. Один из пленников сумел свернуть птице шею, прежде чем та затащила его в гнездо. Его звали Омдью. Сквозь дыру в скале он увидел пещеру, сплошь набитую огромными яйцами. Прямо на его глазах кезатти скормили добычу птенцам. Потом птицы вернулись за ним, и Омдью ничего не оставалось, как прыгнуть с высоких скал. Наши воины подобрали его умирающим, но перед смертью тот им все рассказал.

– Он принадлежал к нашему роду, – гордо добавила Шейра.

– Вы с отцом – последние в этой династии, – печально сказал ятаба и осторожно взглянул на Юкону.

Юкона все понял. В глазах его заблестели слезы.

– Помя! – прошептал старик и посмотрел на холм, где среди прочих павших лежал его сын. – Что за горький день, клянусь Азузой!

– Я молю Азузу о помощи, так что не упоминай вслух его имени, – предупредил ятаба серьезно. – А ты, Шейра, – обратился он к девушке, – беги и собери стариков. Нам есть что обсудить, прежде чем кезатти вернутся. А я пока займусь ранеными. Боюсь, что Гомбу удастся спасти, лишь если небо придаст мне сил.

Помрачнев, Конан крепко сжал кулаки:

– Если ваш Гомба не вернет мне меч, клянусь Кромом, сами боги не смогут его вылечить!

– Он также и мой должник, – с жаром подхватил Юкона. – Он попытался убить меня в джунглях. Сегодняшний подвиг не смыгивает пятна предательства. Не верь ему, ятаба! Змея, ужалившая врага, завтра ужалит друга.

Ятаба сделал примирительный жест.

— Успокойся, Юкона. Все-таки Гомба ганак, а не гад с чешуйчатой кожей. Обсудим это позже.

Он обратился к варвару:

— Конан, ты волен забрать свое оружие когда угодно. А если Гомба выживет, ты можешь вызвать его на поединок, если обычай твоего народа того требуют. И еще: если у нас будет время, я хотел бы тебя о многом расспросить.

Конан кивнул, и они все вместе двинулись к деревне.

— Не мешало бы перекусить, — проворчал Конан. — Клянусь Кромом, я съел бы сейчас целого быка.

Шейра сейчас шла как раз перед ним, и киммериец не в силах был отвести глаз от ее прекрасного тела. Естественное покачивание круглых бедер возбуждало даже больше, чем отточенные движения императорских танцовщиц.

Юкона согласно кивнул:

— Ты прав, Конан. Траурная церемония подождет, а перед новым налетом кезатти следует хорошенко подкрепиться... Неизвестно, доведется ли вам когда-нибудь пообедать еще.

Конану такое настроение совсем не нравилось.

— Как вы можете смотреть на смерть и думать о пище? — укоризненно спросила Шейра.

Конан ухмыльнулся и неохотно отвел взгляд в сторону: чего доброго, старик подумает, что он строит его дочери глазки. Он молчаливо оглядел разоренную деревню. За работой видны были лишь старики и дети. Они волочили трупы кезатти к лесу и топили в болоте. Похоже, ганаков не беспокоило, что их собственные мертвые оставались лежать, собирая вокруг себя мух и москитов.

— Что вы с ними делаете? — Копал мотнул головой в сторону холма. — Хороните или сжигаете?

Юкона удивленно сморгнул:

— Это такой ритуал?

— Можно сказать, что так. Во многих странах, где я побывал, люди роют специальные ямы, называемые могилами, и кладут туда мертвцев. Затемсыпят на покойника землю, пока священник справляется панихида. Стигийцы, те строят целые здания — гробницы или даже пирамиды, в зависимости от того, какое положение занимал покойник при жизни. Другие же поступают проще: бросают трупы в костер и превращают в золу.

— Священник... Гробницы... Пирамиды... Сколько непонятных слов! Наши старцы помнят древний язык, возможно, они тебя поймут. Пойдем, я познакомлю тебя с народом.

Он провел киммерийца мимо длинных скамеек, сложенных в форме треугольника; холм с мертвцевами располагался как раз в его центре.

— Это место собраний, — пояснил Юкона, — здесь мы внимаем пророчествам ятабы, а также слушаем доклады раниобы.

Конан кивнул, обратив внимание на то, что деревянные скамейки были отменно отполированы задами многих поколений ганаков. Он также заметил, что бревна имели плоские грани, которые к тому же были стесаны с боков. Эти скамейки показались варвару безумно знакомыми. Только полнейший кретин, мог предположить, что в лесу растут такие пальмы. А ведь, насколько он мог судить, ганаки были весьма далеки от плотницкого дела.

— Откуда эти скамьи?

Юкона пожал плечами.

— Возможно, ятаба знает. Взгляни туда. — Он указал вперед. — Когда-то это было нашей праздничной крышей. Под ней мы встречали воинов, когда они возвращались с Аравы. Ты только посмотри, во что ее превратили кезатти, будь они неладны! Подарят ли нам боги другую?

— Кром, это же... — Варвар застыл с круглыми от удивления глазами.

Издалека он принял это за навес из сухих веток и листьев, натянутый между шаткими и неровными столбами.

Крышой служил рваный кусок паруса, несомненно, от грота древнего корабля. Запятнанный и изодранный, он свисал, как столетний погребальный саван. Неожиданно Конана осенило: эти скамейки... ну конечно же, это кили огромных кораблей. Конан прищурился, окинув взглядом деревню; одно только ее существование являлось интригующей загадкой.

— Да, — кивнул Юкона, неправильно интерпретировав реакцию Конана, — теперь она полностью разрушена.

— Это тоже подарили боги?

— В честь Кулунги, нашего предка. Это вуаль Джейры. Когда Кулунга прогнал кезатти, ганаки устроили праздник. Но Изат, расстроенный смертью своих детей, пролил слезы. Торжественный пир был испорчен. И тогда Джейра, та, что ненавидела Изата, как никто другой из богов, сделала нам подарок — вуаль, — защитив тем самым от Изатовых слез.

Конан изобразил притворный интерес. Ясно, что старику невдомек было настоящее происхождение тряпицы. А что, если знали всю правду, но умышленно скрывали ее от народа? Конан решил избавить Юкону от дальнейших расспросов. Однако из ятабы он выудит все.

Во что бы то ни стало он покинет Ганаку и вернется в хайборийские пределы, где непременно избавится от заклятия шамана. Чем скорее он это сделает, тем лучше. Хватит кошмарных снов. В ближайшее полнолуние он устроит здесь такую мясорубку, после которой даже кезатти покажутся ганакам ангелами.

Когда-то сюда причалили корабли, возможно, столетия назад. Но даже древние мореплаватели вели бортовые журналы или уж по крайней мере имели морские карты. Найти бы путь на материк — и полдела сделано.

Другие полдела — до него добраться!

ГЛАВА 13

ПЕСНЬ РАКУШЕК

Гомба застонал, силясь подняться с мягкого ложа из листьев и мха. Тело его было сплошным кровавым месивом. Разноцветные мази покрывали бесчисленные порезы, а к голове были приложены целебные травы, черневшие корками запекшейся крови.

Ятабе хватило лишь одного взгляда, чтобы понять: дело серьезное. Гомба потерял так много крови, что выглядел бледнее чужестранца. Даже сок ягод гурунди не мог остановить кровотечения. Вероятно, его страдания были наказанием, назначенным богами за дерзость и неповинование.

И все же Гомба поправится. Может быть, даже поумнеет. Он вырос на его глазах: упрямый мальчишка с острым умом и не менее острым языком. Он всегда добивался своего, до тех пор пока Юкона не запретил их брак с Шейрой.

Тогда Гомба решил заслужить расположение старика. И без того не по годам развитый юноша изнурил свое тело сверх всяких пределов выносливости. Когда Юкона просил своих воспитанников обежать семь раз вокруг деревни, Гомба обегал двенадцать или четырнадцать. С сумерками, когда остальные воины разбредались по своим хибаркам, Гомба шел к старикам и приставал с расспросами, впитывая знания, как песок воду.

Гомба был терпелив. Он снова обратился к Юконе, на этот раз в полном соответствии с ганакским обычаем. Шейра просила вместе с ним. Однако Юкона была непреклонен.

С того самого дня они сделались злейшими врагами. Разгневанный юноша немедленно вызвал старика на гануту. Однако ятаба запретил тогда поединок, объявив, что прежде Гомба должен испытать себя в битве с кезатти. Потом старая раниоба назначила Шейру своей преемницей. Брак стал невозможен, ибо раниоба не могла состоять в связи с мужчиной. В действительности, заняв этот пост, Шейра утратила некоторый интерес к возлюбленному, и тот, казалось, смирился. Он замкнулся в себе, становясь с каждым днем все мрачнее. Единственное, к чему он проявлял энтузиазм, – так это к физическим упражнениям, и тут он безусловно преуспевал.

Ятаба печально взглянул на умирающего сына, и по щеке его скатилась слеза. Никто в деревне не знал его страшной тайны: вождь и духовный лидер был отцом Гомбы. И боги прокляли его за обман. Из-за его молчания Гомба страдал теперь, как ни один ганак.

Гомба был зачат как раз накануне его становления на пост ятабы. Он проявил слабость в ту безумную ночь, и теперь боги его наказали.

Старики говорили, что куомо делает мужчин восприимчивыми к коварному нашептыванию Анамоби – богини Луны, что покровительствует всем влюбленным. Однако в ту ночь у нее не было необходимости шептать ему на ухо, ибо красота Нионы говорила сама за себя. Он влюбился, как мальчишка, он, который вот-вот должен был стать ятабой – духовным лидером ганаков! Ятаба, вступивший в связь с женщиной, терял большую часть силы – способности управлять духами, что обитали в ракушках из его ожерелья. Да и Ниона была не в лучшем положении. Она была раниобой, и поэтому стать женой ятабы означало для нее назвать имя преемницы и отказаться от выбранного пути.

После их ночи она исчезла в запретных землях. Луна убыла, исчезла и вновь стала полной, прежде чем попытки ее отыскать прекратились. Запретные земли ее поглотили.

Когда он увидел ее в следующий раз, он уже был ятабой. Он не помнил своего имени, оно стерлось из его памяти, словно след во время дождя. Так было всегда со временем первого ятабы. Но ему никогда не забыть той ночи, когда она вернулась. В ту ночь одна женщина родила ребенка, болезненного малыша с явными признаками истощения. До самой полуночи он колдовал над младенцем, используя каждую травинку, каждую целебную ягодку, каждую молитву, что только могли помочь. Но боги определили судьбу новорожденного, забрав к себе на небеса.

И в ту безлунную ночь Ниона бесшумно проскользнула в его хижину. Она держала на руках грудного ребенка... их сына Гомбу.

Ниона попросила отдать малыша родителям мертвого мальчика, и ятаба согласился. После коротких, скорее горьких объятий она забрала другого младенца и исчезла опять. Ятаба гадал, что с ней стало потом. Пала ли она жертвой лесных чудовищ, или же выстроила среди деревьев секретный дом? Иногда ему казалось, что она все еще жива, что она по-прежнему приходят на край деревни посмотреть на него, на отца ее малыша.

Ятаба прикрыл лицо влажными ладонями, его сердце разрывалось под тяжестью неизгладимой вины. И этот груз с каждым днем становился все тяжелее. Неужели обрушившиеся на ганаков несчастья были наказанием за его грехи? Если так, то кровь его народа будет вечно краснеть на его руках. Ятабу знобило, несмотря на то что в его хижине было довольно тепло. Сгорбившись, он опустил свои ладони на горячий лоб Гомбы.

— Ты был прав, сынок. Я всего лишь старый дурак. Да простят меня боги!

Ятаба закрыл глаза и зажал в кулаке ожерелье из черных ракушек. Столько времени прошло с тех пор, когда он последний раз вызвал духов ракушек. Они слушались лишь вождя, а секреты самого ритуала были известны только ятабам. Из поколения в поколение они передавали их своим преемникам.

Освободившись от мыслей, вихрем кружившихся в голове, он стал дышать ровно, постепенно замедляя стук сердца. Разговор с духами чем-то напоминал детскую игру, в которой ловко запущенный плоский камешек долго подпрыгивал на воде и мог ускакать далеко-далеко, если море было спокойным.

Однако ятаба не швырял камни. Он посыпал слова, свои мысли, по безбрежному океану сознания. Сосредоточившись, он отыскал свой внутренний голос и зашептал, обращаясь к ракушкам. Его мысли подпрыгивали, и вращались, и улетали все дальше, по мере того как давление пальцев усиливалось. Он замер, прислушиваясь к слабому эху, доносившемуся как будто из ниоткуда.

Вот оно! Его услышали. Руки покалывало, словно от укусов сотен муравьев. Многоголосый гул — песнь черных ракушек — вырвался из его кулака и разнесся по всему телу, заглушая все прочие звуки.

Рот Гомбы приоткрылся, и из груди его вырвался стон. Ятаба сдавил ожерелье с такой силой, что костяшки его пальцев побелели. Пот заструился по лицу, а вены на висках вздулись от напряжения. Духи проснулись, их песнь звенела в ушах невыносимо громко, и ятаба с трудом подавил в себе желание открыть глаза. Дети Мухинго не любили, когда их тревожат. Песнь оборвалась так же неожиданно, как и началась. Духи не желали слушаться, а значит, он должен был попытаться опять.

— Во имя Азусы, солнечного бога, явитесь же ко мне! — С этими словами он так яростно сдавил ожерелье, что одна из ракушек раскололась, острые осколки больно вонзились в ладонь.

Внезапно в комнате воцарилась тишина, и перед ним предстали духи. Они явились в виде расплывчатых прозрачных фигур и сверкали, точно утренняя роса. Их формы постоянно менялись: из высоких и худых они становились квадратными, потом вдруг закручивались спиралью, превращались в подпрыгивающие шары или во вращающиеся овалы.

— Давно это было, когда ты последний раз посмел нас будить. Скажи, что тебе нужно! — Их журчащие голоса удивительным образом раздавались прямо в мозгу.

— Исцелите раны Гомбы, который лежит перед вами. Умойте его своей водой и воскресите к жизни!

Кувыркаясь и расслаиваясь, духи заговорили опять:

— Знай, что ты нарушил слово, данное тобой Азузе! Ты связался с женщиной по имени Ниона.

— Это было давно, — возразил ятаба.

— С тех пор мы не обязаны подчиняться Азузе. Однако во имя его любимца Мухинго мы выполним твою просьбу. Знай также, что только один лишь раз мы сможем прийти к тебе, и то если просьба твоя ублажит Мухинго.

Духи слились в один поток, вихрем закружились над Гомбом и затем неожиданно исчезли.

Тяжело дыша, ятаба уселся на пол, обхватив руками колени. В ушах по-прежнему звенело. Он посмотрел на сына, раны которого затягивались, а рубцы бледнели прямо на глазах. Обнаружив, что его рука все еще сжимает ожерелье, он расслабил пальцы и посмотрел на пораненную ладонь. Осколки раздавленной ракушки застряли в коже, из десятка маленьких порезов струилась кровь.

Гомба заворочался на своем ложе и, приоткрыв глаза, посмотрел на ятабу неизвестным взглядом.

Старик улыбнулся и погладил его по голове.

— Спи, сынок, все будет хорошо. Забудься и излечи свою душу.

Юноша закрыл глаза и вскоре задышал глубоко и ровно, погружаясь в здоровый сон.

Ятаба посмотрел куда-то вдаль и, словно разговаривая с самим собой, промолвил:

— А что касается меня, то моя ночь будет долгой. — Он очистил ладонь от осколков и отер кровь влажными листьями.

Он тяжело поднялся на ноги и расправил плечи. Ганакам нужен новый ятаба, молодой и сильный, а не трусивый и запуганный. Зевнув, он вышел из хижины, чтобы присоединиться к ужину и послушать историю чужестранца.

Сегодня ятаба примет решение, от которого будет зависеть, выживут ганаки или же сгинут навсегда.

Юкона ерзал на своей скамейке. Он чувствовал невыносимую усталость.

Они с Конаном заканчивали рассказ о своем бегстве из запретных земель. Ятаба и остальные старики внимательно слушали.

— ...И когда я увидел Конана, его душа покинула тело... или все-таки это были две души?! — Он приложился к своему кокосу, осушая каждую каплю сладкого куомо. — Если, конечно, какой-нибудь трюк запретных земель не обманул мои старые глаза. Клянусь, Конан, ты отbrasывал две тени: одну в виде тебя и другую... э-э... в виде чего-то еще. Или это нормально для людей твоего народа?

Конан заволновался.

— Две тени?.. Нет, не может быть! Наверное, как ты сказал, это была всего лишь игра

солнца. – Он небрежно отхлебнул из своего кокоса. Напиток был приятным, таким же душистым и крепким, как зембабвийское кокосовое вино.

Юкона задумался.

– Оно было огромным, выше любого ганака. Его голова была уродливой, а руки свисали до самой земли. Ноги короткие, но толстые. Это был скорее зверь, чем человек. И я бы не хотел повстречаться с существом, которое отбрасывает такую тень. – Юкона схватил со стола новый кокос и сделал долгий глоток.

Неожиданно лицо ятабы сделалось каменным, а голос жестоким, он испытующе посмотрел на киммерийца.

– Нет, Юкона, то, что ты увидел, не было трюком. Когда я увидел тебя впервые, Конан из Киммерии, я увидел зверя. Он притаился в твоих глазах, корчась от яркого взгляда Азусы.

Конан напрягся. Пальцы инстинктивно сжали рукоять меча, который привычно болтался на поясе. Как оказалось, ятаба не был шарлатаном. Каким-то образом он раскусил заклятье шамана. Оно ничуть не ослабло и, несомненно, затаилось внутри, ожидая нового полнолуния. Конан похолодел от одного лишь воспоминания о страшной обезьяне, в одну ночь вырезавшей экипаж корабля.

Но тут его озарил лучик надежды. Ятаба говорил, что лечит раненых. Он был духовным лидером ганаков – в своем роде шаманом. Кто знает, вдруг он сможет его расколдовать?

Словно не заметив его испуга, ятаба продолжал:

– Зверь живет внутри каждого человека. Новорожденный в большей степени чудовище, чем любой из нас. Боги делают наш дух сильным, чтобы противостоять звериным инстинктам. Силу свою мы черпаем от зверя, но разум – от богов. Именно этот баланс отличает нас от животных, таких, например, как кезатти, в которых доминирует звериное начало. Но о них мы поговорим позже, после того как обсудим мое предложение. И ты, Конан из Киммерии, играешь в моем плане немаловажную роль. Один раз ты уже сражался бок о бок с нашими воинами, хотя и не должен был нам ничего. И теперь от имени своего народа я снова прошу тебя о помощи. С тобой связана наша последняя надежда!

Взгляды остальных ганаков тут же устремились на Конана.

Внезапно Юкона вскочил на ноги, его глаза сверкнули.

– Во имя Азусы, неужели ты потребуешь от него этого? Он уже помог нам однажды, хотя мы и не были его родней. И чем мы отблагодарили его за это? Тем, что украли его оружие и бросили одного...

– Ты бросил его, – поправил ятаба, – как вождь наших воинов, ты ответственен за случившееся.

Юкона покраснел и вжал плечи:

– Я признаю свою вину! Но своей просьбой ты не оставляешь ему выбора. Конан – доблестный воин. Если он откажется, то потеряет свою честь, а если согласится, то обречет себя на верную гибель. Ты загнал его в угол!

Теперь ятаба тоже встал. Он был даже выше, чем Юкона, а тяжелый пронизывающий взгляд придавал ему еще больше внушительности.

– Конан из Киммерии, ты во всех отношениях такой же великий воин, что и любой ганак, когда-либо живший на земле. Мои люди верят, что ты послан к нам самими богами. Черные тучи судьбы сгущаются с каждым днем и не ровен час разразится в убийственном штурме. Сейчас, как это было уже в нашем прошлом, один человек может изменить все.

Как духовному лидеру, мне известно многое из того, чего не ведают даже самые старые

из вас. Каждому ятабе доверены тайны. И сегодня, ради спасения моего народа, я нарушу клятву, данную мной старому ятабе. Этой ночью я открою вам тайну запретных земель!

Ибо в этом трижды проклятом месте лежит то, что может оказаться нашей последней надеждой на спасение. Хотя должен предупредить, что зло, которое там затаилось, намного страшней любой угрозы кезатти. С твоей помощью, Конан, мы можем обрести то, что было утеряно много веков назад... то, что наделено властью изгнать наших врагов навсегда.

Конан подался вперед, сердце его заколотилось. В го-Лосе старики звучали гипнотические нотки, заставившие его вслушаться. Глаза ганаков заблестели в лучах заходящего солнца, и даже Юкона застыл на месте, позабыв про недопитый куомо.

Ятаба плавно обошел вокруг стола, перебирая свое ожерелье.

— Давным-давно, еще до наших предков, Ганаку населяло племя великанов. Их язык и обычай были не такими, как у нас. В действительности даже землю свою они называли по-другому. Она называлась у них Рахамой. В центре Рахамы разливалось озеро. Вода его, освященная богами, была холодной и чистой, а в центре озера был фонтан. Они называли его фонтаном богов, ибо каждый, кто коснулся или испил той воды, никогда не болел и не старился.

В благодарность богам рахамцы выстроили вокруг него каменную стену, а камни исписали хвалой и молитвами. Это ублажило богов, и те наградили их многими поколениями изобилия. Рахамцы расселились по всему острову, живя без страха и забот, не зная ни болезней, ни голода. Кезатти их никогда не беспокоили, и мертвые земли тогда еще не существовали.

Рахамцы были настоящими мастерами камня. Они выстроили наружную стену, чтобы защитить свою деревню от шторма, который наслали на них завистливые боги. Немного спустя после этого три лодки приблизились к побережью. Они были огромными, намного больше наших пальмовых, и конструкция их была так же необычна, как и люди, что плыли на них через море. Они были невысокими, даже ниже, чем Конан, их кожа белая, как сок куомо. Их предводительницу звали Джайорой. Рахамцы с радостью приняли чужестранку и позволили искупаться в своем фонтане. Джайора искренне подивилась чуду, однако не захотела делить фонтан с дикарями.

В одну безлунную ночь Джайора и ее люди напали. Спящие рахамцы были убиты. Только нескольким дюжинам удалось спастись, они убежали в джунгли и нашли прибежище как раз в том самом месте, где стоит теперь наша деревня. К ним присоединилась часть чужестранцев, те, что были недовольны предательством Джайоры...

Ятаба прервался, чтобы отхлебнуть куомо. Его аудитория была зачарована. Шейра и несколько ее охотниц расположились за стариками и, сидя на корточках, слушали с открытыми ртами. Ятаба намеренно повысил голос:

— Дети тех беглецов были нашими первыми предками!

Шепот изумления пробежал по скамьям. «Во имя Азусы!» — слышалось со всех сторон. Потом толпа снова стихла.

— Без своего чудесного фонтана рахамцы ослабели, начали стариться и умирать. Но хуже всего было то, что Джайора осквернила их стену, уничтожив молитвы и начертав вместо них проклятия. На воротах в стене ее люди изваяли образ жестокой богини и замуровали все остальные входы.

Рахамцы молили Джайору о пощаде, однако та убивала всякого, кто заходил в ее крепость. Тогда рахамцы взмолились своим богам, и те их услышали, но сил их хватило

только на то, чтобы отравить фонтан. Люди, что пили из него воду, превращались в чудовищ, которые беспрестанно дрались и пожирали друг друга.

Отравленная вода просочилась в почву, и с тех пор там ничего не растет. Чудовища же разбрелись и населили окрестные джунгли. Рахамские боги потом как-то пытались восстановить фонтан, однако Джайора, которая превратилась в зверя последней, возвзвала к своей богине, и та за нее заступилась. Заручившись поддержкой завистников, она напала на рахамских богов, и в этом столкновении обе стороны погибли. Фонтан засох. А что стало с перевоплощенной Джайорой, никому не известно.

Конан не смел шелохнуться, заинтригованный рассказом ятабы. Происхождение замка в лесу стало понятным. Но откуда же все-таки взялась эта Джайора? Какая из хайборийских рас была низкорослой и бледнокожей? Ответ был где-то рядом, однако для полной разгадки не хватало одного маленького ключа.

Рахамцы не пытались вернуться в свою старую деревню. Чудовища расплодились по джунглям, да и новые беды сыпались на их головы одна за другой. Они стали называть себя ганаками, что означало – «дети камня». Однако они забыли свое искусство, так как люди Джайоры были слабы и ленивы. Наступили тяжелые времена, усугубленные появлением кезатти. Когда они впервые напали на деревню, их было немного. Однако они возвращались снова и снова, их число росло. Тогда ганаки взмолились богам, но услышаны не были, ибо старых рахамских богов уже не существовало.

Большинство чужестранцев поклонялось богу, которого они называли Азурой. Их бог не был ни плохим, ни хорошим. Но некоторых своих людей Джайора заставила продать свои души Кхатар – богине смерти. – Ятаба указал на старика, чье тело было расписано желтыми треугольниками. – Те из вас, которые являются их потомками, носят эти знаки, чтобы уберечь от нее свои души. Кхатар не слышит молитв, если те не сопровождаются криками жертвы на пыточном алтаре. Что же касается Азуры, то тот вникает лишь голосам жрецов, ни одного из которых не было среди людей Джайоры. Наши предки были бы обречены, если бы за них не вступил бог войны Мухинго.

Конан чуть не поперхнулся своим куомо. Азура... не означало ли это Ашура? Так назывался бог, почитаемый в Вендии! А ятабина Кхатар наверняка была Катар – вендийская богиня зла. Конан бывал когда-то в этих землях. Вендия лежала во многих милях к востоку от Иранистана, и хотя земли ее простирались до самого южного океана, она вовсе не считалась великой морской державой. Конан сомневался, чтобы она располагала хоть одним мало-мальски приличным портом. Ее народ и обычай были странными. Похоже, что Джайора действительно была вендийкой, а Ганака – всего лишь одним из островов мистического архипелага, примыкавшего к западному побережью. Но это значило, что он дрейфовал не одну сотню миль, после того как спасся с тонущей «Мистрисс». Конан сконцентрировал все внимание на ятабе, готовясь услышать новые сенсации.

– Однажды ночью он явился нашему первому ятабе и поведал о том, что кезатти были детьми его младшего брата Изата. Он рассказал также о всемогущем Атабе и о солнечном Азуре, которые были сильными и добрыми богами. Они были весьма опечалены тем, что их сын причинил столько горя ганакам, однако запретили Мухинго убивать кезатти. Желая хоть как-то помочь людям, Мухинго передал это, – ятаба указал на свое ожерелье, – со словами: «Ты поведешь своих людей по пути Азузы. За это я дарю тебе кабукру. Выбери одного из своих воинов и сделай его вождем ганаков. Прикажи духам кабукры защитить его от кезатти. Пусть он соберет своих воинов и плывет на Араву, где одержит над птицами победу. С

помощью кабукры ты будешь лечить больных и воскрешать умирающих, но запомни: души ракушек будут служить тебе до тех пор, пока ты следуешь путем Азусы!»

— Неужели мы свернули с его пути? — не выдержал Юкона.

— Думаю, что да. Это случилось очень давно, когда наш первый боевой вождь состарился и умер. Тогда наши воины уничтожили друг друга в борьбе за его место, и остался один лишь Кулунга. Я уже рассказывал вам, как с помощью атланги он прогнал кезатти, и до сегодняшнего дня они не смели нападать на деревню.

— Но как же насчет древнего пророчества? Вернется ли он снова? — взволнованно зашептали ганаки, их взгляды с надеждой устремились на ятабу.

Старик глубокомысленно помолчал и затем торжественно продолжил:

— Да! И именно поэтому я попросил Конана о помощи. Но начну по порядку... Когда я сказал вам, что Мухинго забрал Кулунгу на небо, я повторил ту ложь, которую рассказывал каждый ятаба до меня. Сегодня я открою вам правду, хотя тем самым нарушу клятву, данную мной моему предшественнику... — Старик часто задышал — видимо, ему нелегко было об этом говорить. — Нет, Кулунга не вознесся на небо. Прогнав кезатти, он отправился в запретные земли. Только ятаба знал об этом и не хотел его отпускать. Но избранный не послушался. Он мечтал отыскать фонтан и восстановить деревню. Отец и мать Кулунга были коренными рахамцами, и они воспитали в нем мечту увидеть старые стены. Он надеялся, что атланга поможет ему разделаться с тварями, обитавшими в самом сердце джунглей. Кулунга вошел в крепость... и с тех пор его никто не видел.

— Но почему от нас это скрывали?! — требовательно спросил узколицый ганак, его глаза пылали негодованием.

Ятаба пожал плечами:

— Не знаю... Возможно, потому, что люди ятабы и так много страдали. Жестоко было бы лишать их последней надежды.

Старики снова зашумели, пока выкрик киммерийца не заставил их смолкнуть.

— Хватит, во имя Крона! Скажите, что я должен сделать, и вы получите мой ответ.

Ятаба нахмурился:

— Атланга находится там, где ее последний раз сжал Кулунга, — за стенами старой крепости. Только ты и Юкона видели древний замок. Однако Юкона — наш последний воин и должен остаться здесь. Если духи меня услышат, они защитят его от кезатти.

— Тогда почему не пойду я? Пусть Конан охраняет деревню.

Ятаба покачал головой:

— Нет, Юкона. Только избранный может коснуться атланги. И я верю, что Мухинго послал нам Конана. Избранник Кулунги — Конан из Киммерии.

Конан чуть не расплескал свой куомо; он поставил кокос на стол и поднялся со скамейки.

— Я все понял. Вы хотите, чтобы я прогулялся в джунгли и раздобыл вам атлангу. Во имя Крома! Так бы и говорили сразу!

Он повернулся к ятабе.

— Я иду, но сначала ты должен поклясться, что попросишь свои ракушки изгнать из меня зверя, которого ты видел в моих глазах.

Ятаба сжал свое ожерелье. Понравится ли это Мухинго? Послушаются ли духи на этот раз? Этого он не знал. Но знал, что не должен был колебаться. У него не было другого выбора, кроме как выполнить просьбу Конана. Его большие черные глаза встретили горящий

взгляд киммерийца.

— Клянусь Азузой, солнечным богом, а также Атабой, богом всех богов, что прикажу кабукре очистить твою душу.

— Тебе не придется идти одному! Я и три моих девушки будем тебя сопровождать, — раздался знакомый голос. Это была Шейра.

— Ты нужна нам здесь, — холодно возразил ятаба.

— Если погибнет Конан — погибнем мы все. Кроме того, я раниоба и могу сама за себя решать.

— Что ж, пусть будет так, — вздохнул ятаба.

— Отправимся утром, — усмехнулся Конан, хлопнув по рукоятке меча. Он посмотрел на Шейру, которая уже отдавала распоряжения своим охотницам. Необычайный рост девушки придавал ей столь экзотическую красоту, что варвар находил ее даже более пьянящей, чем куомо. Она обладала силой и женственностью — качествами, которые восхищали Конана в любой женщине. Он знал, что Шейра не подведет в лесу, когда им придется столкнуться с пауками или тварями еще похлеще.

Вообще-то он решил войти в крепость независимо от обещаний ятабы. Там, за стенами, были вещи Джайоры, в том числе старые морские карты. С их помощью он отыщет дорогу на материк. Да и рубины в стене не давали ему покоя. Такие камушки в городах стоили бо-о-ольшущих денег.

Улыбнувшись, он похлопал Юкону по плечу и отправился спать. Теперь у него не оставалось сомнений в том, что очень скоро его судьба изменится.

ГЛАВА 14

ВУГУНДА

С восходом солнца листва начинала сверкать и переливаться, точно изумруды. Конан с удовольствием вдыхал сырой, пропитанный морем воздух, чувствуя себя освеженным после ночи хорошего крепкого сна и аппетитного завтрака из рыбы панги. Его не мучила головная боль, которую он ожидал заработать в результате своего чрезмерного увлечения куомо, не ныли помятые ребра. Одним словом, не считая слабого жжения в лодыжке, в том месте, где ее зацепили паучьи щупальца, он чувствовал себя как заново родившийся человек.

Ятаба стоял у холма и что-то обсуждал со стариками. Он выглядел уставшим. Похоже, он не имел возможности высаться так, как Конан, если, конечно, вообще ложился спать.

— А эта ваша атланга, она тоже сделана из камня? — спросил варвар, поравнявшись с ганаками. Он с удовольствием снял с бедра меч и сделал в воздухе росчерк, отчего лезвие засверкало.

— Никто из ныне живущих ганаков не видел атланги, — задумчиво ответил Юкона и посмотрел на лидера.

Ятаба потер припухшие глаза и тщательно проморгался.

— Юкона прав. Однако, думаю, ты без труда ее узнаешь. В наших легендах она описана детально: длинная, как рука человека, загнутая, как клык змеи, и цвета, как море в безветренный день. Камень, из которого ее выковал Мухинго, невозможно встретить на земле, поэтому лезвие атланги острее любой нашей ракушки.

Конан попытался представить себе такое оружие. В жизни ему не приходилось видеть ничего подобного, и он даже засомневался в его существовании. Варвар по опыту знал, что рассказчики любили приукрасить свои истории, так что описание любой вещи могло обрасти неправдоподобными деталями. Даже мудрецы и книгописцы частенько перевирали факты, зная, что молчаливая правда истории надежно спрятана под пыльными плитами над могилами тех людей, которые когда-то эту историю совершили. Конан так же верил в возможность отыскать атлангу, как и в то, например, что она изготовлена из берцовой кости Митры.

Конан обернулся, заслышав за спиной чьи-то легкие шаги. Прямо позади него Шейра стояла с тремя ганаками, все девушки скромно улыбались.

— Кром! — прошептал киммериец. Они ступали так же бесшумно, как кошки по толстому ковру. В былые времена он мог только мечтать о таких компаниях.

— Ну что, Конан из Киммерии, готов ли ты прогуляться с нами в мертвые земли? — В голосах охотниц звучало явное заигрывание.

Конан усмехнулся, но решил поддержать игру:

— Я был готов еще вчера. Какого дьявола вы так долго возились?

— Мы проснулись давно, еще до того, как лик Анамоби растворился в небе. Аврана, Канитра, Макиэла и я приготовили в дорогу припасов. Звери и травы в запретных землях не всегда пригодны в пищу.

Конану пришлось согласиться, его так и скрутило при одном только воспоминания о завтраке из паучьих яиц. Он принял натирать себя горстью ягод, которые ему передал Юкона. Варвар поморщился:

— Эта ваша отрава воняет хуже, чем заморийская выгребная яма. Не думал, что на земле могут встречаться такие растения!

Юкона усмехнулся:

— Ягоды тут ни при чем. Они лишь придают цвет. Основной же компонент мази — свежий помет птицы цацы, которая охотится в джунглях на мелких насекомых. Вот откуда берется запах. Этот запах способен отогнать большинство москитов и прочих кровососов, укусы которых приводят к болезни или даже смерти. Потерпи немного, и ты к нему привыкнешь.

Конан с сомнением оглядел свое размалеванное тело.

— Боюсь, что этот же запах может привлечь тварей куда более страшных, чем москиты. Ну да не важно, если это необходимо, я вынесу любое благоухание, даже это. А что действительно имеет значение — то, как скоро мы отправимся в путь. Думаю, мы должны вернуться к закату. Я не очень бы хотел провести ночь в джунглях.

Ответом было молчаливое согласие.

— Как там Гомба? — поинтересовался Юкона.

— Поправляется. Он сознает свою вину и стыдится своих поступков. Он пожелал Конану счастливого пути и скорейшего возвращения, — тихо соврал ятаба.

Юкона отвел глаза и ничего не ответил.

— А мы и не собираемся задерживаться, — сказал Конан холодно; он до сих пор не мог простить предательства Гомбы.

Закончив все приготовления, маленький отряд двинулся в путь. Впереди шла Макиэла — самая высокая среди девушек. За ней — Конан и Шейра. Аврана и Канитра замыкали процессию. На их бедрах болтались сумки с провизией. Сумки были изготовлены все из того же чешуйчатого материала, скорее всего шкуры угря или змеиной кожи.

Макиэла двигалась с грацией пантеры, отыскивая на земле следы, оставленные им и Юконой вчера вечером.

— Макиэла — наша лучшая охотница, — с гордостью сообщила Шейра.

Конан оценивающе посмотрел на великаншу:

— Отыскивать следы... Подумаешь, велика премудрость! В землях, граничащих с Киммерией, живут дики, называемые пиктами. Любой из них без труда выследит змею до самого ее логова. А проследить наш с Юконой путь — так и начинающий следопыт справился бы с такой задачей.

До сих пор находить следы было действительно несложно, однако следовало отметить, что Макиэла делала это так же быстро, как пикты, а что самое главное — была при этом намного симпатичнее.

Шейра широко улыбнулась:

— В свое время ты поймешь, что я имела в виду. Естественно, что ты гордишься своими людьми, так же, как и мы своими. Но ты еще слишком много не знаешь ни о нашей земле, ни о нашем народе.

Они давно уже пересекли границу деревни и теперь уверенно шагали за Макиэлой, которая все время шла впереди, в нескольких шагах от Шейры и Конана. Две другие охотницы выстроились по бокам и постоянно изучали окрестности. Джунгли казались подозрительно тихими; несколько змей, которые им повстречались, были вялыми, а зачастую и вовсе спящими, и только птицы иногда покрикивали.

— Мы наберем яиц ананси, сразу как только встретим. Ананси не водятся в этой части

джунглей, так как боятся света. Дальше нам надо быть осторожнее.

— Кроме ананси, я не встречал других тварей, которых стоило бы бояться. Вряд ли кто-то еще может помешать нашему продвижению.

— Тебе просто повезло! Ананси сами являются пищей для хищников, еще более страшных. Держи свое оружие наготове, ибо наши собственные копья бессильны против крадунчиков.

— Крадунчиков?..

— Старики называют их вугундами. Вугунда нападает столь бесшумно, что жертва не успевает ее даже заметить. Они охотятся поодиночке, никогда не объединяются к стаи, как ананси. Раниоба, что была до меня, видела, как они дрались между собой: та, что была побольше — а самки крадунчиков всегда крупнее самцов, — заживо сожрала супруга. Старики говорили, что видели вугунду ростом в два раза выше Юконы.

— Зверя с такими пропорциями не заметит только слепой, — усомнился варвар.

— Но не крадунчика! Их тела, как...

— Тс-с... — Макиэла поднесла палец к губам и нахмурилась.

Конан огляделся вокруг, гадая, что же все-таки могло ее встревожить. Деревья пока что еще росли редко, и солнце проглядывало сквозь кроны. Они еще не вышли на ту тропу, которая вела в запретные земли.

— Вы слышали звук?.. — Голос Макиэлы был низким, как у мужчины, однако приятным и даже мелодичным.

Конан ничего не слышал, хотя, несмотря на болтовню с Шейрой, не переставал вглядываться и вслушиваться. Листва тихо шептала на ветру, а пузатые насекомые назойливо кружили...

— Я могу повести, — предложил Конан. — Я помню дорогу, да и как вы сами сказали, от вашего оружия сейчас не много толку.

Макиэла рассмеялась:

— Мужчина-чужестранец ведет раниобу и ее трех лучших охотниц по джунглям! Как вам это нравится? Нет, Конан из Киммерии, не стоит даже пробовать.

— Решения здесь принимаю я, — напомнила ей Шейра. — Будь он ганак, я бы с тобой согласилась. Действительно, наши мужчины в лесу, как дети. Однако Конан не первый раз в джунглях, и он уже видел древние стены. Пусть он ведет!

Не проронив ни слова, великанша пропустила Конана вперед и пристроилась за раниобой.

— Мы должны отыскать яйца ананси, пока не поздно.

— Я частенько встречал их на тропе. Птицы находят их весьма съедобными. — Варвар решил умолчать о своем собственном печальном опыте. Он был слегка раздражен насмешками Макиэлы и намеревался теперь доказать деревенщине, чего стоят киммерийцы. Конану доводилось участвовать в самых разнообразных экспедициях. И хотя в большинстве случаев флора и фауна чужих краев были не такими, как на его родине, он быстро адаптировался в любых диких условиях. В действительности в первобытном лесу он чувствовал себя больше дома, чем в переполненном городе. Обычные люди порой были страшней любых, самых дьявольских чудовищ, хотя и называли себя при этом цивилизованными. А бродить по темным городским улочкам было иногда опасней, чем по кишащим хищниками джунглям.

Стоило людям основать города, как они тут же выдумывали свои законы, порой

настолько запутанные и противоречивые, что путешественнику или чужестранцу с трудом удавалось в них разобраться. А наказания же за любой проступок были столь жестокими, что казались просто безумными с точки зрения здравого смысла. Сколько раз он покидал города, преследуемый стражниками за нарушение странных местных обычаев. Здесь же, в джунглях Ганаки, так же как и в степях Киммерии или пустынях Шема, он знал хорошо лишь один закон: выживает сильнейший. Конан был варваром и поэтому во многих отношениях был ближе к зверю, чем к человеку.

Полуденное солнце повисло в небе, точно огромная раскаленная добела головня в широкой голубой жаровне. Безжалостная жара превращала джунгли в пылающий зеленый ад.

Пот в три ручья лил с Конанова лица и бисером блестел на загорелом мускулистом теле. Так же как и девушки, он был почти голым. Еще с утра он подыскал себе длинный широкий лоскут змеиной кожи и превратил его в грубую набедренную повязку, причем сделал это не из каких-то там моральных побуждений, а из сугубо практического расчета. Под этим незатейливым нарядом он протащил в деревню рубины. Кроме того, зеленый чешуйчатый пояс служил для его меча чем-то вроде ножен.

Наряды Шейры и ее охотниц также были предельно просты. Узенькие пояса крест-накрест обивали их изящные талии, выставляя напоказ смуглые бедра. Скромные одеяния в джунглях были весьма удобны, ибо не стесняли движений и не усугубляли и без того невыносимую духоту.

Конан едва сдерживал восхищение. От пупка и до самой шеи тела девушек были абсолютно голыми, за исключением Шейры, которая носила ожерелье. Подобная манера одеваться была широко распространена в Пунте и Зембабве – землях к югу от Стигии. Природа тех королевств была столь же дикой, однако климат казался мягче. Эти же джунгли были так же невыносимы, как парная в турецкой бане.

Конан заметил, что ганачки потели меньше: их кожа только поблескивала в тех местах, откуда с него текло ручьем. Краска на его лице давно поплыла, однако от москитов по-прежнему защищала. Бритые затылки охотниц казались куда удобней его собственной черной гривы. Стряхнув с лица пот, варвар оглянулся назад и снова поразился восхитительному виду. Это даже хорошо, что он шел впереди, не замечая своих обольстительниц.

– Вот... – Он указал на гроздь шаров, свисавшую с соседнего дерева.

– Наконец-то! – облегченно вздохнула Шейра и приказала ганачкам остановиться.

Конан припомнил, как на этом участке пути часто встречал разных птичек. Сегодняшнюю тишину могло объяснить лишь одно – присутствие затаившихся хищников.

В тревожном лице Макиэлы отразились его собственные мысли.

– Эта тишина!.. Клянусь Азузой! Джунгли будто бы поджидают нас, как змея в траве, свернувшаяся кольцом и готовая в любую минуту прыгнуть.

– Прежде чем открыть рот, той змее придется познакомиться с моим мечом, – угрюмо проворчал киммериец.

– И с моим копьем! – решительно подхватила Канитра.

Макиэла вскарабкалась на дерево и стащила яйца вниз. С гроздью шаров в одной руке и с копьем в другой она ждала новых распоряжений раниобы.

Шейра махнула рукой, и отряд снова двинулся в путь.

Конан отметил про себя, что ракушечные ножи копий были отменно заточены, наверняка о специальный камень, наподобие того, что использовался на материке с той же целью.

— Груда костей лежит дальше. — Он жестом указал вперед. По мере того как они углублялись, он все больше внимания уделял веткам над головой. — Поосторожнее с паутиной, они набрасывают ее сверху.

Вообще-то Конан заметил, что стал бояться пауков гораздо меньше с тех пор, Как вернулся свой меч. Стальной клинок в этих лесах был так же незаменим, как коса во время жатвы. Что же его на самом деле беспокоило, так это мистические крадунчики — гигантского размера твари, при этом невероятно бесшумные. Хотя, впрочем, они были такими же созданиями из плоти и крови — и это весьма утешало. Реальная же опасность таилась там... за стенами мертвей крепости.

— Я вижу кости! — вскрикнула Шейра, когда тропинка свернула налево.

— Останки храбрых ганаков, которые так и не увидели старой деревни, — мрачно добавил Конан. — А вот и труп паутинщика, которого я прикончил.

Хотя с той ночи прошло уже почти двое суток, паук тем не менее выглядел все таким же чудовищным и ядовитым.

Шейра одарила Конана восхищенным взглядом, протянула руку и потрогала его внушительный бицепс.

— И ты справился с ним голыми руками? Юкона не преувеличил, когда назвал тебя могущественным воином! Вряд ли в деревне найдется ганак, равный тебе по силе.

Она взяла Конана под руку и зашагала рядом.

— Даже Гомба? — усмехнулся варвар.

— Бедный Гомба, — тихо вздохнула Шейра, но руку не убрала.

Наступило неловкое молчание, нарушающее лишь их собственным дыханием да шелестом листвы под ногами. Похоже, его насмешка обидела раниобу.

К счастью, Шейра заговорила снова:

— Возможно, по силе он тебе не уступит. Но ты, Конан... Ты намного мудрее, и за это он тебя ненавидит. Знаешь ли, когда мы хотели с ним пожениться...

Конан удивленно поднял бровь, но от комментариев воздержался.

— Я любила его и сейчас, возможно, люблю, — как сестра может любить брата. Но никогда я не стану его женой — только не после того, что случилось. Гомба доблестный воин, но его взгляды на жизнь, его видение того, что хорошо, а что плохо для его народа, — слишком упрощенные. А ведь он так упрям! Никогда еще не видела его таким угрюмым.

— Угрюмым? Кром, девочка, твой Гомба ворует мой меч, бросает меня на острове и, наконец, пытается убить твоего отца, — не выдержал Конан.

— Гомба вспыльчив. А мой отец всегда его ненавидел. Они оба упрямые, как пни. Да, он украл твое оружие, но из лучших побуждений: с помощью твоего меча он надеялся защитить деревню. Я верю, если бы не кезатти, вы бы могли стать друзьями.

— Мне не нужны друзья, которые меня бросают. И хватит об этом! — резко ответил варвар.

Дальше они шли молча.

— А правда, что, пока в небе сияет лик Азусы, ананси не нападают? — Вопрос Авраны прозвучал так неожиданно, что Конан вздрогнул.

— В такие места, как это, лучи Азусы не проникают, — мрачно заметила Макиэла.

И действительно, чем дальше они продвигались в джунгли, тем плотнее становилась тьма. Все реже клочки голубого неба показывались над головой. Конан нахмурился.

— Они были полны решимости сожрать меня с потрохами. Интересно, увидев свои яйца,

станут ли они прятаться или же просто пропустят нас, не трогая?

— Нам известно только то, что ананси не нападают на тех, кто несет их потомство, — тихо ответила Шейра.

— Стена деревьев должна быть где-то рядом. — Конан наклонился, изучая следы.

Отпечатки принадлежали Гомбе или Юконе, а может быть, тому и другому сразу. Изучив джунгли на предмет притаившихся хищников, он осторожно свернулся с тропы.

Нервное напряжение охватило ганачек, когда они нырнули во тьму, в которой только что растворился их проводник. С каждым шагом заросли становились гуще. Листья и ветки беспорядочно переплетались до тех пор, пока не превращались в сплошную мокрую массу зелени. Ухудшение видимости значительно замедляло дальнейшее продвижение.

— Джунгли не были столь дремучими. Боюсь, что мы заблудились... Хотя постойте, что это? Ха!.. Это же место, где валялся Юкона! Мы на верном пути, клянусь Кромом! Смотрите, вон там я пролез через стену. — Конан указал на пару деревьев, между стволами которых был зажат труп паука. Он спрятал яйца ананси в складки юбки, служившие чем-то вроде кармана, — сюда же он собирался спрятать алмазы. Остальные яйца Аврана и Канитра распределили по своим сумкам.

Освещенность улучшилась. Конан сделал еще несколько шагов, как вдруг неожиданно замер. Шейра и Макиэла застыли за его спиной.

Прямо перед ними лежал труп огромного паутинщика, едва заметный в сумеречной тьме. Он напоминал обезглавленный мешок с костями, так, как будто бы кто-то или что-то высосало все его внутренности. Ни брюшко, ни шея вспороты не были, все выглядело так аккуратно, как если бы тут потрудился топор палача.

Киммериец присвистнул:

— Боги небесные, кто же мог это сделать?

Шейра жестом приказала ему замолчать.

— Не знаю, — тихо прошептала она, — и надеюсь никогда об этом не узнать.

Аврана поддела труп копьем, сморшившись в отвращении. Суставчатая фаланга безвольно повисла в воздухе. Девушка опустила оружие, позволив безобразной клешне соскользнуть на землю, и вытерла острие о траву.

— Вперед, — скомандовал Конан, — чем быстрей мы попадем на поляну, тем лучше.

Добежав до деревьев, Конан высоко подпрыгнул, хватаясь за толстую ветку. Вскарабкавшись на сук, он махнул девушкам.

Шейра и Макиэла старались как могли, хотя было очевидно, что ганачки не привыкли лазать по деревьям.

— Осторожно! — вдруг крикнула Макиэла, указывая на предмет, висевший у Шейры над головой.

Конан проследил за ее взглядом: с ветки свисало тело другого паутинщика, также обезглавленного и выеденного изнутри. Ноги его слабо покачивались, хотя не было никаких сомнений в том, что паук мертв.

Киммериец оглянулся вокруг в поисках следов борьбы или по крайней мере крови. Ничего... Работали чисто, без шума и пыли. Несмотря на страшную духоту, по спине варвара пробежал холодок. Этот потрошитель ананси был, по всей видимости, мастером маскировки — коварным неуловимым чудовищем с демонической жестокостью.

Жирная вонючая капля шлепнулась на ладонь. Кром! Свежая кровь! Труп паука раскачивался, вопреки полному отсутствию ветра!

— Быстро за мной! — рявкнул он вниз. Глаза варвара сверкнули голубыми факелами, а пальцы нашупали рукоятку меча.

Без лишних промедлений Аврана и Канитра вскарабкались вслед за остальными.

Стиснув зубы, Конан попытался протиснуться в узкую щель между стволами. Тщетно, проем был слишком узок. Уперевшись спиной в одно и ладонями в другое, он попробовал развести деревья в стороны. Шейра отдала свое копье Макиэле и также уперлась в стволы. После целой вечности усилий зеленые исполины дрогнули, уступив чудовищному напору связок и костей.

Макиэла нырнула в проем первой, кубарем покатившись по песку после приземления. За ней прыгнули Аврана с Канитрой.

— Быстрей! — прорычал Конан сквозь стиснутые зубы, руки его тряслись от напряжения.

Как только Шейра порхнула вниз, Конан выпустил стволы и полетел следом, деревья за ним с шумом сомкнулись.

Они приземлились спиной к спине, крутясь и кувыркаясь, чтобы смягчить падение. Шейра вскочила на ноги первой и сразу наградила Конана очаровательной улыбкой, от которой брови киммерийца, почти сросшиеся на переносице, чуть расступились.

Все пятеро погрузились в напряженное молчание, подавленные мрачным видом огромного каменного сооружения, возвышавшегося впереди. Как по волшебству, его потрескавшиеся стены в точности повторяли форму живого забора по периметру поляны, а старые обломанные зубцы поднимались до самых макушек деревьев. От того места, где они стояли, крепость находилась на расстоянии броска камня. Конан поспешил отвел глаза, прежде чем успел вспомнить, что коварное изваяние находилось на другой стороне стены.

— Старая крепость! — прошептала Шейра благоговейно. — Построенная нашими... Ой! — Макиэла налетела на нее и, зажав рот рукой, повалила на землю.

Конан заморгал от удивления. Должно быть, ганакская охотница услышала что-то подозрительное. Он выхватил меч и огляделся вокруг.

Со звуком, не более шумным, чем шелест травы или дыхание ветра, гигантская тварь свалилась откуда-то сверху. В первый момент Конан даже подумал, что это часть дерева: тело чудовища имело подобный темно-зеленый оттенок, а многочисленные конечности напоминали по форме ветви. Огромное брюхо по толщине превосходило рост киммерийца и резко переходило в короткую тонкую шею. Четыре длинные задние ноги упруго спружинили падение. Полупрозрачные зеленые крылья бесшумно били по воздуху, неся, насекомое к его жертве.

Маленькие передние лапки были кротко сложены на брюхе в чудовищном передразнивании послушника, молящегося своему богу. Кинжалообразные иглы ощетинились по всей их длине, когда насекомое раскрыло ручки капканом и устремилось прямо на Конана. Однако чудовищней всего была его голова; слюнявая коническая антenna завращалась на лбу меж луковицами глаз. Эти огромные сетчатые глазищи зловеще переливались на солнце и, казалось, одним только взглядом высасывали из жертвы кровь.

— Крадунчик! — вскрикнула Шейра, выхватывая из-за пояса нож.

Вугунда атаковал со скоростью падающего ястреба. Меч Конана рассек воздух над его головой, однако маленькие лапки блокировали удар. Закаленная сталь со звоном отскочила от них, как если бы обрушилась на алмазную плиту. Капкан захлопнулся так стремительно, что Конан не успел моргнуть и глазом. Шипы зацепили плечо, чудом не задев головы. Звук от хлопка зазвенел в ушах сотней колоколов.

Крадунчик отпорхнул назад и опустился на землю. Скорость, с которой он совершал свои маневры, была поразительной, и это вопреки тому, что ростом он был с племеннью лошадь и, пожалуй, в два раза больше в длину. Голова крадунчика плавно покачивалась на тонкой шее, а длинная антenna отвратительно подергивалась из стороны в сторону, пока насекомое измеряло расстояние до Конана. С быстротой молнии оно атаковало снова.

Конан отчаянно выругался и выставил вперед меч. Шипы оцарапали лицо. Втянув голову в шею, варвар едва избежал смертельных объятий стальных рук. Однако поднятый над головой меч прочно застрял в могучих тисках вугунды. Не на шутку испугавшись, Конан дернулся за рукоятку изо всех сил; впрочем, с таким же успехом можно было бы вытаскивать нож, заклиненный между каменными жерновами.

Канитра и Аврана уже оправились от страха и теперь прыгнули вперед, тыкая в круглое брюхо копьями и ножами. Желтая кровь оросила землю, капая из дюжины ран пронзенного насекомого, которые, правда, были для него столь же опасны, как укусы комара для бегемота.

Чудовище разинуло пасть, испуская душераздирающий вой. Острые зубы сверкнули на солнце кривыми смертоносными рядами, способными за раз обезглавить ананси или человека.

Шейра и Макиэла напали с боков, не переставая раздавать удары ракушечными ножами.

Часто захлопав крыльями, насекомое поднялось в воздух за пределы Досягаемости копий и ножей.

Конан чувствовал, как земля медленно уходит у него из-под ног; немалый вес пассажира заметно усложнил насекомому взлет. В какой-то момент он даже решил выпустить меч, ожидая, что тварь выбросит клинок после того, как найдет его малосъедобным. Однако тут же осознал, что, пока клешни вугунды были заняты оружием, он располагал бесценным преимуществом. Продолжая держаться за эфес одной рукой, другой он вцепился в шершавую шею чудовища.

Бесшумные крылья махали тяжело. Однако упрямая тварь по-прежнему не хотела выпускать меч, по-видимому не подозревая, что стальной клинок вовсе не является частью ее жертвы. Наклонив голову, вугунда обнажил ряды своих смертоносных зубов.

А снизу Аврана и Канитра метали свои копья. Одно скользнуло по ноге Конана, вызвав поток страшнейших проклятий. Другое – пронзило крадунчика ниже живота, оставшись торчать из его спины. К сожалению, острие не задело тонкие крылья. Рыжая кровь закапала с древка обильным ядовитым дождем. Тем не менее строптивое насекомое продолжало свой подъем и было уже на полпути между землей и макушками деревьев. По мере их взлета Шейра и ее охотницы стремительно уменьшались, пока не превратились в коричневые пятнышки крошечного размера.

Если вугунда утащит его к себе на деревья, все, что ему останется, – так это попробовать высвободить копье и новым ударом прикончить чудовище. Хотя Конан сомневался, что насекомое отпустит меч даже после смерти.

Вскоре они оказались уже на уровне древних стен. Посмотрев вниз, Конан увидел осыпавшиеся руины рахамского селения. Прежде он думал, что внутри скрывается замок, но сейчас убедился, что крепостная стена всего лишь выполняла защитные функции для обычной туземной деревни. Овальная по форме, Б диаметре она значительно превосходила даже те, что окружали крупные цивилизованные города.

Несколько зданий сохранилось наилучшим образом. В центре деревни возвышался минарет, который он видел раньше. Он выглядел в виде правильной цилиндрической башни,

достаточно неширокой, однако достигавшей небывалой высоты. Пожалуй, с такого наблюдательного пункта можно было разглядеть весь остров. Не считая разрушенного шпиля, он казался почтой не тронутым беспощадным течением времени. Легендарный фонтан богов наверняка был замурован здесь.

Однако времени для дальнейшего изучения достопримечательностей не оставалось, Крадунчик не выказывал ни малейшего желания приземлиться, и даже, напротив, с умопомрачительным терпением продолжал свой подъем. Траектория их полета хаотично менялась, а ноги насекомого опасно задрожали. Неожиданно оно взмыло и выпустило меч.

Конан немедленно перебрался на ухабистую спину, словно пытаясь оседлать строптивое насекомое. Крадунчик отчаянно замахал лапками, всеми силами стараясь сбросить своего наездника. К счастью, руки его оказались слишком коротки. Конан ударил мечом по крылу, рассчитывая тем самым заставить вугунду спуститься.

Какой-то момент его план действительно работал. Тварь начала снижаться по непредсказуемой спиральной траектории. Потом вдруг она задрожала, крылья перестали биться, и они камнем понеслись вниз. Конан изрыгнул чудовищный поток проклятий, которые, впрочем, были тут же подхвачены ветром. Заткнув меч за пояс, он пригнулся и глубоко вдохнул. Зеленая стена деревьев неслась на него с умопомрачительной скоростью. Конан вытянул руки и подготовился к прыжку. Это был его единственный шанс, и теперь нельзя было ошибиться.

Как-то он видел подобный трюк в заморийском бродячем цирке: акробат, искусный кхитаец, спускался с высокого здания, перелетая между горизонтальными палками, что располагались одна под другой в виде длинной лестницы, изготовленной специально для представления. Раскачиваясь, как обезьяна, он перебирал перекладины, пока не спрыгнул с самой последней.

Когда Конан ухватился за первый попавшийся сук, он понял сразу две вещи: скорость кхитайца и его вес составляли примерно одну треть от его собственных, и, что самое важное, тот, вероятно, упражнялся в своем искусстве не одну сотню раз.

Руки Конана буквально вырвало из суставов. Не удержав ветку, он перевернулся несколько раз в воздухе, тщетно пытаясь ухватиться за другую. Пропустив одну, он тут же получил хорошенъкий удар в бок, зато со следующей ему повезло: он зацепился ногами, которые немедленно распрямились, и дальше, прямо как в цирке, он полетел вниз головой. Продолжая таким образом гасить скорость, он вскоре добрался до самого низа и грузно рухнул в песок; искры так и посыпались из его глаз.

Поднявшись на ноги, Конан сделал несколько неверных шагов и подождал, пока вернется зрение.

Шейра и Макиэла бежали к нему навстречу, что-то крича. Почесывая раскалывающийся череп, Конан мрачно улыбнулся ганачкам.

— Клянусь Кромом, ваши крадунчики не так уж страшны, пауки были куда опасней!

Шейра выглядела бледной.

— Вы, киммерийцы, должно быть, сделаны из камня! Неожиданно улыбка исчезла с ее лица, и она сказала уже вполне серьезно:

— Мы немедленно возвращаемся назад! Твои раны нужно лечить! — Она вытащила сломанный прутик, застрявший у Конана в щеке.

Конан небрежно отмахнулся, отряхивая волосы от листвы.

— Нет, девочка, у нас слишком мало времени, да и, пожалуй, я гораздо охотней проведу

ночь в крепости, чем в ваших трижды проклятых джунглях. – Он захромал вперед, в то время как девушки не решались сдвинуться с места.

– Чертова зверюга! – проворчал киммериец, только сейчас заметив, что петля, в которой крепился его меч, оборвалась и того теперь также не было на месте. Прежде чем он успел позвать кого-нибудь на помощь, Конан неуверенно подался вперед, глаза закрылись, и он тяжело рухнул на землю.

– Конан, Конан из Киммерии! – его разбудил голос Шейры.

Он заворочался, открыл глаза и посмотрел наверх. Лицо девушки казалось чудесным видением на фоне залитого луной неба, длинная коса нежно щекотала его щеку. Неужели она привиделась ему во сне? Нет, пожалуй, если бы это был действительно сон, он наверняка бы не чувствовал себя так, как будто на нем потоптался целый легион гирканийской конницы. Приподнявшись на локтях, Конан с любопытством огляделся вокруг.

Ганачки затащили его в крепость – по крайней мере в этом он был точно уверен. Его меч – еще одно чудесное видение – покоялся рядом с ним у стены. Конан с трудом подавил в себе желание обнять красавицу и жарко поцеловать.

– Где остальные?

– Спят. – Шейра указала куда-то в темноту. – После того как мы перетащили тебя сюда, Макиэла послала Канитру разыскать твой меч и насобирать листьев ягнебы.

– Листья ягнебы?..

– Да, ты должен их съесть, чтобы восстановить силы. Ятаба всегда дает их больным и раненым. – Шейра извлекла откуда-то горсть небольших крапчатых листочеков, напоминавших по форме сердечки. – Ты был прав, когда отказался возвратиться в деревню. Мы должны разыскать атлангу. Как ты себя чувствуешь?

«Бывало и похуже», – подумал про себя варвар; он рассчитывал отправиться назад с рассветом.

– Немного пищи и воды помогли бы мне не хуже твоих лекарств. Я выспался и чувствую себя вполне здоровым.

– Неподалеку есть родник. Еще до заката Макиэла видела, как одна птица пила из него воду.

– Фонтан?

– Что ты, во имя Азусы! Это всего лишь маленький ключ с холодной и прозрачной водой, похожий на те, которых полно в нашей деревне. Листья ягнебы горькие, вода поможет тебе их проглотить.

Конан с превеликим удовольствием опрокинул бы сейчас кружку пива или кувшин вина, хотя, впрочем, перспектива утолить жажду и смочить голову обрадовала его не меньше. Что ни говори, денежек выдался жарким!

Конан подхватил свой меч, и они вместе направились к роднику. Он заметил, что кровь с его лица уже быламыта чьей-то заботливой рукой.

Опустившись на одно колено, он зачерпнул воду рукой. К его удивлению, она оказалась лучше любого пива и вина. Так он продолжал пить до тех пор, пока не мог уже вместить больше. Утолив жажду, он откусил ягнебы и сморщился.

– Фу! Какая гадость! Я бы с большим удовольствием провел ночь с тысячей крысиных трупов, чем еще раз попробовать этой отравы.

Проглотив, не жуя, еще несколько листьев, он запил их водой и тщательно прополоскал горло. Даже после этого во рту остался прогорклый привкус. Набрав в грудь воздуха, Конан

окунул голову в родник и, вынырнув, энергично отряхнулся. Холодные брызги полетели во все стороны, приведя Шейру в неописуемый восторг.

— Неужели все киммерийцы носят такие волосы? — поинтересовалась раниоба, перебирая свою роскошную косу.

— Многие, но не все. Некоторые подстригают их покороче. — Конан изобразил рукой режущее движение и тут же решил задать вопрос, который его давно волновал. — Интересно, чем вы бреете свои головы?

Шейра заморгала, явно озадаченная:

— Бреем?.. Я не понимаю...

Конан указал на ракушечный нож, торчащий у нее из-за пояса.

— Ну... я имею в виду, что за инструменты вы используете, чтобы делать такие прически?

Девушка удивленно подняла бровь, проводя рукой по голым вискам:

— Наши волосы растут так, как им нравится. Все, что мы с ними делаем, так это заплетаем их так, как ты сам это видишь.

Такой ответ вряд ли мог удовлетворить киммерийца, однако он решил прекратить допрос. Скрестив ноги, Конан хлебнул еще немного воды и огляделся вокруг. Шейра присела рядом с ним на корточки, и они вместе принялись разглядывать призрачные руины, раскинувшиеся впереди. Луна, свободная от облаков и макушек деревьев, заливала старую деревню бледным светом, который скорее скрывал, чем позволял что-либо обнаружить.

Большинство рахамских сооружений достаточно хорошо сохранилось. Ятаба не преувеличил, когда назвал древнюю расу мастерами камня. Киммериец никогда не встречал столь изысканно выложенных зданий, как в этом давно опустевшем селении. Необычный архитектурный стиль не шел ни в какое сравнение с теми, что встречались на материке. Прочная кирпичная кладка плавно скруглялась безо всяких трещин и швов за счет использования специальных круглых камней, что делало здания не похожими на аквилонские или немедийские, в которых превалировали ровные колонны, высокие арки и прямые углы. С другой стороны, это не походило и на вендейское или иранистанское зодчество, где веками почитались круглые башни и острые шпили.

Конан восхитился искусством древних мастеров, однако необычность, усугубленная жутковатыми легендами, делала их творения неприглядными и даже отталкивающими. А сумрачность и опустение придавали месту еще большую зловещесть, которая в конце концов заставила Конана напрячься.

Он очень удивился, разглядев зеленый выонок, цепляющийся между камнями. Насколько он помнил, им не встретилось ничего живого с тех пор, как они очутились на поляне. Сначала он даже решил, что это был барельеф, искусно вырезанный в виде растения, однако, приглядевшись получше, сразу же убедился в обратном. «Надо бы изучить его при дневном свете, — подумал варвар, — а также сами здания, чтобы побольше узнать об этих рахамцах».

Шейра нервничала, вздрагивая от всякой тени.

— Ты чувствуешь, Конан?

Тот не знал, что ответить. Он вытянул ноги и разлегся, уперевшись на локтях.

— Это всего лишь отпечаток древней цивилизации. Говорят, такие места посещают призраки давно умерших людей, души которых обречены вечно бродить по развалинам. Зачастую так оно и есть, однако я не чувствую в этом месте ничего особенного. А ты?

— Глаза... Глаза, прячущиеся в тени. Они горят невидимой злобой, но не решаются напасть, словно умирающая змея, потерявшая ядовитые зубы. Как я хочу, чтобы на небе снова появился лик Азусы.

Конан ничего не ответил, однако всецело разделял чувства девушки. Не то чтобы боялся — скорее соблюдал обыкновенную осторожность. А все-таки эти рахамцы его весьма заинтриговали. Завтра он приподнимет занавес таинственности над старыми развалинами и посмотрит, что за сокровища они скрывают. Те рубины в стене разожгли в нем небывалый воровской аппетит. Однако самой бесценной вещью являлась атланта. Она подарит ему то, чего не купить и за целый погреб самоцветов: избавление от какланийского заклятия. Невзирая на синяки и болючки, Конан, как никогда прежде, был готов выполнить свою часть сделки, заключенной с ятабой.

Шейра подсела ближе, так что нежная рука девушки коснулась мозолистой руки киммерийца.

— Ты должен спать до утра. Я буду начеку и разбуджу тебя, если почувствую что-либо подозрительное. Вряд ли мне удастся уснуть в этом сумрачном месте.

— Мы можем провести ночь вне крепости, на поляне. Я достаточно выспался и могу подежурить.

— Нет, что ты! Новый крадунчик может напасть, и даже Макиэла не заметит в темноте его приближения. А в крепости у нас есть преимущество: он слишком велик, чтобы пролезть через проход в стене, а сверху мы его наверняка заметим. — Она прильнула к его плечу, тело девушки оказалось на удивление мягким, вопреки на редкость мускулистому сложению.

— Тебе необязательно за мной приглядывать, девочка, — фыркнул Конан. — Даже если я задремлю, мои инстинкты поднимут меня вовремя, в случае если что-то будет не так. Обычай киммерийцев — спать с мечом в руке. Кроме того, твоя ягнеба действительно помогла. Клянусь Кромом, я чувствую себя заново родившимся.

Конану и впрямь заметно полегчало — может быть, от листьев, может быть, от воды, а скорее всего от Шейриных прикосновений. Такое лекарство, пожалуй, разбудило бы и мертвеца. Вскоре ее дыхание сделалось глубоким и ровным. Конан усмехнулся: девушка спала, как котенок, — так же бесшумно и чутко. Она так и уснула у него на плече.

Конан провел возле Шейры полночи, прислушиваясь к ее дыханию и посторонним звукам. Когда отражение луны в зеркальной глади родника поблекло, он погрузился в легкий сон.

ГЛАВА 15

ОБИТЕЛЬ ЗЛА

Зевнув, Шейра отняла голову от Конанова плеча. Она прищурилась на яркий восход и вздрогнула, осознав, что все-таки заснула. Взглянув на Конана, она поняла, что тот так за всю ночь и не сдвинулся с места. Его глаза были закрыты, однако он тут же вскочил, как только заслыпал ее возню. Он не щурился на солнце, как она, и выглядел совершенно бодрым, как будто и вовсе не ложился спать.

Макиэла и остальные пока не проснулись. Шейра изобразила сонливость, она хотела насладиться минутой покоя, прежде чем отряд займется поисками атланга, возможно, сопряженными с новыми опасностями. Лик Азусы только-только появился на небе: в этом она была уверена, ибо утренний ветер все еще обдавал холодком. Шейра потянулась, поглядывая краем глаза на своего спутника. Глаза чужестранца сияли такой насыщенной голубизной, которая не встречалась нигде в природе. Его кожа, волосы... да, собственно, весь его облик был совершенно необычен. Но глаза удивляли больше всего... глаза и могучие мышцы, что покрывали его крепкое коренастое тело.

Конан смочил лицо водой, затем сполоснул голову и плечи.

— Как прошло дежурство? — спросил он, посмеиваясь.

— Я не видела никого, кроме страшного чудовища с длинными волосами, что сидело рядом со мной.

Конан вскочил на ноги, не выпуская из рук меч. Если он и чувствовал слабое недомогание, то никак не подавал виду. Стارаясь по возможности не шуметь, они направились к остальным.

Макиэла проснулась сразу, заслыпав их еще издали. Великанша выглядела такой же бодрой, как и Конан. Рядом с ней стояли Аврана и Канитра, девушки сжимали в руках свои неизменные ракушечные ножи.

— Чем раньше мы покинем крепость, тем лучше, — объявил Конан, разглядывая свой клинок. — Чертова тварь! — проворчал он, заметив на лезвии несколько зазубрин, оставленных крадунчиком.

Макиэлу, казалось, немало удивил, если даже не разозлил тот факт, что киммериец проснулся раньше нее.

— Похоже, листья ягнебы тебе действительно помогли. Конан сделал гримасу:

— Даже на смертном одре не стал бы принимать такого лекарства.

Аврана улыбнулась:

— Ну и вид у тебя был на спине крадунчика. Клянусь Азузой, старики будут пересказывать эту историю многие поколения.

Ганачки засмеялись, все, кроме Канитры, которая казалась чем-то расстроенной. Она избегала его взгляда, пока Конан не обратился лично к ней.

— Если б не ваши копья, так и сидел бы там до сих пор.

— Мое чуть не пригвоздило тебя насмерть! — печально призналась Канитра и снова потупила взор.

Конан гадал, кто мог сделать неверный бросок, однако сам спросить об этом ни за что не решился бы.

– Не думай об этом. С каждым может такое случиться. Я не держу на тебя зла.

Взгляд девушки смягчился, и она даже попыталась улыбнуться.

– Ты добрый, Конан. Обещаю, что в следующий раз не промахнусь.

Стараясь как можно скорее забыть эту историю, Конан переключил все свое внимание на пейзаж, раскинувшийся впереди. Архитектурные творения рахамцев казались в дневном свете еще более странными, чем при луне. Начиная от родника простирались несколько клочков голой земли, разделенных широкой тропой, вымощенной плоским камнем. Каменная тропа брала начало от наружного входа и пролегала до самой башни в центре деревни. По обе стороны от тропинки чернели бесплодные пласти земли. Возможно, когда-то эта земля предназначалась под посевы.

В действительности почва казалась темной и плодородной, однако ни одной зеленой травинки не прорастало из нее. Этого варвар понять не мог: в условиях тропических джунглей такая земля должна была изобиловать всякого рода растительностью. Неужели боги и впрямь покинули эти места? Из чистого любопытства Конан ковырнул одну из каменных плит.

Под камнем не оказалось ни червей, ни жуков. Кром, даже жалкие букашки обходили эти руины стороной. Конан ничуть не сомневался, что именно портрет дьяволицы заставлял все живое держаться подальше от старых стен. Теперь он уже не был так уверен в своем намерении во что бы то ни стало отковырять дорогие рубины из ее глазниц.

Очистив плиту от глины, Конан замер от изумления.

Шейра и ее охотницы застыли за его спиной.

Нижняя сторона плиты была искусно гравирована в виде набора замысловатых символов. Некоторые из них оказались знакомыми: солнце, деревья, луна в трех своих фазах и маленькие фигурки людей. Все они легко различались на фоне мириад других мистических и непонятных значков. Это не было похоже ни на клинопись юштайских мудрецов, ни на крючковатые иероглифы Стигии, ни на аквилонские руны или даже на наскальные рисунки пиктов.

Конан положил плиту на место. Что бы ни означало сие загадочное письмо, смысл его навсегда утонул в бескрайней пучине времени.

– Должно быть, это хвала рахамским богам, о которых рассказывал ятаба, – предположила Шейра.

Пожалуй, это было похоже на правду. Наверняка люди Джайоры перевернули камни, чтобы спрятать ненавистные им письмена. Возможно, они даже пытались осквернить надписи. Еще более загадочными были инструменты, с помощью которых эти надписи были сделаны. Что за средства использовали рахамские мастера, если не металл, которого Конан до сих пор не встречал на острове?

Это оставалось загадкой, на разгадку которой у варвара не было ни желания, ни времени. То, что они искали, скрывалось впереди, а не под ногами.

Вскоре они поравнялись со зданиями. Макиэла ткнула пальцем в ближайшее. Это была цилиндрическая башенка с куполообразной крышей.

– Кулунга мог найти свою смерть в одном из них. Если прикажешь, Шейра, мы начнем поиски прямо отсюда.

– Откуда-нибудь все равно придется начать, – пробормотала раниоба; ее растерянность была очевидной. – Здесь их так много!.. Да поможет нам Азуга сделать правильный выбор. Без его помощи мы можем пребывать здесь много дней. Доведись мне знать, с чем мы тут

столкнемся, попросила бы яtabу подождать нас пять ночей.

Они сошли с тропы и направились к сооружению. Подойдя поближе, Конан заметил, что стены башенки были грубо обтесаны. Наверняка работа Джайоры! Должно быть, когда-то здесь красовались рахамские картинки.

Он обошел здание кругом в поисках двери, однако не заметил ничего такого, что могло бы служить входом. Не считая нескольких небольших выбоин на куполе, в целом башня выглядела невредимой. Подхватив самый крупный булыжник, который только можно было найти, Конан запустил им в стену. Раздался гулкий пустотелый звук, означавший, что сооружение не являлось всего лишь простым монументом. Конан сделал новый обход, на этот раз ощупывая каждый шов, каждый камешек. Нет, никакой секретной двери или даже намека на ее существование.

— Сэт бы побрал этих умельцев! Найти бы подходящий булыжник, клянусь Кромом, проложу здесь свою дверь! — разозлился киммериец, голос его эхом отразился от серого камня.

Они прошли мимо нескольких подобных зданий, различных по высоте и диаметру, однако неизменной цилиндрической формы. Их стены были точно так же обезображенены в порыве чудовищного вандализма, декоративные рисунки остались лишь на самом верху.

Пробираясь таким образом между руинами, они оказались на полпути к гигантской башне, торчавшей в самом центре деревни. Чувства варвара накалились жарче полуденного солнца. Лица ганачек были постными от беспомощного недоумения, однако они продолжали методично прочесывать местность.

Неожиданно Конан заметил крупный камень, размером с две его головы.

— Ха!.. — прохрипел он довольно, взвешивая булыжник на руке. Прицелившись по тому месту, где была выбоина в стене, варвар швырнул свое орудие с такой силой, которая могла посоперничать с дробильной машиной, используемой туранцами для осады крепостей.

Камень врезался в стену с оглушительным звуком, рассыпавшись на дюжину осколков, каждый размером с кулак.

— Кром, Хануман и Иштар! — разразился варвар, добавив к этой тираде еще несколько выражений, способных ошеломить даже потомственного моряка. Много раз эхо повторило грозные имена, потом тишина воцарилась снова.

— Мы полдня потратили на эти трижды проклятые цилиндры. Надо было пряником идти к башне.

— Я бы давно привела вас к цели. Но ведь чужестранец ориентируется лучше меня! Не так ли?.. — Макиэла бросила на раниобу испытующий взгляд.

— Ну уж нет, деревенщина! Ты еще нам будешь пускать пыль в глаза! Кром, это ведь ты предложила начать поиски с этих чертовых каменных пеньков. — Конан тряхнул гривой волос, скрежеща зубами от раздражения.

В следующий миг Макиэла наградила его такой затрещиной, которая запросто могла уложить любого кабацкого драчуна.

Как бы то ни было, Конан не был кабацким драчуном, да и на ногах держался куда прочнее. Он неуклюже отступил назад, пытаясь сохранить равновесие и потирая горячую щеку. Варвар сжал кулаки, голубые глаза вспыхнули гневом. Однако Конан вовремя взял себя в руки. Мужчине он ни за что не простил бы такого удара, но варварский кодекс чести не позволял ему поднять руку на женщину.

К сожалению, Шейра, конечно же, не знала об этом. Она испуганно встала между ним и

Макиэлой, толкнув девушку, значительно превосходившую ее в размере, с такой силой, что та кувырком полетела на землю.

— Хватит, во имя Азусы! Вы воины или простолюдины? Макиэла, мы никогда не выполним нашу задачу, если ты не научишься уважать Конана. И ты, Конан... ты не должен быть таким грубым.

Громко выдохнув, Конан кивнул, протягивая руку навстречу распластерой Макиэле. Та неохотно приняла помошь. Когда девушка разжала пальцы, он невольно встряхнул рукой, мрачно оценив грубую силу великанши.

Пожалуй, она бы выиграла соревнования королевских рукоборцев. Даже амазонки из южных джунглей в подметки не годились этим ганакским женщинам.

Канитра и Аврана тихонько хихикнули, но тут же замолчали, когда Шейра бросила на них испепеляющий взгляд. Атмосфера едва не разразившегося скандала разрядилась, и они снова двинулись по тропе прямо на гигантскую башню.

— Ты часто называешь имена странных богов, Конан из Киммерии, — заметила Шейра.

— Да, но почему-то ни один из них меня не слышит. Хотя я на них не в обиде. Боги должны делать свою дела, а люди — свои. Только жрецы и безумцы вверяют свои судьбы богам, я же всегда избегал и тех и других.

— Кром... это такой бог?

— Да — моего народа. Он живет в ледяных горах Бен-Мора. В каждого новорожденного киммерийца Кром вдыхает силу сражаться и волю побеждать. Больше мы ничего не просим, кроме того, наш бог вообще не слышит молитвы.

— Похоже, ваш бог столь же суров, как и те горы, которые он выбрал своей обителью. Наш Азуза совсем не такой, он добрый.

— Мне показалось, он с удовольствием наблюдает за вашей смертью, — заметил Конан насмешливо.

— Мы не виним его в наших бедах. Азуза не в силах помочь, когда мы не прислушиваемся к его советам. Души наших мертвых, за исключением воинов, попадают на заоблачный остров, где встречаются с душами предков. Это чудесное место... Хотя, конечно, мне не хотелось бы попасть туда прямо сейчас.

— Что же происходит с воинами?

— Мухинго забирает их в свои серые земли, где даже после смерти они продолжают защищать нас от наших врагов.

— Серые земли... — задумчиво повторил Конан. — Ваш Мухинго не очень-то отличается от Крома. После смерти души киммерийцев отправляются в царство вечного тумана, где дуют ледяные ветры, а облака скрывают небо. Там мы обречены на бесконечные блуждания. Странно, что при такой безрадостной перспективе мой народ не ищет земных утех. Я же предпочитаю посмотреть, что жизнь может предложить взамен той невеселой судьбы, что уготована для нас впереди.

— Ты храбрый человек, Конан. Сознание всей обреченности своей судьбы — тяжелое бремя. Ты же, как мне показалось, не придаешь этому особенного значения.

Их диалог затих, когда они приблизились к башне. По мере продвижения появление растительности становилось очевидным. Поначалу попадались лишь жалкие пучки травы, прораставшие вдоль развалин, а иногда и цеплявшиеся за каменные стены. Однако вскоре темно-зеленые ростки заколосились повсюду. Конану почему-то показалось, что у них был нездоровий или даже зловещий вид. Сущие змеи, разлегшиеся посреди руин.

— От них исходит ощущение зла, — призналась Макиэла. — Думаю, не стоит к ним прикасаться.

— Пожалуй, ты права, — согласился Конан, разглядывая ростки по краям тропинки. — Будет благоразумным держаться поближе к середине.

Он никак не мог избавиться от неожиданно овладевшего им чувства тревоги.

Конан огляделся по сторонам, выискивая в кустах скрытое движение. Нет, все было совершенно спокойно.

Босыми ногами они осторожно ступали по каменным плитам. Не будь их шаги столь бесшумными, Конан наверняка не услышал бы за спиной тихого шелеста. Обернувшись через плечо, варвар так и присел с круглыми от ужаса глазами.

Шейра и Макиэла также развернулись, выхватывая копья и сжимая ножи.

— Аврана... Канитра... Нет! — вскрикнула раниоба. С быстротой кобры зеленые стебли атаковали ганакских девушек, обвивая их лица, затыкая рот и оборачиваясь вокруг шеи, чтобы подавить стоны. Причем их объятия были столь крепки, что на коже у девушек выступила кровь. Копья были вырваны из рук; ганачки отчаянно сопротивлялись, но лишь только они разрывали одни путы, как тут же оказывались в плену других. Прежде чем Конан успел сдвинуться с места, Аврана и Канитра были уже полностью опутаны живой извивающейся сетью.

Два голых стебля, каждый размером с большой палец Конана, отделились от остальных веток. Эти извивающиеся, змееподобные отростки имели столь же омерзительный бледно-зеленый цвет. Пучки желтых выпученных глаз прорастали из них, словно листья, подергиваясь и покачиваясь на тоненьких соединительных жгутах. Однако вовсе не это заставило Макиэлу и Шейру вскрикнуть от отвращения.

На кончике каждого стебелька открывался маленький розовый ротик с узким зеленым языком, покрытым безобразными язвами. Эти отростки длиной с человеческую руку жадно потянулись к своим жертвам. С чудовищной медлительностью шершавые языки вонзились в свежие раны и принялись сосать кровь. С быстротой атакующего льва Конан врезался в ряды побегов, выхватывая на ходу меч. Макиэла вырвала из земли один из побегов, в то время как Шейра ухватилась за другой. Сорняки сопротивлялись, влажные языки отчаянно молотили, душераздирающее мяканье вырвалось из окровавленных глоток. Разбуженные этим звуком, кусты вдоль дороги угрожающе зашевелились. В мгновение ока тропа наполнилась кишащими и извивающимися сорняками. Растения напали. Тонкие стебли цеплялись за ноги, лезли в глаза и впивались в плоты Конан замахнулся мечом, метя по шейке очередного кровососущего отростка. Однако, не достигнув цели, клинок увяз в зеленом плену выонков.

Шейра и Макиэла находились не в лучшем положении, хотя раниоба умудрялась до сих пор сохранять руки свободными. Макиэла не удержалась на ногах и повалилась на спину, ее вызывающий крик был тут же заглушен победным шелестом кустов. Высвободив меч, Конан принял рубить сорняки направо и налево, словно обезумевший жнец на пшеничном поле ада. Еще несколько стеблей набросилось с разных сторон, разинув розовые пасти и свесив длинные языки, острые, как змеиное жало. Кусты, что росли возле башен, также зароились и ринулись на помочь своим братьям.

Конан яростно размахивал мечом, стремясь сохранить руки и ноги свободными. Отсеченные стебли ослабляли захват и, корчась на земле, медленно умирали. Вскоре он осознал, что растения все равно возьмут числом, если только они не попытаются бежать.

Но куда? Между ними и крепостной стеной вырос живой забор из волнующихся

побегов. А под ногами, куда ни глянь, расстелился сплошной ковер извивающихся отростков. Киммериец гадал, на какую глубину уходили их корни. Какая из девяти преисподен могла породить семена столь чудовищных растений?

Разрубив дюжину побегов, опутавших руки и ноги Шейры, он бросился на пучеглазых кровососов, которые уже принялись лизать раны Макиэлы. Клинок рассек их со звуком рвущейся тетивы; расчлененные половинки, корчась, попадали на землю. Вид густого красного напитка, засочившегося из этих обрубков, заставил Конана похолодеть. Словно огромные зеленые пиявки, побеги накачивали кровь в свои невидимые корни.

Испытывая одновременно приступ тошноты и ярости, варвар устроил растениям настоящую мясорубку до тех пор, пока зеленая зловонная жижа не потекла с его меча. Это уже было не фехтованием, а скорее работой дровосека; грудь Конана тяжело вздымалась, когда клинок со свистом опускался в очередном ударе.

Оправившаяся от шока Шейра работала своим ножом с не меньшим остервенением. Аврана и Канитра лежали на соседних камнях, силы их покидали от удушья или потери крови, а скорее от того и другого одновременно.

Конан слышал их ослабевающее дыхание на фоне беспрестанного шелеста побегов. Стебли, опутавшие их лица, чуть отпустили захват. Неожиданно Конана озарила чудовищная догадка. Растения намеренно позволяли девушкам дышать... их жертвы должны были оставаться живыми! Однако, как ни старался, Конан не мог прорваться к несчастным. Стоило ему вырваться из плена побегов, как новая волна тут же обрушивалась на него. Их противник не знал ни боли, ни усталости; с умопомрачительным терпением он продолжал свои атаки, хотя гора зеленых обрубков поднималась уже Конану по бедро.

Макиэле удалось прорваться; тело девушки было сплошь покрыто кольцами извивающихся сорняков. Не переставая размахивать ножом, она хрипло крикнула Конану:

– Беги! Ты нужен моему народу!

– Ни за что! – проревел киммериец. Даже если б он решился бежать, пути к отступлению теперь не было. Они были полностью окружены. Устало размахивая мечом, Конан продолжал сражаться. «Либо я спасу этих женщин, либо умру вместе с ними», – решил варвар.

Нож Макиэлы взлетал все чаще по мере того, как она дюйм за дюймом прорубала свой путь к распростертым ганачкам.

– Нет!.. Только не это!

– Что еще там стряслось? – выдавил варвар, разрубая глазастый отросток на две кровавые половины. Он посмотрел туда, куда указывала Макиэла.

Плавно покачиваясь на зеленых волнах, Аврана с Канитрой пересекли тропинку и поплыли в неизвестном направлении. В следующий миг все его внимание оказалось поглощено новой атакой растений.

Когда он снова обернулся назад, девушки уже скрылись из виду. Все, что ему удалось заметить, – лишь яростное колыхание кустов у стен одного из цилиндров.

– Кром разрази меня за мою глупость! – выругался киммериец.

Очевидно, не все башни были неприступными, просто входы некоторых сплошь заросли побегами. Дрожь пробежала по его телу при мысли об угрозе, что могла скрываться там, внутри.

– Аврана! – вскрикнула Макиэла и бросилась к сооружению, в котором только что исчезла ее подруга.

В спешке она споткнулась, выронила нож и тут же была подхвачена зеленым ковром извижающихся растений. Яростный крик пролетел над развалинами, но вскоре смолк, когда сорняки засосали ее в соседнюю башню.

— Мы не можем спасти их всех, — проронила Шейра растерянно.

Конан был вынужден согласиться. Неизбежно зеленое полчище их в конце концов одолеет. Тем не менее киммериец упорно не хотел отступать.

— За мной! — крикнул он Шейре, освобождая ноги от липнущих со всех сторон растений. Со всей скоростью, на которую только был горазд, он бросился к башне, в которой недавно исчезла Аврана.

Шейра не отставала, хотя тысячи ветвей стегали ее тело, путались под ногами и хватались за косу. В несколько могучих прыжков она догнала Конана.

Достигнув башни, Конан, не снижая скорости, нырнул в невидимую дверь. Небольшая щель в куполе призрачно освещала интерьер. Гладкий каменный пол был усеян мелкими камушками, которые навернякасыпались с крошащегося потолка. Черная яма зияла в центре. Налетев на широкий камень, Конан застонал. Шейра растянулась рядом.

Встряхнув головой, чтобы сохранить сознание, киммериец подозрительно оглядел помещение. Растения могли напасть лишь по двум направлениям: из ямы да дыры в стене. Подхватив с полу самый большой камень, Конан заколотил его в щель, придавив попутно несколько атакующих побегов. Несколькими ударами ножа Шейра прикончила тех, что повылезали из ямы. Загнав для пущей уверенности еще пару булыжников, Конан отступил назад, проверяя, будет ли барьер держать. Заплатка держала; снаружи не доносилось ни скрежета, ни даже шороха листвы.

На какой-то миг они оказались в безопасности.

— Аврана должна быть там, — прошептала Шейра и ткнула в чернеющую пустоту.

Все еще тяжело дыша, Конан прошаркал по полу и заглянул в дыру. Подобрав небольшой камушек, он бросил его в яму и тут же услышал звук.

— Не глубокая, — пояснил он Шейре, садясь на край и постепенно опускаясь в темноту. Ноги не нашупали ничего, кроме сырого холодного воздуха.

Вытянув себя наверх, Конан выбрал несколько длинных стеблей и связал из них импровизированную веревку. Превратив один конец в петлю, он протянул ее Шейре.

— Держи крепче, — наказал он девушке и нырнул в пустоту.

Перебирая веревку руками и упираясь ногами в стену, он продолжал спускаться до тех пор, пока последняя не отклонилась назад, превращаясь в круглый свод. Спускаясь некоторое время на одних руках, он вскоре почувствовал под ногами камни.

Глаза быстро привыкли к темноте, и Конан разглядел неясные контуры коридора, который предположительно вел к высокой башне в центре поселка. Коридор тянулся, покуда мог видеть глаз, однако из-за плохой освещенности разглядеть что-либо можно было лишь в очень ограниченных пределах. Внутри было довольно просторно; рапамские строители были действительно высоким народом. Позади него свет проникал сквозь редкие щели в потолках соседних цилиндров. Значит, внутри каждого из зданий были такие же ямы. В той части туннеля освещенность была не в пример лучше, хотя вряд ли Аврану утащили именно туда. Девушка истекала кровью, а на камнях не осталось никаких следов.

Аврана была там... в темном сердце колодца!

— Оставайся наверху, — крикнул он Шейре, эхо разнесло его крик по всему подземелью.

— Что ты увидел? — раздался взволнованный голос Шейры.

— Коридор в ад, — угрюмо проворчал киммериец, погружаясь во тьму.

Теперь ему многое было понятно, особенно причина, по которой они так и не встретили ничего живого ни в крепости, ни за ее пределами. Варвар не знал, что ждало его впереди, однако понимал, что если это нельзя сразить стальным клинком, то черный туннель навсегда станет его могилой.

Прислушиваясь к каждому шороху и приглядываясь к каждой тени, Конан медленно кралялся к черному центру подземелья.

ГЛАВА 16

КОРИДОР В АД

Конан полз на локтях и коленках, проклиная свою медлительность. Словно пес на охоте, он обнюхивал пол, ибо единственным следом Авраны был запах ее крови. Теперь-то он в полной мере познал то отчаяние, которое должен был испытывать незрячий человек. Местами туннель был напрочь лишен малейшего освещения; все, что ему оставалось, — уповать на запах и осязание.

Киммерийца весьма удивлял тот факт, что растения оставили его в покое. Недавно он миновал очередной колодец, с ужасом ожидая атаки сверху. Вообще-то варвар считался неплохим следопытом, однако никогда еще его инстинкты не подвергались столь суровым испытаниям.

Туннель вовсе не был прямым, как ему показалось сначала. Он миновал уже девять перекрестков, в каждом из которых сходились коридоры, ведущие к соседним башенкам. Неудивительно, что они не нашли дверей к некоторым из цилиндров: очевидно, ракамцы проникали в них из-под земли.

Капли крови встречались теперь реже. По правде говоря, его собственные коленки давно истерлись в кровь. Кроме того, тащить меч в таком положении было весьма неудобно. Не говоря уж о том, что в этой смехотворной позе он лишался всех преимуществ, нарвись он на неожиданную засаду.

Галька впивалась в колени, и ему постоянно приходилось останавливаться, чтобы вытащить камни из ран. С большим удовольствием он выбрался на участок с широкими валунами. Конан остановился, потягивая носом воздух. Действительно ли он чувствовал кровь Авраны, или это ему только казалось? Пошарив руками, Конан обнаружил два новых коридора: слева и справа. Решив довериться своим инстинктам, он поднялся на ноги, разгибая одеревеневшие колени и разминая руки в локтях. Он направился в том же направлении, на этот раз уже не сомневаясь в правильности выбранного курса.

Поначалу это казалось лишь слабым запахом разложения, однако с каждым шагом запах становился все хуже. Распрямившись во весь рост и вытянув руки, Конан понял, что находится в колодце очередного цилиндра. Странно, он не должен был путешествовать так долго. Неужели чертова темнота каким-то образом повлияла на его прежде безупречное чувство времени?

Припустив вперед так быстро, как только позволяла осторожность, он вскоре почувствовал, что его желудок сжимается от все возрастающей вони, определить природу которой пока не было никакой возможности. По опыту варвар знал, что по прошествии времени мог привыкнуть к любым запахам, какими бы зловонными они ни были.

Однако эта непонятная вонь прогрессировала слишком быстро, до тех пор пока глаза Конана не сделались влажными от слез.

Тут-то он услышал зловещий шелест.

Конан вытянул вперед руку, но тут же отдернул. С потолка свисали холодные спящие стебли. Он замахнулся мечом, но потом неожиданно остановился. Что, если этим ударом он поднимет тревогу и разбудит все подземелье? Не оборачиваясь, Конан побежал вперед и вскоре свернул за угол.

Свет! Источник хоть и располагался далеко, тем не, менее действовал вдохновляюще.

Видимость заметно улучшилась. Посмотрев, наверх, Конан увидел побеги; они свисали с потолка, цеплялись за стены и местами достигали пола.

Сосредоточившись, он попытался мысленно определить свое месторасположение относительно развалин наверху. Если источником света была сама центральная башня, то эти коридоры являлись не чем иным, как... нитями огромной концентрической сети.

Сейчас он должен был находиться в самом центре паутины.

Заросли побегов натянули его нервы до предела. Очевидно, растения не подозревали о его существовании. К счастью, Конан до сих пор не повстречал кровососущих отростков с их отвратительными гроздьями выпученных глаз.

Глаза, привыкшие к темноте, болезненно зажмурились на ярком свету. Прежде шелест кустов был едва различим, однако теперь Конан слышал настоящий гул. Их плавное покачивание напоминало волны, сродни тем, что перекатывались по морю в ветреный день.

Выйдя на свет, Конан так и замер, очарованный яркой картиной, раскинувшейся перед ним.

В центре высокого потолка сиял гигантский кристалл. Преломленные лучи медленно перемещались по стенам, заливая подземелье ослепительной сверкающей радугой. Другие коридоры, подобные тому, в котором стоял Конан, сходились в просторной круглой комнате. Не нити в паутине, а спицы в чудовищном колесе! Сквозь прозрачный потолок он смотрел на фонтан богов.

Рассеянный свет, проникавший сверху, наполнял помещение призрачным сиянием. Бесчисленные отверстия пронизывали хрустальную ванну, служившую потолком для подземелья и полом для камеры наверху.

Изрешеченный таким образом, как фонтан мог хранить свое содержимое?

Неожиданно киммериец понял, что комната, в которой он стоял, и сеть сходящихся коридоров могли быть однажды заполнены водой. Под давлением воды вырывалась наружу, ниспадая на землю радужными брызгами. Ямы в цилиндрах были не чем иным, как своеобразными колодцами.

Повсюду на стенах чернели массы волнующихся побегов, на фоне которых зловеще выделялись отростки кровососущих стебельков. Сотни выпученных, как у рыбы, глаз смотрели на Конана бесприютным взором.

А впереди вырисовывался сам источник всей этой растительности – существо, наиболее отвратительное из всех, что когда-либо раздражали человеческий глаз.

Восседая на каменном полу, словно пульсирующий ананас, оно было жирным, зеленым, в три раза выше Конана. Тысячи побегов, наподобие тех, с которыми они сражались, прорастали из прорезей в толстой ухабистой коже. Розовые шишкы покрывали тело, словно кровавые бородавки. Ни глаз, ни ушей Конан не заметил. А перед ним, опутанные красноватыми стеблями, лежали распостертые формы Авраны, Канитры и Макиэлы.

Девушки были едва узнаваемы из-за неестественной бледности изможденных лиц. Пучеглазые отростки вылизывали раны, а зловещий цвет кровососов делал предмет их трапезы весьма очевидным.

Внезапно Конан понял, что вся растительность внутри крепости произрастала из одного-единственного клубня. Многочисленные побеги были сродни корням, которые вместо того, чтобы брать пищу из почвы, тянули ее из тел беспомощных жертв. Сколько же веков таился под развалинами этот фантастический выродок, медленно разрастаясь и уничтожая

все на своем пути?

Природа этого венца безобразия была столь пугающей, что Конан ощутил невольную дрожь. Мысли вихрем закружились в голове, руки и ноги отказывались слушаться; богохульствующий корнеплод словно сковал киммерийца невидимыми цепями.

Макиэла открыла глаза, встретив его ошеломленный взгляд. В глазах ганачки читалась ярость и агония; Девушка зашевелила губами, однако безжалостные побеги затянулись сильней, мгновенно задушив чуть было не вырвавшийся крик.

«Она жива... возможно, остальные тоже!»

Вдохновленный новой надеждой, Конан стиснул акбитанский клинок и прыгнул на развалившегося монстра.

Отдаленно напоминающая пасть щель разверзлась, извергая на Конана облако зловонных спор. Холодные мокрые шарики ужалили, как огонь, заставляя кожу варвара приобрести нездоровий багровый оттенок. Не успел он инстинктивно зажмуриться, и они, пожалуй, лишили бы его глаз. Их чудовищная едкость свалила бы любого менее сильного воина, однако ярость киммерийца была такова, что он не заметил ни вони, ни боли, которая разъедала теперь каждую пору его тела.

Он был на полпути к чудовищу, продираясь сквозь извивающуюся растительность.

Пасть открылась опять, однако Конан отпрыгнул в сторону, уклоняясь от ядовитого разряда.

Замахнувшись с яростью, которая придала ему силу десятерых мужчин, он обрушил могучий удар на безобразный живот твари. Лезвие скользнуло сквозь толстые мембранны и глубоко зарылось в мягкое тело. Новое облако спор вырвалось изо рта чудовища, чудом миновав киммерийца. Пронзительный вой разбудил все подземелье; тысячи побегов попрыгали с потолка и стен, еще столько же повылезало из самых дальних закоулков. Приподняв себя с отвратительным булькающим звуком, за которым последовал мощный хлопок, чудовище двинулось на киммерийца.

Ветви стегали нещадно, однако, не обращая на них никакого внимания, Конан вонзил свой меч с такой силой, что его собственная рука погрузилась в зловонную утробу по локоть. Неизвестный орган тошнотворно взорвался, обдавая киммерийца струей мокрого, невыносимо едкого газа. Однако ползучее воинство, казалось, не ведало усталости. Живыми веревками побеги затягивались на ногах, стараясь повалить варвара на пол. Рассвирепев, точно раненый лев, Конан рубил и топтал, продираясь к чудовищу для нового смертоносного удара. Прежде чем побеги успели перегруппироваться, он налетел на врага, словно коршун, замахиваясь с силой, способной за раз повалить столетнее дерево.

Истекая ядовитой слизью, чудовище повалилось набок. Словно дырявый бурдюк, прямо на глазах оно начало проседать и сжиматься. Через минуту все было кончено, и в комнате воцарилась зловещая тишина, нарушающая лишь хриплым дыханием Конана да тихим журчанием слизи, которая до сих пор струилась из разорванного живота.

Конан неуклюже подался назад. Побеги очистили его тело от спор, местами сдирая их вместе с кожей. Остались лишь пылающие шрамы, напоминавшие следы от хлыста, — но и только: варвар ожидал найти признаки отравления ядом, однако споры, похоже, не несли такой угрозы. Костяшки пальцев, побелевшие от напряжения, ослабили захват, и Конан чуть не выронил меч. Он почувствовал прилив неожиданной усталости, однако сейчас было не до отдыха. Потыкав влажные останки, он убедился, что ничего живого уже не осталось в этом зеленом воплощении убожества. Успокоившись, Конан нагнулся и занялся побегами, которые

все еще опутывали распространенных ганачек.

Макиэла прокашлялась и застонала, движения ее были слабы, как у человека после месяца болезни. Аврала и Канитра до сих пор дышали, однако бледный цвет лица девушек однозначно свидетельствовал о критической потере крови. Удивительным образом Макиэла поднялась на ноги и осторожно ощупала горло. Красочные узоры, которые еще недавно покрывали ее тело, теперь были напрочь стерты, кожа повсюду несла следы побегов. Хотя глубокие раны были видны лишь в нескольких местах – там, где их сосали пучеглазые отростки.

Макиэла стряхнула кровососа, который до сих пор висел на ее ноге. Тусклые рыбы глаза смотрели безжизненным, однако не менее зловещим взглядом. Макиэла отвернулась.

– Спасибо, Конан, – прошептала она слабо.

Варвар молчаливо кивнул, продолжая колдовать над двумя другими пребывавшими в бессознательном состоянии ганачками. Бровь его удивленно поднялась, когда он обратил внимание на появление новой неожиданной проблемы. Минуту назад липкая жижа лишь неприятно мочила пятки. Конан дышал с таким трудом, как будто вдыхал что-либо более плотное, чем воздух. Невыносимая вонь имела столь высокую концентрацию, как если бы нечистоты целого города были растворены в этой черной смердящей луже, которая теперь доходила ему до щиколоток.

Очевидно, пузатый корнеплод блокировал приток воды к фонтану. Конан припомнил то побулькивание и хлопок, когда израненное чудовище переместилось со своего места. Без своей нелепой затычки подземный родник мгновенно заполнит коридоры водой. Однако не просто водой, а той, что столетия провела в этом отстойнике, подмывая испражнения самой мерзкой из существующих на земле тварей. Кроме того, ятаба рассказывал о каком-то чудовищном проклятии, что лежало на фонтане богов...

– Можешь идти? – Он обратился к Макиэле почти требовательно.

– Я... да, думаю, что да, – ответила та, неуверенно перебирая по стенке.

«Ладно, эта позаботится сама о себе, – подумал Конан. – Что вот делать с двумя другими?»

Тащить пару женщин обычного размера – невелика беда, однако нести двух ганачек по туннелям в том состоянии, в котором он сейчас находился, казалось непосильной работой. Впрочем... другого выбора у него не было.

Присев, он взвалил Канитру на одно плечо и Аврану на другое. Кряхтя, расправив колени, Конан сделал несколько неверных шагов по устланному сорняками полу.

Сорняки больше не извивались. Некоторые из них все еще висели на стенах, остальные же беспорядочно валялись под ногами. На краю комнаты, куда лужа еще не добралась, в сплошной массе зелени появилась брешь. Сквозь нее Конан увидел древние останки бесчисленных жертв. Пол был покрыт пыльным слоем иссохших костей, в основном птиц, но не только – встречались среди них и человеческие, рахамцев или ганаков, а скорее всего и тех и других одновременно. Тут же валялись скелеты паутинщиков и даже вугунды.

Сколько же жертв пропало в этой черной дыре... Был ли среди них Кулунга?

Если атланга скрывалась в этой зловонной яме, она останется здесь навсегда. Теперь не было времени рыться в куче костей, если бы даже у Конана и появилось такое желание. Оставалось лишь уповать на то, что Кулунга миновал каким-то образом заросли побегов и добрался до башни. С нее-то они и начнут, когда выберутся на поверхность. Макиэла шла за ним следом, боязливо оглянувшись в тот момент, когда, они покинули комнату.

За их спинами лужа разлилась, словно зеленая кровь из перерезанной глотки; вода стремительно прибывала и уже захватила часть коридоров. Свет хрустальной ванны затерялся вдали, когда они углубились в черноту туннеля. Скорость, с которой они продвигались, была чудовищно невелика. Нагруженный весом, в два раза превосходившим его собственный, Конан тем не менее продолжал идти. Шатаясь из стороны в сторону и жалобно шаркая ногами, он ступал по своим собственным следам, уповая, однако, лишь на смутные воспоминания да на неизменные инстинкты киммерийца. Когда тьма стала кромешной, он понял, что должен был отдохнуть. Они остановились на перекрестке. Теперь ни в коем случае нельзя было заблудиться, что так легко было сделать в этом каменном лабиринте.

Это был тот самый перекресток, где Конан впервые вляпался в жижу, с тех пор как они покинули комнату с трупом. Значит, все это время они ходили по кругу!

— Кром! Мы должны были уйти далеко вперед! — выругался киммериец и пнул стену, да так, что чуть не выбросил одну из женщин.

— В этом забытом богами месте даже я не могу знать, как далеко мы забрели или как долго блуждали, — призналась Макиэла; тон девушки был напрочь лишен прежней уверенности. Даже идя налегке, она с трудом поспевала за Конаном: все-таки потеря крови лишила ее сил.

Однако более всего ее угнетала не слабость, а темные коридоры сами по себе. Насколько он мог судить, всю свою жизнь она провела под открытым небом. Конану доводилось знавать людей, которые катастрофически не переносили замкнутого пространства, и если Макиэла также принадлежала к их типу, то лишь могучим усилием воли ей удавалось держать себя в руках. Что уж тут говорить, ему самому до смерти надоели эти тунNELи, и, как никогда в жизни, пожалуй, он хотел увидеть сейчас солнечный свет.

Конан решил изнурить себя до конца и попробовал вскарабкаться по одному из колодцев. Не тут-то было, мертвые побеги обрывались со стен, слишком слабые, чтобы цепляться за каменную поверхность.

Дойдя до последнего перекрестка, Конан распределил поудобней вес и побрел дальше. Сейчас они шли по щиколотку в грязи. Неожиданно Макиэла споткнулась и упала; ему пришлось вытянуть ее наверх за окровавленную руку.

— Кром, девочка! Ну почему же ты не сказала, что до сих пор кровоточишь? — взвыл Киммериец, усталость сделала его голос непреднамеренно грубым.

— Все хорошо... я... не... только потом... когда упала. — Она медленно сползла по стене.

— Макиэла! Ну вставай, девочка, пожалуйста! — принялся тормошить ее Конан.

В ответ раздался лишь протяжный стон.

— Иштар! Мы уже так далеко... — Он тряхнул ее за плечо и понял, что уже не сможет ее разбудить.

Нет, он не сможет тащить троих. Спину невыносимо ломило, а ноги предательски подкашивались.

Прислонив Аврану и Канитру к стене, Конан устало потянулся, гадая, хватит ли у него сил разведать направление, пока Макиэла отдыхает. Нет, он не оставит их здесь одних!

Через минуту он и сам соскользнул по стене, так и не решив толком, что делать.

Конан проснулся в холодном поту. Он испуганно открыл глаза, однако это мало что изменило; перед ним оставалась все та же кромешная тьма. Сон, который он успел увидеть, был ужасен, однако не удавалось припомнить его в деталях, за исключением того, что он

чуть не захлебнулся в...

— Кр-о-м! Б-уль-буль! — ругательство, вырвавшееся из-под воды, прозвучало довольно смеютворно. Обезумев от отвращения, Конан вскочил на ноги.

Это был не пот, а зловонная жижа, которая поднялась почти до уровня его носа! Опомнившись, он рывком вытащил Макиэлу, а потом и двух других ганачек. Макиэлу так и не удалось разбудить; ее дыхание было угрожающе слабым.

Он ненавидел эту мысль, однако другого выбора теперь не оставалось. Отодрав от стены несколько побегов, Конан связал всех троих, зафиксировав их в вертикальном положении. Стебли были слишком слабы, и он молился, чтобы узлы не распались до тех пор, пока он не разыщет Шейру. Надо было додуматься до этого раньше — он мог нести одну Макиэлу.

Конан захлюпал по колено в грязи. Заросли над головой заметно поредели, как, впрочем, он и предполагал. Похоже, это был правильный коридор. Вскоре он увидел свет.

— Наконец-то, во имя Крома! — Конан облегченно вздохнул, надежда придала ему сил.

— Шейра! — Когда эхо растяло вдали, он крикнул снова.

— Конан? — раздался удивленный голос. Шейра спрыгнула в туннель.

— Где остальные?

— Живы, надеюсь. Быстрей! — прохрипел варвар. Они зашлепали к перекрестку, и Конан вкратце объяснил ей ситуацию, не забыв упомянуть о чудовищном корнеплоде.

— Я думала, ты вернешься раньше. Лик Азусы скрылся из виду, но потом снова стало светло.

Значит, они пробуждали всю ночь!

Конан фыркнул от раздражения. Он никогда себе не простит, если девушки теперь умрут. Он оказался более уставшим, чем предполагал, однако это вовсе не было оправданием. Потерять даже одну из них после всего, что они вместе пережили, было непростительно. Вот они! — крикнул Конан.

Его самодельные веревки все еще держали. Все девушки были живы. Взгромоздив на плечи Аврану и Канитру.

Конан с удивлением заметил, что с более громоздкой Макиэлой Шейра проделала то же самое, причем весьма неплохо.

Они вернулись назад к колодцу, из которого свисал его импровизированный канат. Конан с сомнением потянул за конец.

— Я сделала несколько витков вокруг тяжелого камня, не бойся, он выдержит твой вес.

Конан быстро вскарабкался вверх, подгоняемый желанием как можно скорей оказаться подальше от зловонно смердящей лужи. Он напомнил себе тщательно вычистить меч, как только у него появится свободная минута.

Одну за другой они вытащили бессознательных женщин. Этот процесс, казалось, занял целую вечность, однако в конце концов никого не осталось в сумрачном и удушливом коридоре. Конан разобрал барьер, и они выбрались наружу, упиваясь солнечным светом с той жадностью, с которой мучимый жаждой человек глотает спасительную воду.

Безжизненные побега валялись где попало, не представляя теперь никакой угрозы.

Они оттащили девушек к роднику, очистили от тины и промыли раны, приложив к ним листья целительной ягнебы.

— Мы не можем оставить их здесь одних. Ты должна остаться, пока я исследую башню, — заметил Конан, утолив жажду.

Шейра покачала головой:

– Нам нельзя разделяться. Подождем, пока Макиэла проснется. Она сильная и скоро поправится. К утру она уже сможет позаботиться об остальных. Тогда мы исследуем башню вместе.

– Лучше это сделать поскорей, даже если я пойду один. Мы и так потеряли уйму времени. Бояться нечего, руины пусты! Что, если кезатти нападут на деревню до того, как мы успеем вернуться? Довольно проволочек!

– А если ты никогда не вернешься из башни? Что тогда? Нет, Конан, я не пущу тебя одного. Это решено! Остаемся до утра либо отправляемся вместе.

Конан ничуть не сомневался, что упрямая деревенщина будет твердо стоять на своем. Он позлился еще с минуту, потом уселся рядом с родником. Оставить спящих ганачек было немыслимо, однако тратить силы в перебранке с Шейрой тоже казалось пустой затеей. Погрузившись в угрюмое молчание, он стал разглядывать далекую башню. Каменная тропа, ныне свободная от растительности, вела прямо к сводчатому порталу. Там он найдет фонтан богов и прочие остатки рахамской цивилизации. Была ли атланга там, внутри, открыто валяясь среди костей Кулунги? Конан всей душой верил, что ганакский воин не нашел свою смерть в сумрачном подземелье: он наверняка поседел бы, ковыряясь во всей этой куче костей. Киммериец переключил внимание на свой меч. Надо бы подточить. Конан как раз нашел подходящий камень, когда глаза Макиэлы неожиданно распахнулись.

– Азуза, – пробормотала она, потягиваясь.

– Макиэла! – Шейра вскочила на ноги, ее глаза засияли. – Ну как ты?

Великанша застонала, вымучив лаконичную улыбку: – Жива!

– Сможешь присмотреть за Авраной и Канитрой? – Последние так и не приходили в себя. – Мы должны закончить поиски.

– Я уже поправилась. Идите, и да пускай сам Азуза укажет вам путь!

Макиэла потеряла свое копье в битве с сорняками, и Шейре пришлось оставить ей свое. Конан еще раз с восхищением взглянул на меч. Акбитанская сталь вполне заслуживала той цены, которую за нее просили на тех редких рынках, где она все еще встречалась. Как Кхерет забрел в те края, об этом варвар мог лишь гадать. Могущественный клинок мог бы добыть мешок с золотом тому глупцу, что додумался его продать.

– А это оружие... меч тебе тоже подарили боги? – спросила Шейра, когда они были на полпути к башне.

Конан усмехнулся:

– В некотором смысле... Впрочем, это длинная история.

– Расскажи.

Конан вкратце поведал ей о своих злоключениях вплоть до битвы с кезатти на сером побережье, где он впервые познакомился с Юконой. Он намеренно опустил детали чудовищного перевоплощения, ибо малейшие воспоминания о той мясорубке, которую он устроил на борту, вызывали у него дрожь. Шейра лишь покачивала головой, часто прерывая его рассказ и задавая вопросы. Киммериец объяснял как только мог; впрочем, он никогда не считался хорошим учителем. Корабль оказался для ее понимания наиболее трудным предметом, несмотря даже на его попытки проиллюстрировать на песке свое описание.

– Только наши воины используют пальмовые лодки, – заметила она, когда Конан привел в сравнение грубым ганакским судам известную своей печальной судьбой «Мистрисс».

Сложность их диалога усугублялась и тем, что многие ганакские слова имели сходные, однако далеко не точные значения. Во многих отношениях эти островитяне казались даже

более примитивными, чем племена, населявшие самые дальние закутки так называемых Черных Королевств. В то же время общественный строй туземцев выглядел не менее сложным, чем во многих развитых городах. Похоже, правда, они все-таки не знали письма; корявые рисунки Юконы были высшим пределом их литературных способностей. Зато, с другой стороны, они хранили свою историю, передавая ее в легендах из поколения в поколение.

И все-таки более всего поражал тот факт, что они обходились без металла и огня, которые являлись элементарными, однако первоочередными признаками любой человеческой цивилизации. Казалось просто невероятным, что Джайора и ее люди не передали этих знаний рахамцам. Хотя нет, конечно же, нет: чем же тогда еще могли быть сделаны надписи на камне? Кроме того, рахамцы имели свою письменность – искусство, навсегда утраченное ганаками. Все, что достигалось веками, было безвозвратно утеряно в войне с Джайорой и ее богами. Ганаки сумели выжить, однако превратились в маленькую вымирающую нацию, ограниченную на первобытном островке.

Прервав свои размышления, Конан посмотрел на участок пути, отделявший их от цели. Кроме нескольких куч сорняков да пары невысоких цилиндров, ничего примечательного он не заметил. Единственным захватывающим дух явлением была сама по себе башня. Существование столь величественного творения на диком затерянном островке казалось более чем удивительным.

Подойдя ближе, Конан заметил спирали затейливых символов, наподобие тех, что украшали плиты на тропе. Снизу они были тщательно обезображенены людьми Джайоры, однако достаточно хорошо сохранились наверху.

Каменная лестница вела наверх к высокой сводчатой двери. Насколько он мог судить, последняя была по крайней мере в два раза выше его собственного роста. Как ятаба и говорил, сложением рахамцы значительно превосходили своих потомков.

Через минуту они стояли у двери. Она оказалась сплошной каменной плитой без малейшего намека на петли, ручку или защелку. Конан нашел ее на редкость хорошо сохранившейся.

– Как же туда войти? – поинтересовалась Шейра, в голосе ее звучало неподдельное удивление.

– Похоже, ваши рахамцы разбирались не только в камне, но были еще чертовски искусными магами!

Тщательно изучив поверхность камня, Конан так и не нашел никакого скрытого механизма. Хорошенько разбежавшись, он попробовал высадить дверь плечом...

...Однако с таким же успехом можно было пытаться перевернуть стигийскую пирамиду.

– Бэл разорви этих умельцев! – проворчал киммериец, ощупывая каждый дюйм плиты.

– Мы можем попробовать вместе, – предложила Шейра.

Конан кивнул.

– Давай, на счет три.

Закончив считать, Конан налетел на дверь с чудовищной яростью. Вены вздулись на его висках, а лицо раскраснелось от чрезмерного усердия. Шейра атаковала вместе с ним, закрыв глаза перед самым столкновением.

– В какой из девяти преисподен... – Он неожиданно замолк, глаза округлились от удивления. Поверхность двери задрожала и, как во сне, поглотила девушку. Конан не мог поверить до тех пор, пока не услышал громкий шлепок: Шейра растянулась на каменном

полу.

– Конан, где ты? – тут же закричала она.

– Снаружи, у двери, Кром бы ее побрал! Как эта чертова... – Он внезапно остановился и хлопнул себя кулаком по лбу. Теперь было понятно, почему дверь так хорошо перенесла и ветер, и непогоду, и годы безжалостного вандализма... Она была иллюзорной и существовала лишь для того, кто на нее смотрел! Конан закрыл глаза и попытался очистить свой мозг от навязчивого изображения. Он снова навалился плечом, не потому, что надеялся открыть ее сам, а лишь для собственного успокоения.

Плечо не коснулось ничего, кроме воздуха. Смешно перекувыркнувшись, Конан растянулся на полу. Он приземлился рядом с Шейрой и тут же оглянулся назад.

С этой стороны башни дверь оказалась невидимой. Через сводчатое окно они смотрели на руины. Эффект напомнил киммерийцу зеркала, которые он видел однажды в шадизарской таверне – развратном местечке, где любые удовольствия тела были доступны за соответствующую плату. Хозяин, старый богохульник, снабдил свои комнаты специальными зеркалами, прозрачными с одной стороны, сдирая с клиентов баснословную плату за одну лишь привилегию наблюдать за занятием постояльцев, оставаясь при этом абсолютно невидимыми изнутри. Разумеется, рапамские мастера зашли на шаг дальше. Наверняка многие, если не все, цилиндры, что окружали башню, имели подобные входы. Теперь было понятно, почему первые попытки проникнуть в них не принесли пользы.

– Смотри! – Шейра указала вниз.

Конан немедленно узнал фонтан богов, хотя и видел его лишь из глубины подземелья. Они стояли в просторном коридоре с высоким потолком и любовались на хрустальную ванну. Бесчисленные грани отражали солнечный свет, заливая стены и пол башни радужными лучами: ярко-зелеными, золотисто-желтыми, огненно-красными и задумчиво-голубыми. Никогда еще Конан не видел подобного чуда, даже самые роскошные огирские дворцы не имели такого фонтана.

Однако дивный вид теперь омрачала зеленая лужа, растекшаяся у самого его основания. Камера внизу была, очевидно, доверху наполнена водой.

Искусно сработанный каменный серпантин винтом поднимался вдоль стен и доходил до самого шпиля. Конан осторожно двинулся по ступенькам, оглядываясь по сторонам и предупреждая появление малейшей опасности. Шейра постоянно находилась за его спиной, в одной руке сжимая ракушечный нож, а другой держась за руку варвара. Наверху лестница сузилась, заставляя их прижиматься к стене. Ее хаотично обломанные ступени говорили о том, что когда-то она была намного шире.

Вскоре они забрались так высоко, что фонтан внизу казался не больше хрустального бокала. Конан, привыкший к горам и скалам, чувствовал себя как дома, чего нельзя было сказать о Шейре. С каждым неуверенным шагом она все крепче сжимала его руку и старалась смотреть куда угодно, только не вниз.

Каменная тропа закончилась под сводом у входа в небольшую каморку. Теперь Конан увидел, что состояние шпиля было куда хуже, чем казалось раньше. Остатки изрезанного трещинами купола готовы были обрушиться в любую минуту. Комната под сводом была до аскетизма бедна, особенно в сравнении с пышной прихожей.

Однако содержимое ееказалось не менее чарующим.

Булыжники устилали пол, частично скрывая три громоздких сундука, стоявших у круглой стены вплотную друг к другу. Напротив них выглядел четвертый, точно такой же

конструкции, однако гораздо меньшего размера. Все имели металлические углы и скобы, в то время как сами деревянные планки были тщательно просмолены. У противоположной стены красовалось затейливое кресло. Изготовленное из материала, сильно напоминавшего опал, оно, казалось, абсолютно не вписывалось в обстановку. У Конана создалось впечатление, что оно было искусно вырезано из одного ослепительно белого камня. Если это действительно был опал, то варвар вряд ли смог бы назвать ему цену. Вещица была под стать тем немногим тронам, что встречались в Хоршемише, Бельверусе, Луксуре да, пожалуй, в Тарантии с Аграпуром.

В кресле восседал скелет.

Череп отвалился от костлявой шеи и по зловещей иронии судьбы покоился теперь на коленях. Кресло было, очевидно, построено для человека меньшего, чем его нынешний владелец. Таз скелета с трудом помещался между узорными ручками трона, а длинные бедренные кости выступали далеко за его пределы.

Кроме черепа, на белых, словно слоновая кость, коленях лежал довольно необычный ятаган. По форме он отдаленно напоминал змеиный клык, но во всех остальных отношениях выглядел так, как если бы кузнец, нет, каменный мастер выковал его из куска базальта. Озадаченный, Конан подавил в себе желание ухватиться за блестящую черную рукоятку. Базальтовое лезвие было бы весьма бесполезным даже против бронзового оружия. Кроме того, он сильно сомневался, что даже искусный ремесленник мог изготовить его из базальта, отшлифовав поверхность до такой степени, чтобы придать клинку блеск полированного металла.

Силой, которая остановила руку Конана, был суеверный страх перед прежним хозяином ятагана. Костлявые пальцы покоились на рукоятке, а пустые глазницы смотрели хмуро, как бы заранее обещая злую судьбу любому самонадеянному вору. В молодости Конан уже сталкивался с подобной угрозой – трупом, который вскочил на ноги, когда киммериец схватил его меч.

Разумеется, это был совсем другой случай.

– Кулунга? – испуганно прошептала Шейра; она благоговейно опустилась на колени и потупила взор.

– Похоже, что он, – проворчал Конан, он пересек комнату и рассмотрел оружие вблизи.

Выглядит как базальт. Он подошел к трону вплотную и застыл к нерешительности.

– Во имя Крома, избранный я или нет!

С этими словами он вырвал ятаган из немощных пальцев; лезвие прошуршало по древним костям. Когда никакого тысячелетнего проклятия не свалилось на его голову, Конан облегченно вздохнул.

– Наконец-то атланга принадлежит нам!

Он усмехнулся, размахивая необычным ятаганом. Атланга оказалась совсем не такой, как он сначала предполагал. Похоже, она была даже легче и крепче его собственного меча. Странно, как, обладая таким весом, оружие могло выполнять ту функцию, для которой оно предназначалось. Легкие как пух клинки были пригодны лишь для выпадов. Их обожали напыщенные аристократы, которые гарцевали и играли с мечом, однако не решаясь показаться и в миле от того места, где разгоралось настояще сражение.

Только глупцы рискнули бы противопоставить такое оружие широким западным мечам, которые всегда предпочитал Конан.

Проведя большим пальцем по лезвию атланги, варвар застонал от удивления. Оно

рассекло мозолистую кожу даже прежде, чем он успел почувствовать боль. Обычный меч никогда не сделал бы такого пореза. Необычайная острота оружия и его идеальное состояние Конана поразили. Один Кром мог знать, как долго оно здесь провалялось, выставленное на растерзание ветрам, влаге и прочим факторам, которые давно превратили бы даже отменно закаленную сталь в кусок бесполезного металла.

Неожиданно лезвие дрогнуло в его руке. Волосы на голове зашевелились, а по всему телу пробежал холодок, несмотря на то что рукоятка казалась чрезвычайно горячей. Внезапная вспышка боли вырвалась из кулака, прокатилась по телу и обожгла мозг. Конан упал на одно колено и попробовал разжать пальцы. Те сопротивлялись, как будто рука невидимого великаны сдавила их в своей чудовищной ладони.

– Что случилось, Конан?! – встревоженно закричала Шейра.

– Не... могу... отпустить... – выдавил киммериец, язык распух во рту, мешая говорить. Новая волна огня пронзила голову такой болью, что Конан едва не потерял сознание. Изо всех сил он старался избавиться от коварного оружия, однако атланга словно приросла к его ладони.

Зловещий шепот раздался в ушах:

– Не тот! Самозванец! Умри!

Шипение невидимого хора звучало невыносимо громко, пронизывая перепонки огненными иглами. Кровь хлынула из ноздрей таким горячим потоком, что обожгла его губы и нос. Жилы вздулись на руках от тех усилий, с которыми он пытался разжать кулак.

Шейра что-то кричала, однако ее слова тонули в пронзительном завывании голосов. Она обхватила его голову руками, и хор немедленно смолк.

Конан использовал долгожданную передышку, чтобы сделать вдох. В ту же минуту Шейра подхватила с полу булыжник размером с голову и запустила им в клинок.

Атланга выскользнула из онемевших пальцев я со звоном брякнулась на пол. Конан почувствовал, как жар, разливавшийся по всему телу, постепенно спал, хотя сам он по-прежнему продолжал дрожать. Пот лил с него в три ручья.

– Крон! Ятаба был не прав, – выдохнул киммериец, слизывая с губ запекшуюся кровь.

– О Конан! Если избранник не ты... тогда мы пропали!

– Нет, пока мы живы! – прорычал варвар; силы к нему возвращались. – Клянусь Кроном, киммерийцы никогда не сдаются! – Он посмотрел на распухшую ладонь и с трудом расправил пальцы.

– Но без атланги у нас нет шансов... Ты все равно не бросишь нас, Конан? – Шейра повернула к нему заплаканное лицо, в голосе ее чувствовалась мольба.

Конан кивнул:

– Нам еще надо доставить эту трижды проклятую вещицу ятабе, хотя я и не вижу большой пользы в оружии, которое кусает любого, кто бы за него ни взялся. Однако с атлангой или без нее, твои люди не останутся одни, по крайней мере до тех пор, пока я не срублю сотню красноперых голов.

– Что же произошло с Кулунгой? – поинтересовалась Шейра, вытирая глаза. Она смотрела на скелет то ли в благоговейном страхе, то ли с нездоровым любопытством – Конан не мог в точности сказать как.

– Возможно, ему удалось спастись от сорняков, однако лишь для того, чтобы умереть голодной смертью в башне. Существуют тысячи таких же безымянных могил в разных уголках земли, отмеченные костями героев, что пытались вернуть своему народу былую

славу. – Киммериец говорил отсутствующим тоном, как будто стоял в миle от Шейры, пристально изучая спинку трона.

– Быть мне пиктом, если это не опал! – прошептал варвар, глаза его горели. Увиденное эхом отзывалось в памяти.

С сухим шелестом скелет подался вперед и шумно грохнулся на пол. Шейра в ужасе отпрянула назад, а Конан, несмотря на свою недавнюю слабость, на фут подпрыгнул в воздухе и приземлился у противоположной стены комнаты. Он тут же подхватил меч и был готов отразить любую опасность.

Череп, который в полутора раза превосходил нормальный человеческий, покатился по камням и остановился у ног Шейры. Остальные же кости кучей взгромоздились у подножия трона.

Изображение на внутренней стороне спинки заставило Конана ахнуть. Выгравированные в мельчайших деталях на ослепительной поверхности камня, на него смотрели лики двуглавого слона, украшенные роскошными хомутами и двумя окаймленными широкой бахромой шапочками. Бивни их были угрожающе загнуты, а хоботы изящно извивались. Увиденное, как бы то ни было, пролило свет на темный уголок памяти варвара.

– Вендийцы! – прошептал он.

Конан видел эту картинку, когда путешествовал по их землям – землям древних богов и сверкающих бриллиантов. Герб представлял одного из богов, хотя варвар и не мог припомнить его имени. Впрочем, теперь он собрал все ключи относительно того, что касалось происхождения этого загадочного острова, который до сих пор не переставал его удивлять. Как оборванные куски одной карты, они подходили друг к другу. Он припомнил даже имя богини, неприглядный образ которой был вылеплен на воротах в крепость.

– Кали, – угрюмо выдавил варвар. – Джайора, которую король Орисс изгнал из Вендии, была верховной жрицей Кали!

Шейра смотрела на Конана в крайнем замешательстве.

– Не понимаю... Вендия... Кали... король Орисс? – Она с трудом выговаривала незнакомые слова. – Кто они все?

– Ты помнишь дьяволицу на воротах в стене?

Шейра кивнула, содрогнувшись при воспоминании о женщина-чудовище.

– Много лет тому назад мне доводилось бродить по развалинам древней Махараджи, некогда процветающего города Вендии.

– Вендии?

– Да, это королевство намного восточнее и южнее Киммерии, мне понадобился целый год, чтобы добраться до него пешком. Как бы то ни было, портрет десятирукой дьяволицы был высечен на стенах одного из зданий. В ту пору мне пришлось путешествовать в компании известного индийского чародея и удалось случайно подслушать легенду касательно кровожадной богини.

Когда-то Махараджа являлась столицей Вендии. Основатель города король Орисс был первым законным вендийским королем. Он уничтожил многих своих врагов, и все же главному его сопернику удалось выжить – то была Джайора, верховная жрица Кали. Она провозгласила свое родство с расой так называемых пан-кур – отпрысков женщин, вступивших в связь с демонами. Она была поистине могущественной жрицей и имела тысячи почитателей, принимавших участие в ее чудовищных ритуалах. Джайора построила небольшую империю, которая ширилась, словно лужа крови из перерезанной глотки,

отравляя все южное побережье. Однако никто не осмеливался противостоять жрице Кали, ибо последняя считалась самой кровожадной богиней Вендии. Те давно запрещенные культы были кровавым богохульством, не знавшим себе равного. Некоторые из тех извращений, что творились в ее храме, были описаны в свитках вендийского мудреца. Чародей прочитал несколько из них, к счастью, я не помню подробностей. Иные, самые мерзостные ритуалы были абсолютно нечитаемы, ибо были насквозь перепачканы рвотой самих писцов.

Конан поскреб подбородок, стараясь вытянуть воспоминания из этого темного уголка памяти.

— Джайора и ее армия фанатиков однажды напали на город, правил которым Ориссин брат. Последнего они принесли в жертву богине Кали. Это... — варвар остановился, указывая на кресло, — очевидно, знаменитый опаловый трон из его дворца. Искатели сокровищ и коллекционеры всех стран до сих пор выкупают истории, якобы подтверждающие его существование.

Конан скривился, вспоминая, как молодым юнгой потерял пару динаров из-за того, что сам попался на эту удочку. Он провел рукой по рельефному изображению слона и продолжил повествование:

— Должно быть, Джайора прихватила его с собой... Орисс в конце концов изгнал ее из Вендии. Разгневанный король обратился к могущественной жрице Индре, эмблему которой ты видишь на троне. Разразилась целая война, в результате которой могучий кулак Орисса раздавил круг поклонников Кали. И все-таки Джайоре удалось улизнуть. Никто не знал, что с ней стало потом, — по крайней мере до сих пор. Теперь-то ясно, что она наняла корабль и команду, ища спасения на море и, возможно, намереваясь выстроить для своей власти новый оплот.

Шейра задумчиво посмотрела на трон!

— Когда яtaba рассказывал о Джайоре, ее имя тебе ни о чем не напомнило?

Конан покачал головой:

— Ее имя было изъято из всех письменных источников. Произнести его вслух — означало подписать себе смертный приговор. Годами Орисс искал ее повсюду, надеясь отомстить за смерть брата, однако попытки выйти на ее след так и не увенчались успехом.

— Что же теперь, Конан? — спросила Шейра, покосившись на черное лезвие атланги. — Как мы доставим это в деревню?

— В одном из сундуков, — быстро ответил варвар, расчищая гору камней вокруг деревянных ящиков. Ему давно не терпелось узнать, что было там, внутри... однако так, чтобы не разбудить лишних подозрений. На острове у Джайоры не было способа растратить свои богатства, и Конан теперь ломал голову над проблемой, как их отсюда вывезти. Он был почти уверен, что знает направление на материк.

Джайора не могла отплыть далеко от побережья Вендии. Суда того времени мало подходили для продолжительных вояжей. Не говоря уж о том, что вендийцы никогда не считались искусными мореплавателями.

Теперь он не вернется с пустым карманом, даже если в этих сундуках хранилась лишь треть богатств, находившихся в ее владении. Облизнувшись, Конан поддел острием меча бронзовую защелку и мягко надавил на клинок. Крышка сидела плотно, покоробленная от длительного контакта с солнцем и дождем. Продолжая давить на эфес, Конан старался располагаться от сундука как можно дальше. Часто отсутствие замков означало скрытую опасность.

В данном же случае это скорей подразумевало отсутствие ценного содержимого. Сундук сдался. Увидев кучу заплесневелых томов, Конан помрачнел. Влага их окончательно погубила. Выбрав, на его взгляд, наиболее невредимый, он осторожно потянул за угол, опасаясь, что книга в его руках рассыплется. Посмотрев на остатки размытых иероглифов, Конан усмехнулся. За годы путешествий киммериец насобирал изрядный багаж знаний, которые послушно оживлялись при воспоминании о тех местах, где он побывал. Он мог писать и изъясняться на стольких языках, что иной заучившийся школьник позавидовал бы его способностям. Для вора, воина, наемника и просто искателя приключений вопрос жизни и смерти порой упирался в одно-единственное слово или даже букву.

Эти письмена в большинстве своем были непонятны, хотя сами иероглифы были, несомненно, вендейскими. Варвару вовсе не хотелось тащить этот хлам с собой, однако сейчас у него не было ни места, ни времени для изучения древних манускриптов.

Конан подхватил с полу бедренную кость и насадил ее на атланту. Держа оружие, словно ядовитую гадюку, он бросил его поверх книг. Поплотнее захлопнув крышку, он взвалил сундук на плечо: тот оказался тяжелым, хотя и переносимым.

Поставив его на место, Конан разбросал прочь камни, что зарывали три других сундука. Трещины на полу свидетельствовали о немалом весе их содержимого. Конан зажмурился. От ярких картин, которые рисовало его богатое воображение, захватывало дух. Он отомкнул затвор, приподнял крышку и усмехнулся при виде золотых монет самой разной чеканки и размеров. Это была добыча, стоившая не одного года пиратства. Варвар мысленно простонал, гадая, каким образом все это добро можно было бы спустить вниз. Полуразрушенная лестница наверняка не выдержит, с другой стороны, в его распоряжении не было ни веревки, ни какого-либо другого средства транспортировки.

– Конан! – пронзительно вскрикнула Шейра и вжалась в стену.

Огромная тень мгновенно поглотила ее; в тот же миг Конан бросился на пол.

Сундук спас ему жизнь.

Стальные предплечья обрушились на бронзовые скобы да на дубовое дерево, превратив сундук в щепки. Зеленые челюсти громко щелкнули в воздухе в дюйме от его шеи; солнце отразилось в зловещих рядах острых как лезвие зубов.

– Кром разорви! – выругался киммериец, подползая вперед к выроненному мечу.

Гигантский крадунчик заполнил собой комнату, в три раза превосходя своего мертвого собрата в размере. Антенна толщиной с мужчину кровожадно вращалась на лбу меж луковиц стеклянных вытаращенных глаз. Шипы торчали из предплечий, словно рапиры, а ослепительная чешуя изумрудной кольчугой покрывала тело.

Наклонившись, чудовище пощелкало клешнями, стараясь ухватить ими варвара, притаившегося за спинкой трона. Стальные щипы вонзились в опал, отчего камень закрошился. Могучие предплечья подняли трон в воздух. Раздался чудовищный треск, и дождь ослепительных осколков обрушился на онемевшего киммерийца.

Озадаченный продемонстрированной силой, Конан с сомнением посмотрел на свой клинок и прыгнул к выходу, подхватив по пути Шейру.

Крадунчик швырнул трон, точнее, то, что от него осталось. Тот врезался в стену, едва не пригвоздив Конана. В ту же минуту гигантская туша закрыла проход, а других выходов комната не имела.

Они были полностью отрезаны.

В следующий миг они оказались вовлечены в чудовищный танец, уклоняясь и

уворачиваясь от новых выпадов крадунчика. С ужасающей сообразительностью тварь научилась предугадывать их маневры, заставляя постоянно менять тактику. Время от времени они пытались прорваться к выходу, однако каждый раз оказывались отброшенными назад.

Конан понимал, что долго они так не продержатся: пот лил с него в три ручья, в то время как враг их не проявлял ни малейших признаков усталости. Любая ошибка могла обернуться теперь ужасной смертью в стальных тисках. Дело усугублял тот факт, что пол под ногами начал угрожающе трескаться. Снизу доносился тяжелый гул, как если бы булыжники с потолка начали осыпаться. Далекое эхо заставило Конана похолодеть... Это пол медленно уходил у них из-под ног.

Лучше уж умереть в бою, чем навернуться с этой чертовой башни! Конан понимал, что от его собственного меча было сейчас не много пользы, и поэтому решился на отчаянный шаг. Прокатившись по полу, он ухватился за рукоятку атланги и выдернул ее из-под обломков раздавленного в щепки сундука. Обжигающая волна тут же пронеслась по руке, однако варвар стерпел боль.

Как он и предполагал, чудовище не сменило своей тактики. Когда безобразная голова устремилась вниз, он высоко подпрыгнул и оказался на уровне выпущенных глаз. Могучим ударом он опустил атлангу как раз между глазниц. Острое лезвие разорвало зеленую жилистую ткань и застряло по самую рукоятку. Как и прежде, Конан почувствовал, что мускулы его пальцев напрягаются, в следующий миг он уже не сможет их разжать.

Нечеловеческим усилием он все же оторвал руку и грохнулся на пол. Перекатившись через всю комнату, он размазался по стене.

Оглушительный вой разорвал воздух. Обезумевший монстр крутился волчком, пытаясь вытащить клинок из разрубленного черепа. Глаза пылали, словно два раскаленных угля, постепенно тускнея. Безобразная голова распухала и приобретала розоватый оттенок. Неожиданно она взорвалась, извергая фонтан красной слизи, столь едкой и зловонной, что у Конана из глаз брызнули слезы. Гигантская туша рухнула, забилась в судорогах и вскоре затихла. Пол под ней с треском провалился.

На какой-то миг Конан ощутил невесомость. Краем глаза он заметил, что Шейра ухватилась за карниз и болталась теперь над пропастью. Выкинув вперед руки и чуть не вывихнув плечо, он проскользил по ее ногам и повис, держась за лодыжки.

Шейра вздрогнула, когда вес киммерийца чуть не вырвал ее руки из суставов. Раскачиваясь, словно маятник, они отчетливо понимали, что их последние минуты стремительно истекают.

Шейра держалась из последних сил, медленно, но неумолимо сползая. Она оглянулась вниз и что-то сказала. Слова ее затерялись в общем шуме, однако выражение лица девушки говорило само за себя. Опаловый трон несколько раз перевернулся в воздухе и обрушился на фонтан, взрываясь фейерверком радужных осколков.

Скользнув взглядом по стене, Конан увидел внизу похожий карниз. Потные пальцы ослабили захват, и пустота распахнула перед ним свои объятия.

Расчет оказался точен. Он вцепился в каменный выступ и посмотрел на Шейру, все еще продолжая раскачиваться. Та без труда справилась с собственным весом и, перебирая руками по обломкам ступеней, спустилась на невредимый участок лестницы. Грохот и треск прекратились. Конан вытянул себя на карниз и прислонился к стене, задыхаясь от изнеможения. Отдышавшись, он посмотрел вниз, где среди груды камней валялось тело

раздавленного крадунчика. Монеты сверкали всюду, устилая каменный пол капельками золотой росы. Содержимое остальных сундуков было похоронено под обломками.

Конан перебрался к Шейре, взгляд его выражал молчаливую благодарность.

— Кром, мы были на волоске от смерти. Боюсь представить, что нас ждало, если бы не ваша атланга! Однако придется потерять еще один день, чтобы отыскать ее среди этого хлама. Не сомневаюсь, что она по-прежнему цела и невредима.

Шейра улыбнулась:

— Дважды мы выскользнули из лап вугунды. Хотя ятаба и ошибся, назвав тебя избранным, однако ясно, что у богов ты в почете. В противном случае твой бог Кром наделил тебя таким везением, которое не снилось ни одному живому человеку.

— Ха! Раз увидев меня за игорным столом, когда я метаю кости, ты бы заговорила по-другому. Несчастья преследуют меня по пятам. Впрочем, сегодня мы победили... Однако не будем терять времени! Солнце садится, а мы так и не выполнили своей задачи. Вперед, и да сопутствует нам удача! — На последнем слове он чуть не запнулся. — Мы должны присоединиться к остальным прежде, чем опустятся сумерки. — «Прежде, чем их разыщет новый крадунчик», — хотел сказать Конан, однако благоразумно промолчал.

ГЛАВА 17

РАНИОБА

— Вторая ночь на исходе. Почему они до сих пор не вернулись? — нервничал Юкона, утаптывая грязь у входа в хижину ятабы.

— Успокойся, Юкона. Глядя на небо, тучи не разогнать. Твои переживания никому не принесут пользы. Отдохни — ты и так не сомкнул глаз с того самого утра, когда они выступили в поход.

— Мертвые земли поглотят мою дочь, и Конана, и остальных! Я должен был пойти вместе с ними, — стонал Юкона, игнорируя уверещания ятабы.

— И бросить деревню? Те, которых ты поклялся защитить, — здесь. Женщины, дети, старики и горстка умирающих воинов нуждаются в твоей защите. Если кезатти вернутся...

— То им придется иметь дело со мной, — прогремело за их спинами.

Вожди удивленно оглянулись.

Гомба стоял в дверном проеме, поигрывая огромными бицепсами. Он выглядел как кто угодно, но не как человек, лежавший два дня назад на смертном одре. Не считая нескольких ссадин и синяков, тело его было абсолютно невредимым. Взгляд излучал здоровье. Уверенным шагом он направился к старикам.

— Гомба! Ты выглядишь таким же, как и всегда, клянусь Азузой! — поразился Юкона.

Ятаба посмотрел на юношу серьезно.

— Осторожней, Гомба. Твоя сила может покинуть тебя как раз тогда, когда мы будем более всего в ней нуждаться. Тебе я говорю то же, что и Юконе, — отдохай.

— Не могу. Только не теперь, когда кезатти кружат над головой, готовясь к решительной атаке. Мысли о них омрачают мой сон. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу, как они кружат, словно крылатые облака, поджидая удобного момента, чтобы обрушиться на нас в смертоносном штурме клювов и когтей. И кто же стоит между ними и деревней... Юкона? — Юноша ткнул пальцем в старика и надменно фыркнул.

Юкона напрягся, его глаза вспыхнули.

— Попридержи-ка язык, Гомба! Не забывай, с кем разговариваешь. Я сыт по горло твоими насмешками.

— Понимаю. Ты обвиняешь меня в том, что я не питаю должного уважения к своему вождю. Но скажи, как мне уважать человека, что занимает пост, которого давно не заслуживает? — Слова прозвучали, словно пощечина.

Открытой ладонью Юкона ударил молодого воина по лицу, да так, что тот едва не потерял равновесия.

Взвыв, Гомба сжал правую руку в кулак и занес ее для ответного удара.

Ятаба перехватил ее в воздухе.

— Прекрати, безумец! — Он посмотрел на Гомбу испепеляющим взглядом. — Однажды я тебя прогнал и сделаю это опять, если не научишься уважать старших. Сердцем ты обращен к народу, однако твой разум — черный колодец, в котором я до сих пор не могу разобраться. Боги наградили тебя силой, которой ты, однако, не должен злоупотреблять. Извинись перед Юконой!

Гомба притих, стараясь высвободить руку из стальных ятабинных объятий. Юкона ждал,

скрестив руки на груди.

— Извинись! — настаивал ятаба, его мускулы дрожали. Вены вздулись на его предплечьях, когда юноша наконец разжал кулак. Несмотря на напряжение, которое испытывали его мышцы, голос его был по-прежнему твердым.

Гомба опустил плечи, как будто перестав сопротивляться, и, потупив взор, тихо пробормотал:

— Прости, Юкона, мой вождь, и ты, ятаба, духовный лидер.

Ятаба выпустил его руку и подбоченился.

— Я нужен тебе и твоему народу, — сказал Гомба, не переставая смотреть в землю. — Ты не посмеешь меня прогнать. Впрочем, я все равно не уйду. А что до чужестранца Конана — он нам не нужен. Отпусти его, пусть идет своей дорогой! Если та, которая должна была стать моей женой, умрет, я никогда тебе этого не прошу.

— Она раниоба и, согласно нашим обычаям, вольна сама принимать решения, — ответил ятаба, потирая руку. Его лицо исказила гримаса, с помощью которой он надеялся пересилить боль.

— Как ты потом отмоешься от ее крови? Как? Сердце мне подсказывает, что ты отжил свои лучшие годы, как и Юкона. Это твой закат, ятаба. Солнце, что когда-то было твоим разумом, неумолимо клонится к горизонту. Но ты духовный лидер и все еще вершишь судьбы людей. — Гомба потер ладонь и встремхнул побелевшими пальцами. — Что ж, посмотрим, кто вернется скорее: наши враги или чужестранец, с которым, как ты сказал, связана наша последняя надежда на спасение.

Юкона не проронил ни слова, лицо его было каменным.

Взгляд ятабы блуждал по макушкам деревьев, что росли на краю деревни, да по черным клочкам неба, что проглядывали сквозь них. Он также ничего не ответил.

«В какую из Девяти Преисподен Зандру они провалились? — ворчал Конан, изучая окрестности родника». Утреннее солнце достаточно хорошо освещало руины, однако в условленном месте никого заметно не было. Шейра ускорила шаг.

— Возможно, они спрятались от другого крадунчика. Конан шагал по тропе, не оборачиваясь на башню.

Разбрасывание бульжников отняло гораздо больше времени, чем он предполагал, заставив их прекратить поиски с наступлением сумерек. Перспектива провести ночь в башне добавила соли к и без того мрачным мыслям Конана. Однако настроение киммерийца заметно изменилось, когда в благодарность за все Шейра его поцеловала. Губы их слились в долгом поцелуе, предшествующем целой ночи страсти. Прекрасная ганакская охотница была весьма удивлена теми чувствами, которые пробудил в ней Конан.

Киммериец чувствовал себя этим утром немного помятым, впрочем, он все равно не смог бы уснуть. Несмотря на грубый комфорт башни, амурные приключения были как раз тем, чего ему так не хватало.

Шейра, в свою очередь, также казалась намного счастливей. Как только первые лучи солнца скользнули по стенам, они продолжили свои поиски и обнаружили атлангу под грудой щепок. Среди прочего хлама Конан наткнулся на несколько интересных объектов, которые тут же распихал по карманам, предназначавшимся первоначально для рубинов. Узнав, что красные самоцветы являлись глазами самой богини Кали, Конан выбросил из головы свою затею. Такие сокровища носили на себе клеймо черной магии, и опыт подсказывал киммерийцу, что от таких трофеев нельзя было ждать ничего, кроме

неприятностей. Возможно, когда-нибудь он вернется за ними, однако сейчас он вполне удовлетворился лишь несколькими вещицами из копей Джайоры.

Он откопал даже маленький сундук, кое-как восстановил его и набил теми немногими книгами, которые, на его взгляд, сохранились наилучшим образом. Беглое перелистывание манускриптов открыло несколько интересных фактов, что также положительно отразилось на настроении варвара.

Они аккуратно положили атлангу в сундук и для пущей безопасности обмотали «кусающуюся» рукоятку сорняками.

Шутя и посмеиваясь, они покинули башню, озаренные новой надеждой.

Только сейчас они столкнулись с неожиданной проблемой.

— Если бы с ними что-то случилось, они наверняка оставили бы знак, — предположил Конан утешительно.

Подойдя к роднику, они вдоволь напились, прежде чем отправиться на поиски женщин. Пока Шейра плескалась, Конан внимательно изучил землю и поскреб в задумчивости подбородок.

— Никаких следов борьбы, но я вижу следы четверых, и они ведут к выходу из крепости.

— Четверых? — усомнилась Шейра, она стояла сейчас в нескольких шагах от Конана.

— Скорей за мной!

Они поспешили к сводчатым воротам и остановились, услышав за стеной шорох.

— Неужели они... — начала Шейра. Конан жестом приказал ей замолчать.

Снаружи чернела тень... огромная тень слишком знакомой формы.

— Проход слишком узок для столь колосальной твари. Здесь мы в безопасности, — прошептал варвар.

— Макиэла... Аврана... Канитра... — простонала Шейра. — Нет, не могу в это поверить!

— Я надеюсь на лучшее. Кем бы мог быть этот четвертый? — недоумевал Конан.

— Шейра? — раздался из-за стены голос.

Они оба чуть не попадали от удивления, когда в проходе показалась голова Макиэлы.

— Макиэла! — вскрикнула Шейра.

— Во имя Крома...

Великанша бросилась ей на шею, Аврана и Канитра бежали за ней.

— Не волнуйся, с нами все в порядке!

Тень, безо всяких сомнений принадлежавшая крадунчику, переместилась. Девушки весело направились к выходу, и Конан, ругаясь, отправился следом. Пока раниоба и ее охотницы обнимались, он изумленно разглядывал гигантского зеленого монстра. Меч инстинктивно оказался в его руке.

Верхом на чудовище сидела пожилая ганакская женщина с покрытым глубокими морщинами лицом. Тело ее не было покрыто обычным для ганаков узором, хотя она носила ожерелье, похожее на то, что имела Шейра. Толстая седая коса спускалась до поясницы; на ее конце красовалась белая цилиндрическая ракушка. Улыбнувшись, она повернулась, выставляя напоказ безобразное, лишенное руки левое плечо.

Шейра удивленно заморгала, в ее глазах читалось одновременно узнавание к недоверие.

— Ниона-раниоба?

— Да, крошка. Твои глаза остры, как и положено раниобе. Хотя, когда я видела тебя в последний раз, ты была ребенком с махоньким пучком волос. Давно ли это было? Думаю, что да. С тех пор чередование дня и ночи давно утратило для меня значение. Мне есть что

вам рассказать, но сначала, — она ткнула пальцем в Конана, — я должна знать имя этого человека и название земли, из которой он пришел. Повесть моя для ганаков, но не для ушей чужаков!

— Его зовут Конан, родом он из далекой Киммерии. И он не чужак! Он сражался вместе с нашими воинами, пил с ятабой куомо и спас меня и остальных более чем один раз, — заступилась Шейра и, посмотрев на Макиэлу, добавила ледяным тоном: — Как Макиэла должна была рассказать.

— У меня просто не было такой возможности! — запротестовала великанша.

— Правда! Ниона-раниоба явилась к нам с рассветом, — поддержали две другие девушки.

— Хватит, дети! Пусть, говорит Шейра. Остальные попридержите свои языки, — скомандовала старуха.

Конан сгорал от желания узнать, почему крадунчик попросту не сожрет их всех разом, однако боялся, что странная ганакская наездница не потерпит дальнейших прерываний. Он стоял с мечом в руке, неспокойно переминаясь с ноги на ногу, пока Шейра вкратце перечисляла все недавние события, начиная с его появления на Араве. Время от времени Ниона останавливалась для уточнения деталей. Старуха была удивительным образом информирована обо всем, что происходило в деревне, и особенно разбиралась в вопросах, касавшихся мертвых земель.

Пока они беседовали, киммериец внимательно изучал крадунчика. Он уже достаточно на них насмотрелся, однако возможности изучить их на досуге до сих пор не выпадало. Тварь стояла как вкопанная, ее темно-зеленые глаза, цвет которых делал ее не похожей на остальных собратьев, сверкали непостижимым разумом, от чего по спине у Конана пробежали мурашки. Он заметил, что этот крадунчик имел узкие кожаные надкрылья и широкий веер вместо хвоста; последний был аккуратно сложен. Красные и белые пятна украшали короткие передние лапы. Киммериец готов был поклясться, что не видел у других подобного раскраса. Сноп коры был прикреплен в виде седла к толстой, как дерево, шее, верхом на которой восседала Ниона.

Из ее рассказа Конан понял, что та покинула деревню, когда Шейра была еще девочкой. Новая раниоба заняла ее место, которое потом унаследовала Шейра. Варвар до сих пор не мог разобраться в привилегиях раниобы, однако похоже, титул обеспечивал власть над определенной группой женщин, называемых охотницами, и был равносителен званию вождя у мужчин.

В конце концов Шейра удовлетворила любопытство старухи.

Ниона посмотрела на Конана и одобрительно кивнула.

— Глаза и кожа твои — как у сына Киммерии. Однако силой и духом своим ты похож на ганака!

Киммериец был весьма польщен таким сравнением, но воздержался от благодарностей и вместо этого перехватил инициативу.

— Откуда же ты пришла? Уж наверняка не из этих трижды проклятых древних развалин!

Старуха засмеялась:

— Древних?.. Да! Эти камни помнят давние времена, столь давние, что ты не сможешь себе даже представить. Проклятых?.. Возможно, когда-то, но не навсегда. Ты уничтожил последнее и наихудшее из чудовищ, порожденных в войне между богами. Жизнь снова может прорасти на этих камнях. Мертвые земли, как вы их называете, приютили меня. Но не здесь, я подчеркиваю, ибо вы видели лишь часть мертвых земель. В тех местах, откуда я пришла, не

ступала нога ни одного ганака. Даже ананси избегают этих лесов.

Когда я была такая же, как Шейра, я мечтала увидеть старую деревню, как, впрочем, и многие до меня. Мы были наивны – все те, кто последовал по тропе Кулунги, – однако самонадеяны и горды. Как многие, я пала жертвой ананси. Они преследовали меня, пока я не уперлась в стену деревьев, недалеко отсюда. Это была ловушка! Нет... – Она усмехнулась, заметив, как Конан кивнул головой. – Нет, это не те деревья, что окружают рахамскую крепость. В тех местах, откуда я пришла, деревья толще и выше и растут так тесно, что между стволами нельзя просунуть ладонь. Попасть туда можно только сверху на спине мзури-вугунды, которого вы видите перед собой. В ту пору Разангва верхом на мзури пробиралась сквозь джунгли, она-то и спасла меня от ананси. Разангва была рахамкой... последней из своей расы.

– Тебя спасла рахамка?

Изумленный щепот Шейры вторил мыслям Конана.

– Фонтан богов наградил ее счастьем долголетия, или проклятием долголетия, как она сама это называла. Разангва была одной из немногих рахамцев, что сумели выжить в войне между богами Джайоры и их собственными богами. Им были известны многие секреты этого острова. – С этими словами Ниона подняла кончик своей косы и подула в ракушку. Вопреки ожиданиям Конана, никакого звука из нее не последовало, однако крадунчик приподнялся с земли и изменил позицию. – Мзури-вугунда, в отличие от остальных, подчиняется ветряным духам, что обитают в этой ракушке, если ее хозяин умеет их вызывать. Разангва обучила меня этому искусству.

Она спасла меня от смерти в лапах ананси, хотя те оторвали мне руку. Разангва забрала меня к себе и залечила рану. Тогда я дала обет-клятву никогда не выдавать ее ганакам и не покидать, пока она жива.

Теперь я свободна от этой клятвы, ибо двадцать раз лик Азузы появился на небе с тех пор, как Мухинго забрал ее к себе. Много лет она жила одна. Жизнь ее была пуста, наполняемая лишь воспоминаниями о тех, кого она когда-то любила. Я не хочу умереть такой смертью. Время вернуться!

Вечерами я прилетала в Ганаку, чтобы увидеть деревню. Я следила за вашим маршрутом по мертвым землям, однако не успела вовремя предупредить об опасности. Давакуба стара и не всегда умеет различить своих более агрессивных соплеменников, – с этими словами она похлопала крадунчика по спине. – К счастью, Конан сам убил того вугунду. Мзури редки, хотя и не охотятся друг на друга, как остальные. Это ужасное зрелище: самка поедает самца на глазах у собственных детей.

Конан содрогнулся, представив себе подобную картину.

– Можешь ли ты научить нас управлять ветряными духами? Восседая на спинах мзури, мы бы быстро отбили у кезатти охоту наведываться в деревню.

Ниона покачала головой.

– Мальчишки делаются мужчинами, прежде чем обучатся атому-искусству. Однако вы можете рассчитывать на мою помощь. – Она дунула в свой свисток, и мзури, словно дрессированный слон, послушно опустился на землю; Макиэла, Канитра и Аврана проворно вскарабкались на его толстую и устланную пальмовой корой шею. Ни для Конана, ни для его сундука места не осталось.

Киммериец посмотрел на животное с сомнением.

– Я пойду впереди, – сообщил он остальным. Конан все еще питал к крадунчикам

непроизвольную неприязнь; последнее приключение в башне было слишком свежо в его памяти.

Шейра вполне разделяла его чувства и поэтому старалась держаться от крылатой туши как можно дальше. Ниона снисходительно улыбнулась.

— Мне знакомо это чувство. Не бойтесь, мзури никогда не нападают на людей. Мы с Давакубой вернемся за вами еще до вечера. Оставайтесь в крепости возле родника, там вы будете в безопасности. Только злой вугунда может пересечь стены, да и тот не отважится опуститься на землю.

Конан взглянул на солнце: полдня они провели за разговорами. Впрочем, он не сомневался, что Ниона сдержит свое обещание: крадунчики продемонстрировали способность быстро летать. Вместе с Шейрой он видел, как старая раниоба беззвучно дунула в свисток, и мзури взвился в небо. Вскоре они скрылись за макушками деревьев. Конан постарался не смотреть на Кахли, когда они снова вошли в крепость.

Шейра направилась прямиком к роднику и уселась возле воды, упиваясь прохладой. Когда Конан наклонился, чтобы умыть лицо, она шутя его подтолкнула. Вынырнув, киммериец схватил ее за руку и также затащил в воду.

— Во имя Крома, девочка, ты не должна вернуться грязной.

Шейра смеялась, брызгая его ладошками. Конан жмурился, уворачивался, мотая гривой мокрых волос. Капельки росы сверкали на смуглом лице раниобы, капая на упругие груди, наполовину спрятанные под водой.

Время, проведенное в ожидании Нионы, протекло незаметно.

ГЛАВА 18

ДУЭЛЬ

Ночь была в полном разгаре, когда Конан закончил поглощение куомо и отправился на покой, как это сделали ятаба, Юкона и остальные ганаки. Гомба удивил всех, публично принеся ему свои извинения, которые, правда, показались киммерийцу насквозь фальшивыми. Шейра и ее женщины, которым по традиции употребление куомо воспрещалось, казались тем не менее такими же веселыми. Их благополучное возвращение из мертвых земель подарило ганакам новую надежду.

Ятаба выглядел весь вечер чрезвычайно рассеянным. Он избегал общества Ниона и уклонялся от ее взглядов; Конану с трудом удалось втолковать ему, что он не является избранным и что в предстоящем сражении атланга будет бесполезным оружием. Киммериец с удовлетворением заметил, что горстка ганакских воинов быстро поправлялась, не говоря уже о чудесном выздоровлении Гомбы.

Он также пообещал возглавить ганаков в надвигающейся битве с кезатти. Ятаба и остальные были твердо уверены, что человек, столь любимый богами, неизбежно приведет их к победе. Эта вера опьяняла их как куомо, и, казалось, впервые за много дней туман безнадежного отчаяния, повисший над деревней, рассеялся.

Конан беспокойно ворочался, разглядывая потолок хижины Юконы. Вождь потребил невероятное количество куомо и теперь хранил, как коринфийский буйвол.

Киммериец понимал причину своей бессонницы: он с нетерпением ждал рассвета, когда ятаба должен был освободить его от заклятия, которое, словно невидимая язва, продолжало отравлять его мозг. В одной из многочисленных прорех на редкость дырявой крыши он видел луну. Сколько же времени прошло с той кошмарной ночи на борту «Мистрисс»? Луна казалась почти полной. Он отвернулся от нее, перевернувшись на живот и уткнувшись лицом в собственные руки. Ложе из листьев было далеко не самым комфорtabельным, впрочем, ему доводилось спать и на кроватях похуже.

Закрыв глаза, Конан представил Шейру; она улыбалась и брызгала в лицо водой. Постепенно киммериец погрузился в легкую дремоту, которая перешла в тяжелый сон.

Конан прорыдался сквозь мокрые от духоты джунгли, зловонное дыхание вырывалось из его рта. В воздухе витали тысячи других запахов: листвы, дождя, жуков и змей, – запахи, которые он остро и инстинктивно различал, запахи его жертв. Он неутомимо несся вперед все быстрей и быстрей, пока не увидел зверя. Животное излучало страх, вызывая чудовищный аппетит. Слюна капала на грудь, глаза загорелись огнем. Не обращая внимания на ветви, нещадно стегавшие лицо, Конан бросился напролом.

Он мечтал о теплой крови, вырывающейся из разодранной глотки, выпотрошенного живота и все еще бьющегося сердца.

Схватив животное за заднюю ногу, он придавил его к земле, вкушая предсмертный крик. Острые когти вонзились в плоть. Содрогаясь в конвульсиях, животное повернуло к нему искаженное мукой лицо...

Конан с трудом подавил крик. Пот покрывал тело, словно мокрый пододеяльник, а сердце грозило выпрыгнуть из груди.

Лицо, увиденное в ночном кошмаре, принадлежало Шейре.

— Крон, — простонал киммериец, отдирая прилипшие листья. Теперь ему точно нельзя было спать. В сотый раз он пожелал того, чтобы духи ракушек проделали свою работу ночью. Однако ятаба настаивал подождать утра, когда лик Азусы засияет в небе.

Храп Юконы содрогал избушку, наполняя ее кислым запахом куомо. Конан выскользнул наружу, вдыхая свежий воздух и стараясь не смотреть на луну. Он устало вытер лицо и зашагал к холму. Все, что он мог себе позволить, — это провести ночь на скамейке.

К его чрезвычайному удивлению, Шейра была именно там. Она держала цветок, перебирая лепестки, радостные оттенки которых в призрачном свете луны казались тусклыми. После такого кошмара Конан не очень-то хотел сидеть с ней бок о бок, однако она его заметила и поманила рукой.

Он опустился рядом и выдавил улыбку.

— Разве ты не рад, что ятаба излечит тебя завтра? — спросила Шейра, заглянув ему в глаза.

— Разумеется, рад, — проворчал киммериец.

— После того, как мы разобьем кезатти... ты вернешься в Киммерию?

— Скорее всего в Вендию, если в тех книгах, которые мы нашли... — Он неожиданно прикусил язык. Как же он сразу не распознал корня вопроса? Не будь он опьянен куомо и расстроен кошмарами — ни за что не допустил бы подобной ошибки.

Шейра продолжала, разглядывая свой цветок:

— Ты можешь оставаться с нами столько, сколько захочешь. Там, в крепости, я не думала, что буду по тебе так скучать.

Конан не знал, что ответить. Шейра действительно была сокровищем, сильной, решительной и в то же время чрезвычайно женственной. Взяв ее в жены, он стал бы чем-то вроде короля для этих людей. Избавившись от кезатти, Ганака превратится в сущий рай. Любой бродяга не раздумывая отдал бы правую руку за возможность пожить такой жизнью.

Но Конан не был простым бродягой и в то же время не собирался пока где-нибудь оседать. Домашняя жизнь в окружении сытых соседей — вот что пугало его больше всего. Кроме того, уничтожив кезатти, ганаки лишатся своего единственного стимула, до сих пор не позволявшего им облениться и зажиреть. Возможно, со временем здесь возникнут ремесла и искусства, однако все это было не для него.

— Тебе не обязательно сражаться за нас, — процедила Шейра.

Только негодяй мог бы оставить вас в такую минуту, — возразил Конан. Он поклялся драться до конца, пока с лезвия его меча не стечет кровь последнего хищника. — Думаю, я задержусь у вас на какое-то время, — пообещал киммериец. После того, как ятаба избавит его от заклятия, несколько дней решительно ничего не изменят. Кроме того, изучение книг Джайоры и приготовление к плаванию также потребуют некоторого времени. В принципе, он даже подумывал вернуться в крепость и стащить-таки злосчастные рубины. Во имя Крома, сколько раз он подвергал себя смертельной опасности за награду куда меньшую.

Глаза Шейры блеснули лунным светом, и она улыбнулась. Конан заключил ее в свои объятия, приютив голову девушки на своей могучей груди. Тревожные мысли о предстоящем дне мигом рассеялись. Шейра подарила ему нежный поцелуй, однако киммериец отстранил ее от себя, услышав за спиной тихий звук.

Гомба стоял сзади, наблюдая за происходящим; каменное лицо застыло в безобразной маске. Руки сжимали весло так крепко, что могучие мускулы дрожали. — Она моя, — процедил он сквозь зубы.

Шейра вскочила на ноги.

– Нет, Гомба! Не смей меня отстаивать! Когда-то я любила тебя, но сейчас ты меня не интересуешь. Эта драка ничего не изменит. Конан спас меня и...

– Ты... – прошипел огромный ганак, выплевывая слона, словно слюни. – Ты в этом виноват, чужестранец! Отправляйся к своим богам! – С этими словами он двинулся на Конана.

Конан немедленно принял стойку кулачного бойца, оплакивая то обстоятельство, что его собственный меч остался преспокойно лежать у стенки в хижине Юконы. Встав между Шейрой и Гомбой, он угрожающе сжал кулаки.

– Отойди-ка, девочка. – Поначалу он хотел простить Гомбе все нанесенные им обиды, однако теперь в его груди вспыхнула ярость, которую можно было потушить лишь кровью. – Твой Гомба никогда уже не прикоснется к женщине, разве что соблазнит в аду дьяволицу! – С этими словами Конан бросился на копье.

Смертоносное острие не нашло ничего, кроме воздуха. Варвар вцепился в древко и потянул на себя, надеясь вырвать из рук противника. Невероятным образом ганак удержался на ногах. Не в силах противостоять чудовищному напору, Конан выпустил весло, за что немедленно поплатился. Сокрушительной силы удар наверняка бы расколол череп человека менее сильного. Конан упал на колени, однако снова схватил копье. Началась отчаянная борьба, похожая на детскую игру в перетягивание каната. Неожиданно Гомба сменил тактику и надавил вперед.

Конан почувствовал, как острие скользнуло по его шее. Обманным движением ему удалось в конце концов опрокинуть своего врага на землю. Завладев веслом, он принялся колотить Гомбу плоским концом, словно дубинкой. Не обращая внимания на удары, разъяренный ганак вскочил на ноги и снова бросился на киммерийца.

Шейра застыла на месте, стоя с открытым ртом, не в силах оторвать глаз от яростного поединка.

Варвар обрушил на Гомбу чудовищный штурм ударов и тем не менее вынужден был отступить. Пятась назад, он не заметил сундука, который так и продолжал стоять на том месте, где его оставил ятаба, и, споткнувшись, опрокинулся на спину. Гомба торжествовал.

Обретя наконец голос, Шейра завопила что есть мочи и встала между мужчинами.

– Назад! – прокричал ей Конан, когда в его голове созрел новый план.

Продолжая лежать, он подождал, пока Гомба разопьет достаточную скорость, и выставил вперед весло. Расчет оказался точен, однако инстинкты ганака, отточенные годами тренировок, не подвели. Он ловко уклонился от копья и одним могучим движением вырвал его из рук Конана. Сломав его о колено и выбросив обломки, он бросился на распростертого киммерийца.

Варвар, который в приемах рукопашного боя разбирался не в пример лучше своего противника, тем не менее значительно уступал ему в силе. Избрав наиболее уязвимое место, он вцепился в его глотку и принялся давить с таким усердием, с которым, казалось, можно было задушить гиппопотама. Локоть Гомбы больно врезался в грудь, заставив задыхающегося киммерийца ослабить хват. Кашиля, он изловчился-таки пнуть Гомбу в пах. Ганак, который, по-видимому, не был знаком с такими приемами, скорчился в агонии. Воспользовавшись преимуществом, Конан пнул его снова, на этот раз в челюсть, которая омерзительно хрюстнула.

Плюясь зубами и кровью, Гомба потянулся к сундуку, что-то лихорадочно нащупывая.

Конан ужаснулся, когда понял, что тот искал. Из-под крышки видавшего виды сундука торчала сверкающая рукоятка атланги.

Варвар предпринял очередной сокрушительный удар, отчаянно пытаясь помешать Гомбе завладеть могущественным оружием. Как назло, в торопливом движении он подвернул себе ногу и, стиснув зубы от боли, рухнул на траву. Триумфальный рев великана оглушил распостертоего киммерийца, не мешая, однако, заметить кусок черной смерти, занесенный над его головой.

— Нет! — вскрикнула Шейра.

Удивленные голоса ганаков донеслись из соседних хибарок, когда их хмельные обитатели повылезли наружу.

Неожиданно Гомба замер. Он удивленно посмотрел на атлангу и отступил назад. Ко всеобщему изумлению, юноша упал на колени и сокрушенno зарыдал.

Не теряя ни минуты, Конан подбежал к ганаку и выбил оружие из его рук. Гомба не сопротивлялся.

— Да... убей меня! — хныкал юноша, его тело казалось безвольным. — Духи атланги... они сказали мне... я избранный.

Конан не верил своим ушам. Он расслабил побелевшие пальцы, хотя все еще продолжал сжимать горло Гомбы. Те голоса, что накричали на него в башне, едва не отправив в ад... Значит, Гомба не соврал. Но почему Кулунга выбрал предателя?

Откашлявшись, юноша продолжал:

...Но они отказались служить человеку, помыслы которого нечисты.

В этот миг к ним подбежала группа ганаков во главе с Юконой. Воины, казалось, были крайне удивлены представшей их взору картиной.

— Во имя Азусы! Кто мне объяснит... — начал Юкона.

— Тс-с! — перебила его Шейра.

— Убей меня, чужестранец... Шейра твоя. Я не заслуживаю любви такой женщины. Я мог спасти свой народ, но моя глупость все испортила!

Конан заглянул в мокрые от слез глаза, потом разжал пальцы и молча отступил. Ветеран не одной сотни войн, он слишком хорошо знал этот взгляд — взгляд безнадежно отчаявшихся людей. И тем не менее Гомба выглядел возродившимся человеком — в этом киммериец не сомневался. Взгляд Шейры выражал удивление.

— Неужели ты его пощадишь?

Конан кивнул:

— Я не палач. Пусть боги решат его судьбу в, если потребуется, сами прервут его ничтожное существование. Хотя, похоже, он ненавидит кезатти больше, чем кто-либо из нас, и будет драться до конца.

— В конце концов, объяснит ли мне кто-нибудь, что здесь произошло? — потребовал Юкона; он до сих пор выглядел нетрезвым и плохо выговаривал слова. — И куда девались ятаба с Нионой?

Конан и Шейра переглянулись, когда Гомба поднялся на ноги.

— ...Я не заметил вугунды у избушки ятабы. Думаю, они улетели поговорить с глазу на глаз туда, где их слова не будут услышаны... — Он и остальные растерянно замерли, когда Гомба поднял с земли атлангу и, не проронив ни слова, удалился с ней в темноту. Ганаки проводили его изумленными взглядами.

Шейра и Конан начали пересказ случившегося, и прозревший Юкона неожиданно

понял, что его дочь была по уши влюблена в киммерийца.

Ятаба с Нионой этой ночью так и не вернулись.

ГЛАВА 19

ЧЕТВЕРО ПРОТИВ СОТЕН

Полоска густого индиго сменилась веселой лазурью, когда первые лучи солнца озарили восток.

Конан равнодушно жевал изрядный ломоть сырой рыбы, выплевывая кости на землю под праздничной крышей. Измученный разборкой с Гомбом, он мгновенно уснул и теперь чувствовал себя отдохнувшим. Грудь и бока болели; что ни говори, а в рукопашной эти ганаки были опасными противниками.

Юкона казался на удивление активным вопреки умопомрачительному количеству поглощенного куомо. Он сидел рядом и любовался на восход. Хоть они и не обсуждали этой проблемы, однако от Конана не ускользнуло, что отсутствие ятабы его весьма беспокоило.

— Ты мог бы рассчитывать на мое благословение, если бы вы с Шейрой решили пожениться, — сказал он неожиданно.

Конан поперхнулся:

— Мы еще ничего не решили. Кроме того, она раниоба. Придется ли ей оставить этот пост, если она захочет иметь мужа?

Юкона кивнул:

— Таковы обычаи. Ятаба мог бы запретить ваш брак, ибо ты чужестранец. Однако я не думаю, что он станет возражать после всего того, что ты для нас сделал.

Конан отвернулся, разглядывая ганаков, которые уже приступили к своей утренней работе. Женщины и дети обрабатывали улов, раскрывая моллюсков и выковыривая мясо; покончив с этим, они натрясли кокосов и сцедили молочко. Подростки латали сети, используемые для рыбной ловли, а старики сновали у места собраний, иногда собираясь в кучки и что-то шумно обсуждая.

Одному раненому воину удалось-таки встать с постели, и он теперь неуклюже прогуливался в сопровождении жены. Остальные все еще тряслись в лихорадке, их сил хватало лишь на то, чтобы проглотить кусок рыбы или глоток воды.

Гомба сидел на широком камне и выстругивал новое весло. Юноша, казалось, обрел самообладание, однако держался замкнуто, всячески избегая взглядов Конана. Он был всецело поглощен работой, которая, по мнению киммерийца, действительно требовала большого усердия, особенно когда ракушки и камни являлись единственными инструментами, имевшимися под рукой. Атланга валялась рядом; то ли он счел ее непригодной для обработки дерева, то ли такие мысли вообще не приходили ему в голову.

Вспомнив, что его собственный клинок также нуждался в заботе, Конан положил его на колени и принял скрести подходящей по форме и размеру ракушкой.

Шейра, Макиэла, Аврана и Канитра показались из-за зарослей тростника, вернувшись из разведки. Благодаря заговорам ятабы, а также настоям из листьев ягнебы раненые девушки быстро поправлялись.

Юкона вопросительно посмотрел на дочь, однако та лишь покачала головой. Ганачки облазили все окрестности в поисках следов ятабы и Нноны, начиная от хижины вождя, но так ничего и не заметили.

Кован снова посмотрел на меч. Ракушка крошилась о закаленную сталь, и он выбросил

ее прочь. От нечего делать варвар вытащил из сундука несколько книг и принял их непроропливо разглядывать.

— Как, ты сказал, они называются? — также от нечего делать спросил Юкона.

— Книги, — бросил Конан, не отрывая глаз от крючковатых иероглифов. С наступлением утра его настроение заметно ухудшилось.

Старик с любопытством посмотрел на пыльные тома, однако холодность собеседника удержала его от дальнейших расспросов.

Конан в раздражении вышвырнул четвертую книгу, которая, как и предыдущие, оказалась совершенно нечитаемой. Время и сырость превратили древние тома в кучу перепачканного и крошащегося пергамента, который, того и гляди, готов был рассыпаться в его руках.

Крик Макиэллы приковал к себе внимание селян. Поначалу Конан ничего не заметил, однако через минуту небольшое пятно на горизонте обрело очертания крадунчика. Он пронесся над джунглями и устремился к месту собраний. Ганаки с разных концов деревни побросали свою работу и заспешили к холму, где только что приземлился Давакуба. Даже Гомба побрел за остальными, в руках он сжимал неизменную атлангу.

Ятаба выглядел немного растерянным, хотя обычная уверенность вернулась к нему, как только он ступил на твердую землю. Ниона продолжала восседать на своей крылатой горе, тревожно взглядываясь в небо. Крадунчик смотрел туда же, его антенны подергивались.

Глаза ятабы казались уставшими, свидетельствуя о бессонной ночи. Он поднял руку, требуя внимания.

— Прошу простить меня за задержку. Нам с Нионой-раниобой нужно было многое обсудить. Сейчас у меня нет времени посвящать вас в предмет разговора, ибо заклятые враги наши приближаются.

Толпа загудела.

— Мы видели кезатти издалека, но даже с такого расстояния небо было черным от их крыл. Однако не отчаивайтесь. Даже без атланги...

— Похоже, все-таки с атлангой, — перебил его Юкона.

— Что ты имеешь в виду, Юкона? Если у тебя есть что сказать, прошу тебя, не молчи!

Юкона пожал плечами, указывая на Гомбу.

— Он замахнулся атлангой на Конана и наверняка убил бы, если бы не духи, которые остановили его, сообщив заодно и о его избранности. Гомба — избранник Кулунги!

Ятаба прищурился:

— Что скажешь, Гомба?

Юноша побледнел.

— Я погубил все! Я был однажды избранным, но прогневил духов, и те отвернулись от меня. Позволь мне драться с кезатти и найти в бою смерть!

Конан заметил, что Ниона смотрит на Гомбу с любовью, неестественной для двух незнакомых людей. Все это было странно, однако строить на этом далеко идущие предположения было пока рановато. К тому же у него хватало своих проблем. Варвар мысленно простонал, осознав, что выполнение ятабой его части сделки на неопределенное время откладывалось.

— Хорошо, Гомба. — Голос ятабы как будто смягчился, хотя выражение лица по-прежнему оставалось непроницаемым. — Дети и старики должны спрятаться. Шейра, приготовь своих женщин. Скорее! Кезатти могут напасть в любую минуту. Ниона, кого ты выберешь себе в

помощники?

— Нам не нужен никто. Давакубе тяжело будет нести двоих, — улыбнулась старуха.

Ятаба кивнул:

— Конан, я в долгую перед тобой. Если хочешь, мы сейчас же отправимся в мою избушку, и я попробую призвать духов. Ты сдержал свое слово, и я сдержу свое. Что скажешь?

— Сначала бой, — возразил киммериец, стиснув рукоятку меча.

— Бок о бок, как тогда! — подмигнул Юкона и поднял свое весло.

— Мы готовы, ятаба, — сообщила Шейра. Она и остальные запаслись изрядным запасом копий и спрятались в зарослях камыша.

Конан одобрил эту тактику. Он видел, с какой точностью и силой ганачки метали свои копья.

— Воин из Киммерии, я не заслуживаю такой чести, но я прошу вас с Юконой позволить мне драться вместе с вами... спиной к спине. Тогда дети Изата будут отлетать от нас кровавым дождем, — взмолился Гомба.

— Сражайся как знаешь. Мне все равно, пока ты рубишь шеи кезатти, а не кому-то еще.

Конан не ожидал, что окажется с Гомбой в одной упряжке, и теперь сожалел, что не успел преподать парню несколько уроков фехтования.

— Четверо будут стоять на холме! — торжественно прокричал ятаба. «Четверо против сотен», — подумал он про себя.

Ниона подула в ракушку и тут же взмыла в воздух. Она, как и остальные, будет прятаться в лесу, дожидаясь появления кезатти. Конан саркастически улыбнулся, по опыту зная, что крадунчики были непревзойденными мастерами засады. Он мог лишь гадать, сколько краснoperых голов полетит на землю, прежде чем кезатти одолеют-таки Давакубу. Аквилонский генерал променял бы легион пехотинцев, — да что там, целую конницу, — на одного такого союзника.

И только Макиэла не искала укрытия, она взобралась на самое высокое дерево и пристально вглядывалась в горизонт. Конан, который знал, что острый глаз ганачки заметит кезатти даже раньше, чем его собственный, молчаливо стоял на холме, дожидаясь ее сигнала.

Они стояли спиной к спине, образуя широкий квадрат. Слева и справа от Конана стояли ятаба с Юконой. Прямо за спиной киммерийца возвышался огромный Гомба. Ни щебет птиц, ни шелест деревьев — ничто не нарушало напряженной тишины, повисшей в утреннем воздухе.

После целой вечности ожидания раздался пронзительный свист. Макиэла соскользнула по стволу и быстро присоединилась к остальным. Тростник сомкнулся за ее спиной.

— Кром! — прошептал киммериец, ему показалось, что они сражаются с небом, затянутым грозовыми тучами.

В этот раз кезатти было в два или в три раза больше, чем тогда, на побережье скелетов. Но Конан не испытывал страха: «Лучше умереть в бою, чем на койке из гнилой соломы! Во имя Крома, никто не живет вечно!»

Сердце отчаянно заколотилось, заставляя кровь в венах петь. Горячая дрожь пробежала по телу. Тревоги и обиды немедленно испарились, словно холодные снежинки, растворившиеся на груди. Широко расставив ноги и подняв над головой меч, Конан издал крик — боевой клич киммерийца.

Кезатти атаковали. Вытянув когти, щелкая клювами, они обрушились, словно крылатые молнии. Оглушительные крики зазвенели в воздухе, разрывая зловещую тишину. В самом

центре краснoperой массы Конан заметил фигуру, которая выглядела словно три или четыре кезатти. Однако мимолетное видение было тут же скрыто передним рядом атакующих хищников.

Град копий обрушился на кезатти, пронзив сразу дюжину. Умопомрачительный гомон раздался в центре, когда Давакуба врезался в самую толщу крылатых демонов. Зеленые челюсти раздавили одну из тварей, в то время как стальные предплечья обезглавили двух других.

Не дрогнув, краснoperое полчище обрушилось на бесстрашную четверку.

Лезвие Конана сверкнуло дважды, срубив голову одному из кезатти и выпотрошив брюхо другого. Весло Юконы взлетало рядом, круша шеи и пронзая тела. Ятаба проткнул одного из хищников, кричащая птица заскользила по древку, ее когти оставили на груди ганака кровавый след.

Пятеро демонов налетели на Гомбу. Он поднял атлангу, намереваясь защищаться. Это привело кезатти в настоящую ярость. Пронзительные крики поднялись на невыносимую высоту. Они отчаянно закружили, стараясь увернуться от оружия, лезвие которого вдруг засверкало сверхъестественной голубизной. Потрескивая, словно полено в костре, яркие дуги – крошечные молнии – засияли на острие атланги. Пять дымящихся трупов рухнули на землю, наполняя воздух запахом паленой плоти.

Гомба покачнулся. Молнии пропутешествовали вдоль всего лезвия и добрались до рукоятки, обжигая ладони ледяным огнем. Стиснув зубы, юноша стерпел боль, тряхнул головой и снова поднял клинок.

Новая банда стервятников обрушилась на ятабу, опрокинув его на спину. Меч Конана выстрелил, как стальная кобра, обезглавив сразу двух кезатти. В тот же миг три других напали на киммерийца с разных сторон, вонзая когти в обнаженную спину и сдирая кожу с боков. Взревев от боли, варвар закружился волчком, раздавая удары направо и налево. Вырвав меч из тела одного, он схватил за тощую шею другого и сжал кулак до тех пор, пока не раздался хруст.

Расправившись с последним стервятником, ятаба вышвырнул его прочь и поднял с земли весло, как раз вовремя, чтобы отразить новую атаку.

Новая волна кезатти оказалась еще страшней. Птицы истошно кричали, оплакивая мертвых сородичей. В очередной раз Гомба поднял свою атлангу, испепеляя врага огнем.

Конан сражался сразу с шестью пернатыми. Гора мертвых тел доходила ему до бедер. Заляпанное кровью лицо смотрело с леденящей улыбкой.

Наконец небесная орда начала понемногу редеть.

В небе Давакуба расчленял птиц с присущим всем крадунчикам хладнокровием. Ниона восседала на его шее, яростно отгоняя стервятников, которые так и норовили выцарапать мзури глаза. Прямо под ними Шейра и ее охотницы швыряли свои копья и ножи. Как бы то ни было, кезатти также собирали дань: поверх кучи поверженных птиц неподвижно лежала Аврана.

– Кром, – проворчал киммериец, он никак не ожидал от кезатти такой тактики. Там, на побережье скелетов, стервятники устремлялись вниз, дрались и снова взмывали в воздух, чтобы перегруппироваться. Сегодняшние же атаки казались бесконечными. Что заставляло птиц действовать так необдуманно? Однако размышлять над этим не было времени.

Разрубив грудь очередной твари, он замахнулся мечом, чтобы встретить следующую... однако удивленно сморгнул.

Одно-единственное пятно парило высоко в воздухе, в то время как остальное небо было совершенно чистым. Кезатти были разбиты!

Шейра заспешила к холму, помогая Макиэле и Канитре, которые казались едва живыми. Остальные охотницы, слишком слабые, чтобы двигаться, оставались ждать в камышах. На красной от крови земле лежало несколько распростертых ганаков.

Юкона выбрался из груды выпотрощенных тел и покачнулся на неверных ногах. Гомба лежал на такой же горе, все еще сжимая атлангу. Из груди его вырывался стон.

Ятаба поднял его голову и что-то шепнул на ухо. Юноша удивленно открыл глаза. Он хотел было что-то спросить, но захлебнулся в собственном кашле. Ятаба улыбнулся Конану, в глазах старика читалась смертельная усталость. Позади них бесшумно приземлился Давакуба.

— Один кезатти жив, — предупредила Ниона, указывая на небо. — Он пролетел далеко от нас, а Давакуба слишком устал, чтобы пуститься в преследование. Это необычная птица. Она специально держалась на расстоянии, чтобы оставаться незамеченной.

Ятаба пожал плечами.

— Один-единственный враг — лишь маленькое облачко на горизонте победы. Кезатти нам не страшны по крайней мере в течение целого поколения. А к тому времени подрастут наши дети. — Несмотря на усталость, его голос звучал гордо. — Теперь, Конан, я готов выполнить свое обещание...

Огромная тень пронеслась над холмом столь быстро, что моргни Конан глазом, и он наверняка ее не заметил бы. Порыв холодного ветра разметал за спиной волосы. Шейра вскрикнула, а Юкона вскинул руки, стараясь защитить глаза. Ниона пришпорила мзури и подула в свисток.

Он явился из ниоткуда, или по крайней мере это так выглядело. Кезатти, который только что казался пятном, несся теперь на них с умопомрачительной скоростью. Конан почувствовал, как по его спине пробежали мурашки при виде крылатого монстра, втрое превосходившего любого из своих сородичей. Конан вспомнил, что уже видел его в самом начале сражения. Когти и клюв твари были под стать ее пропорциям. Живот ее был неестественно круглым, и варвара осенила тошнотворная догадка — кезатти была беременной самкой... возможно, их королевой.

Она молниеносно атаковала ятабу, прежде чем тот смог узнать об опасности.

Выйдя из оцепенения, Конан замахнулся мечом, однако с таким же успехом можно было охотиться за вспышками молнии. Вцепившись в ятабу своими когтями, она стремительно взмыла в воздух, унося вождя на глазах у онемевших ганаков. Однако, отягощенная ношей, птица не могла лететь быстро.

— Конан, Шейра — сюда! Мы должны догнать их! — скомандовала Ниона.

— А я? — простонал Юкона.

— Эти двое — и без того непомерный груз. Но они самые легкие среди вас. Давакуба не поднимет больше. — С этими словами она дунула в ракушку, и мзури взлетел.

Хлопая могучими крыльями, он ринулся в погоню, унося их прочь от деревни и от Юконы, который так и продолжал стоять с открытым от изумления ртом.

ГЛАВА 20

КОРОЛЕВА КЕЗАТТИ

— Иштар и Птеор! — выругался Конан, заметив, что кезатти постепенно набирает скорость. — Неужели этот крылатый дармоед не может лететь быстрее?

Ятаба неумолимо исчезал из виду, а вместе с ним исчезала и надежда киммерийца на избавление от заклятия шамана.

— Сможет, если ты спрыгнешь, — огрызнулась Ниона.

— Смотри! — прервала их Шейра, указывая вниз. — Это и есть побережье скелетов?

Конан немедленно узнал остров-полумесяц с грудами серых костей, доминировавшими на его конце.

— Да, — кивнул он через плечо. Давакуба летел быстрей, чем он полагал; с тех пор как они покинули деревню, прошло несколько минут — не больше.

Шейра, как зачарованная, смотрела на промелькнувший под ними островок.

— Ни одна охотница, даже раниоба, не покидала еще Ганаки.

— Почему? — не оборачиваясь, спросил варвар, его взгляд был прикован к исчезающей фигурке ятабы, который был теперь размером с муравья.

Шейра вздохнула, прежде чем ответить.

— У нас нет на это времени. Охота и рыбная ловля, изготовление копий и собирание ракушек, поиски ягод вануклы и разных лечебных трав занимают у нас все дни. Но все это может измениться, ибо с сегодняшнего дня мы стали еще и воинами.

— Мужчины и женщины Киммерии ведут подобный образ жизни. Редко, когда они покидают границы своего племени, и то лишь в тех случаях, когда кровная месть преследует их по пятам или же они сами кого-то преследуют.

— Однажды, когда все это кончится, я бы хотела увидеть те земли, о которых ты говорил.

Конан согласно кивнул. Любое место, где он задерживался подолгу, заставляло его почувствовать себя узником. Слишком часто он покидал города, преследуемый целыми армиями. Но если бродяга решает уйти, почему бы ему не пополнить карман или уж по крайней мере не освежить впечатлений?

Крадунчик начал терять скорость, вызвав на лице Нионы недовольную гримасу. Старая раниоба подула в ракушку, перебирая пальцами отверстия на ее ребристой поверхности. Однако старания ее не были вознаграждены: теперь крадунчик терял не только скорость, но и высоту.

— Давакуба устал. Похоже, мы потеряли ятабу, — сказала Ниона упавшим голосом.

— Нет! Кезатти опустилась на ту скалу... Если нам придется плыть, то, клянусь Кромом, я готов к этому!

Шейра и Ниона также ее заметили. Издали она показалась небольшой, однако по мере их приближения реальные размеры скалы становились очевидными. Вчетверо меньше Ганаки, логово кезатти было скалистым островком, что поднимался над морем, словно каменная крепость.

Без малейшего предупреждения прозрачные крылья перестали биться. Конан успел набрать в легкие воздуха, прежде чем крадунчик и его оцепеневшие всадники нырнули в сверкающую воду.

Гребя так, как будто его преследовали все морские акулы, Конан поплыл к острову. Шейра старалась как могла, однако не поспевала за одержимым киммерийцем. Ниона осталась с Давакубой. Крадунчик был явно не в своей тарелке и лишь благодаря подбадривающему свисту продолжал держаться на воде.

Конан выскочил на берег, сжимая в руке меч. Укусы соли, разъедавшей раны, быстро прекратились, и хотя битва и заплыv давно изнурили бы любого, даже самого выносливого человека, усталость чувствовалась в его теле не дальше, чем капли воды на лице. С ловкостью горного архара он начал подъем на скалу. На полпути к вершине он посмотрел на Шейру, которая только что выбралась из воды.

Робко взглянув на стену, она поползла наверх. Ее восхождение не было столь же быстрым и гладким, впрочем, далеко не каждый человек на земле владел подобными навыками. Кроме того, безрассудная спешка киммерийца была обусловлена крайней необходимостью. Малейшая проволочка, и все, что он найдет наверху, – это останки выпотрошенного ятабы.

Миновав последний отвесный участок, он очутился на вершине. Осторожно заглянув через край, Конан обнаружил кратер. В нескольких футах от него виднелись следы крови, а рядом на плоском камне сверкало черное ожерелье.

Внезапный крик Шейры заставил его обернуться. На какой-то миг он стал свидетелем удивительного зрелища: за считанные секунды, прямо на его глазах, голая стена поглотила девушку.

Чертова спешка! Он не должен был ее оставлять. Наверняка она выбрала другой маршрут и наткнулась на пещеру... доверху набитую кезатти!

Конан подхватил ожерелье, наскоро обмотал вокруг шеи и, не раздумывая, заспешил вниз, как раз к тому, месту, где только что исчезла Шейра.

Как он и предполагал, в стене был проход – узкий черный туннель, едва достаточный, чтобы поместить человека; на каменном полу валялся ракушечный нож.

Конан ступил внутрь. Откуда-то издалека доносились звуки возни. Слабый рассеянный свет проникал сверху, обеспечивая хоть какое-то освещение. Неровные уступы покрывали стены пещеры; проведя по ним рукой, Конан обнаружил гнезда. Неожиданное обстоятельство заставило его отшатнуться: шершавые стенки гнезд были вылеплены не из глины и соломы, как он предполагал, а из больших человеческих костей вперемешку с другими костями, наверняка принадлежавшими кезатти.

Плавно повернув за угол, Конан понял, что туннель вел наверх: наверняка к тому самому кратеру, где он рассчитывал обнаружить ятабу.

Конан двинулся дальше, справа и слева от него простирались все те же пустые гнезда. Похоже, ятаба был прав: они уничтожили всех и самых последних представителей этой чудовищной расы.

Впереди коридорширился и становился светлее. Конан замедлил шаг, держа наготове меч.

Туннель внезапно кончился, переходя в просторную комнату. Яркий свет струился из дыры в потолке – кратера, что он заметил сверху. Увиденное заставило его похолодеть.

Пол устилали сотни, нет, тысячи уродливых яиц, каждое размером с пивную бочку. Красная скорлупа некоторых из них была частично надтреснута. Конан заметил, что одно из яиц задрожало, прежде чем окончательно расколоться. Сморщенная голова новорожденного высунулась наружу, щелкая пока небольшим, но тем не менее острым клювом.

Чуть дальше на полу лежали распростертые тела ятабы и Шейры. Грудь вождя слабо вздымалась, вмиг оживив надежды киммерийца. Шейра тоже дышала.

Рядом с ними, спиной к Конану, сидела огромная птица. Она тужилась, потом выпрямлялась, и с мокрым хлопком появлялось новое, вымазанное в помете яйцо.

Новорожденный осмотрел и разорвал оставшуюся скорлупу. Он был размером со взрослого орла, хотя крылья казались недоразвитыми. Неуклюже покачиваясь, птенец заковылял к свежему мясу, которое ему только что принесла мать.

Конан видел достаточно. Размахивая мечом и давя ногами яйца, он бросился к королеве кезатти.

Птица повернулась на шум. От одного лишь взгляда ее красных, непостижимо человеческих глаз Конан оцепенел. В этих зрачках таилось тысячелетнее зло, а ненависть, которую они излучали, была столь интенсивной, что пронзила варвара до самого сердца. Теперь он понимал, что смотрел не просто на раскормленного до чудовищных размеров кезатти, а на сущего демона, порожденного самым черным курятником зла.

Причина столь безумного самопожертвования стервятников была теперь ясна. Королева-мать заботилась о своем выводке, который надо было во что бы то ни стало кормить.

Мгновение истекло. Кезатти атаковала стремительно, метя когтистыми лапами в лицо киммерийцу. Конан отпрыгнул назад, пещера наполнилась его боевым кличем. Он бросил ракушечный нож, засадив его под одно из крыльев. Птица вырвала его клювом и, оглушительно кудахтая, бросилась на врага.

Она была столь громадной, что даже высоко поднятый меч не мог дотянуться до ее шеи. А зловеще вытянутые когти были даже длиннее самого клинка. Когда она устремилась вниз, Конан бросился на пол, давя спиной яйца, Шейра заворочалась рядом и со стоном приподнялась на локтях.

Отчаянный взмах меча лишил кезатти лапы. От ее пронзительного крика у Конана чуть не полопались перепонки в ушах. Он ударил снова, отхватив на этот раз кусок красноперого бока. Это привело птицу в настоящую ярость!

Смерч крыльев и когтей пригвоздил Конана к стене. Не обращая внимания на раны, кезатти атаковала снова и снова, пока усталость и боль не заставили ее сдаться.

Злобно сверкнув зрачками, она поднялась в воздух и, тяжело махая крыльями, устремилась к отверстию в потолке.

Не давая королеве удрать, Шейра вцепилась в ее здоровую ногу и что было сил принялась тянуть к земле. Однако такова была сила кезатти, что, даже будучи раненной, она продолжила полет, увлекая девушку следом.

Извергая проклятия, Конан бросился вдогонку. Разбежавшись, он высоко подпрыгнул, поймав одной рукой лодыжку Шейры, другой же продолжая сжимать меч. Вопреки его ожиданиям, кезатти и не думала опускаться.

Выбравшись из пещеры, птица яростно затрясла ногой, пытаясь избавиться от непосильной ноши. Кровь лила с киммерийца дождем, и лишь благодаря могучему усилию воли он не позволял своим пальцам разжаться. Проплывая сквозь окно в потолке, он зацепился носком за каменный уступ, предотвратив тем самым дальнейшее вознесение.

Не в силах подняться выше или стряхнуть людей, кезатти изогнула шею, стараясь клюнуть Шейру в лицо.

Конан взревел. Он высвободил ногу из-под камня и замахнулся мечом. Лезвие сверкнуло на солнце, взбивая облачко перьев и разрубая кость. Клюв застыл в дюйме от Шейры, в

последний раз щелкнув, прежде чем отсеченная голова покатилась к морю и скрылась в голубой воде.

Выпустив Шейру, Конан приземлился на краю скалы, отчаянно раскачиваясь, чтобы сохранить равновесие.

В агонии птица пронеслась мимо, острые когти скользнули по груди, срывая нить ракушек. Сверкая и переливаясь, ожерелье полетело в море.

Картина застыла перед его глазами...

Шейра парила над пропастью, руки молотили воздух, пытаясь ухватиться за скалу.

Внезапно выйдя из оцепенения, Конан поймал ее запястье и вытянул наверх. Девушка была едва жива от ран и перенесенного шока. Склонившись над пещерой, он позвал ятабу, всем сердцем надеясь, что тот все еще был жив.

Ответа не последовало.

Спрятавшись вниз, он помог Шейре спуститься, с удовлетворением отметив, что девушка быстро приходит в себя. Пока Шейра возилась с ятабой, Конан топтал и крушил, и успокоился лишь тогда, когда убедился, что в пещере не осталось ни одного целого яйца. Вознаграждая старания Шейры, вождь открыл глаза. Плечи и спина его были сплошным кровавым месивом. Подхватив ятабу на руки, они двинулись обратно по коридору, пока не достигли отверстия в стене.

Ниона и Давакуба ждали их внизу. Крадунчик доедал кезатти. Конан отвернулся.

Должно быть, это справедливо, чтобы одно чудовище всегда оказывалось в брюхе другого.

– Не только вам нужно есть! – улыбнулась Ниона.

Ятаба откашлялся:

– Конан из Киммерии, я не могу выполнить своего обещания. Я и мой народ в долгу перед тобой. Все, что у нас есть, – твое! Мое ожерелье... оно...

– Ты имеешь в виду это? – В руке у Ниона сверкала нить черных ракушек.

Сердце Конана чуть не выпрыгнуло из груди:

– Ха! Клянусь Кромом, богам присуще чувство юмора.

– Я видела, как это упало в море, когда мы выбирались на берег.

Ятаба сиял.

– Теперь, Конан, мы не будем откладывать! – Важность и уверенность вернулись к нему, как только он прикоснулся к своему ожерелью.

ГЛАВА 21

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Конан смахнул с лица волосы и посмотрел вперед, ерзая на неуютной спине крадунчика. Сначала он принял это за игру воображения, однако, проморгавшись, взглянул опять.

Земля! Он усмехнулся, глядя, как Ниона дует в ракушку, заставляя Давакубу спуститься. Руки Шейры покоились на его мускулистой пояснице, глаза девушки сияли предвкушением. Они полностью восстановились после того дня, когда был убит последний кезатти, – с тех пор прошло почти две недели.

После короткого отдыха Давакуба отнес Конана, Ниону, ятабу и Шейру обратно на Ганаку. В ту ночь вся деревня присутствовала на церемонии вызывания духов. Ритуал отнял немного времени: ятаба не нес чепухи, не выл и не жестикулировал, как это любили делать пиктские и кушитские шаманы. Закрыв глаза, насупив брови, он стиснул свое ожерелье и сосредотачивался до тех пор, пока пот не брызнул с его лица. Громкий гул вырвался из его кулака, вслед за чем воцарилась удивительная тишина.

Конан до сих пор содрогался при воспоминании о духах – прозрачных призраках, что закружились тогда вокруг него. Прежде чем он смог моргнуть глазом, они пронеслись сквозь его тело, выметая красный туман, который тут же рассеялся. Потом духи исчезли. Конан и изумленные ганаки вернулись к ятабе, который устало улыбался, выковыривая из ладони осколки ракушек. Потом он почувствовал боль, но она вскоре прошла. В ту ночь он не видел снов, хотя небо было безоблачным, и на нем сияла полная луна.

Две недели отдыха под опекой Шейры излечили раны и позволили изучить книги, унесенные им из башни. Среди них он нашел бортовые журналы Джайоры, которые и позволили ему в конце концов определить расположение Ганаки: самый юг Жемчужных островов, что один за одним тянулись вдоль западного побережья Вендии.

Гомба также оправился от ран и был возродившимся человеком. То ли близость смерти так на него повлияла, то ли духи атланги как-то его изменили, однако от его дерзости не осталось и следа. А на ее месте выросла личность, напомнившая Конану вождя, и это лишь укрепило подозрения киммерийца насчет связи между юношей, Нионой и ятабой. Во всяком случае, последние взяли его под свое крыло.

Шейра не встретила возражений Юконы относительно ее путешествия вместе с Конаном. По взаимному соглашению, Ниона должна будет вернуться за ней в следующее полнолуние.

Конан улыбнулся, глядя на такую заботу племени о своей дочери. Впрочем, он также был возрожденным. Свободный от заклятия шамана, с карманами, полными трофеев, с мечом на боку и в объятиях прекрасной дамы, – о чем же еще мог мечтать простой смертный?

Не успел Давакуба приземлиться, как они тут же оказались в окружении аборигенов. Конан ухмыльнулся, заметив, что одежда последних мало чем отличалась от его собственной. Как он и предполагал, они приземлились на острове, населенном гвадирийцами – самыми большими друзьями искателей жемчуга. Он выбрал этот остров из-за его близости к Ганаке: вряд ли крадунчик вынес бы более длительный перелет. Отсюда он

сможет отправиться в Вендию.

Однако это была не единственная причина. Не так давно, опять же в Иранистане, он спас от страшной участи дочку гвадиийского предводителя...

Кстати, а вот и он!

Коренастый загорелый воин подбежал с копьем в руке.

– Конан из Киммерии? – Его глубокий голос прогремел удивленно.

– Авраук! – радостно прокричал киммериец. – Как там Нанайя?

– Она вышла замуж за воеводу Баджрисов. Однако я сгораю от нетерпения узнать, что это за прекрасная женщина рядом с тобой? И что это за жуткое чудовище? – Он недоверчиво покосился на Давакубу.

– О, это длинная история... пожалуй, ее лучше рассказать за чашей вина.

– У нас будут вино и обед, каких не встретишь у королей! Если б ты только знал, как я рад тебя видеть! Кстати, я забыл рассказать, что Баджрисы теперь наши друзья. Однако три племени Удунги нам по-прежнему угрожают. Что скажешь, Конан? Приведи нас к победе, и я подарю тебе весь жемчуг, что только сможет унести твой крылатый зверь!

«От такого богатства никто бы не отказался!» – подумал киммериец.

– Почему бы и нет? С таким сокровищем я куплю себе целое королевство! Во имя Крома, была не была... Готовь своих воинов, полководец, да поспеши – мы прольем кровь Удунги еще до заката!